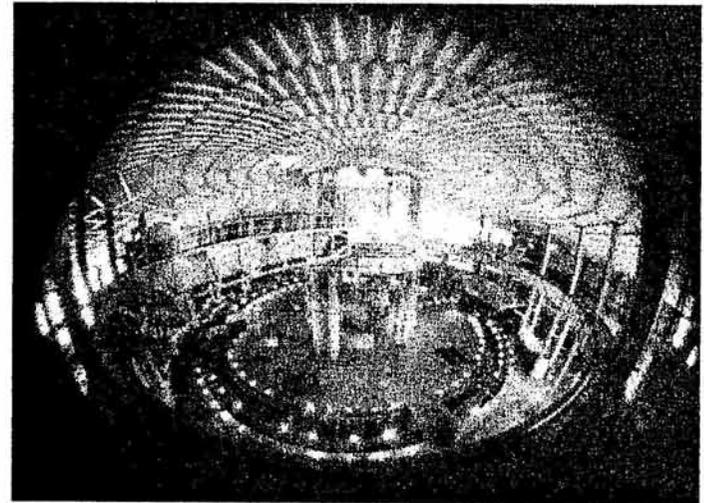

В.В. СЕДОВ

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ

Министерство образования Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

В.В. СЕДОВ

**МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА:
СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ**

Челябинск
2003

ББК У9(2)
С 284

О край родной! Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, и Русь твое значенье?
Мужайся, стой, крепишься и одолей!...

Федор Тютчев

С 284 **Седов В.В.** Мобилизационная экономика: советская модель / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2003. 177 с.

ISBN 5-7271-0649-4

В монографии с позиций экономической теории раскрыта сущность советской экономики как мобилизационной, ориентированной на обеспечение безопасности и независимости страны. Показана историческая необходимость такой экономики, рассмотрены ее особенности, достоинства и недостатки. Особое внимание уделено анализу существовавших в советской экономике противоречий, а также внутренних и внешних факторов ее разрушения. Взгляд автора на проводимые в России экономические реформы через призму мобилизационности позволил выявить необходимость предотвращения нависших над страной угроз проведения новой мобилизационной политики.

Предназначается для изучающих экономическую теорию и историю Отечества. Представляет интерес для широкого круга читателей.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Научный редактор А.А.Голиков, доктор экономических наук,
профессор Челябинского государственного
университета

Рецензенты: кафедра экономической теории и статистики Уральского
социально-экономического института Академии труда
и социальных отношений;
доктор экономических наук, профессор О.В. Артемова

С 0604020100 – 048
4К8(03) – 03 Без объявл.

ББК У9(2)-18

ISBN 5-7271-0649-4

© Челябинский государственный
университет, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Редкое отечественное учебное и научное издание по экономической теории и истории экономики обходит стороной экономику, именуемую командной. Однако это внимание, как правило, носит однобокий, в основном разоблачительный, характер. Обычно такая экономика трактуется как «тоталитарная», «неэффективная», «затратная», «самопожирающая», как «экономика абсурда, разрушающая все и вся». В свете подобных трактовок оказывается не вполне ясным вопрос о причинах возникновения командной экономики и тем более не понятно, как экономика СССР, а именно она берется в качестве образца командной экономики, могла долго существовать и даже соперничать с экономикami крупнейших держав мира.

Ответы на подобные вопросы должны были бы дать исследования, связанные с изучением переходного периода современной России на рыночный путь развития. Но и здесь в основном все сводится к отдельным проблемам, которые существовали в стране и которые потребовали перехода к рынку. Содержание же экономики СССР как командной опять же дается весьма схематично и тенденциозно. Из книги в книгу кочуют живописания «дефицита всего и вся», «длинных изнуряющих очередей», «чудовищной системы ГУЛАГа», «всеобщего равенства в нищете» и тому подобных вещей, больше говорящих об идеологическом пристрастии авторов, чем о существе вопросов. Между тем выбрать правильный маршрут движения совсем не просто, если не знать путь, по которому до сих пор шел и откуда его начал. В данном случае политика реформирования российской экономики как процесс осознанный не может быть успешной без четкого понимания экономики, которая подвергается реформированию. К тому же любая реформа – уже не реформа, а нечто иное, если она не основана на принципе преемственности и полностью отрицает предыдущую модель развития.

В данной работе предпринята попытка с позиций современной экономической теории раскрыть сущность командной экономики, ее необходимость, достоинства и недостатки, существующие в ней противоречия, формы их проявления и пути разрешения.

Главная особенность представляемой на суд читателя работы заключается в том, что в ней дается не сугубо теоретическое представление о командной экономике, а раскрывается ее реальное содержание на примере экономики СССР. Конкретно-исторический подход к советской экономике подвел автора к ее трактовке не просто как командной, а как командной экономики мобилизационного типа. В этом длинном определении ключевым является слово «мобилизационный». Именно в нем, по нашему мнению, заключается главное содержание экономики СССР. Не секрет, что используемые учеными-обществоведами слова, относящиеся к научным понятиям и категориям, призваны либо приблизить к сути изучаемых явлений, либо, наоборот, отдалить от нее. Приходится с сожалением констатировать, что применение к советской экономике таких определений, как «командная», «командно-административная», «тоталитарная» и т.п. – это попытка увести от сути, создать ложный образ того, что было и есть на самом деле. Понятие «мобилизационность» позволяет выделить главное и тем самым получить адекватное представление о советской экономике.

К характеристике советской экономики как мобилизационной автора подтолкнул известный с библейских времен принцип «узнавания по плодам». Этот принцип широко использовал К. Маркс при раскрытии сущности капитализма, взяв за основу экономику Англии с ее зрелым капитализмом и характерными для него социально-экономическими явлениями как его «плодами». В силу ряда объективных и субъективных причин именно в СССР сложился наиболее отчетливый тип мобилизационной экономики с присутствиями только ей чертами и результатами. Многие из существующих в современной России проблем являются своеобразными «плодами» советской экономики, так что обращение к экономике СССР позволяет лучше понять сущность происходящих в стране процессов, в том числе находит объяснение факт сугубо отрицательной трактовки советской экономики и общества в целом в современной учебной литературе.

Трактовка экономики СССР как мобилизационной помогает ответить на вопрос о причинах возникновения такой экономики. Становится ясно, как эта экономика, называемая командной, за беспрецедентно короткое время вывела СССР на второе место в мире по экономической и военной мощи и почему, несмотря на отмечаемую в современных учебниках «неэффективность», «абсурдность» и т.п., она существовала в СССР столь длительное время, уступая по своему потенциалу лишь экономике США. Ответы заключаются в объективной необходимости мобилизационной экономики, наличии у нее ряда существенных достоинств.

Раскрытие содержания мобилизационности показывает, что элементы этого явления были и есть в странах, взятых российскими реформаторами в качестве образца для подражания, в том числе в США. Анализ состояния экономики современной России подводит к выводу о том, что для ее выхода из тоннеля, в котором до сих пор не видно света, нужна специальная мобилизационная политика. Наконец, знание мобилизационной экономики оказывается необходимым и в связи с нарастанием глобальных, прежде всего ресурсно-экологических проблем, решить которые мир не в состоянии без использования мер мобилизационного характера.

Глава 1. КОМАНДНАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ТИП

1.1. Командная экономика: сущность и сравнительные признаки

Термин «командная экономика» первыми начали использовать западные экономисты при характеристике экономики СССР. Удивительно точно он отражал их представления об этой экономике. Она изображалась как направляемая командами людей, сидящими в Госплане и использующими небогатый набор методов поощрения тех, кто справлялся с плановыми заданиями, и наказания тех, кто не справлялся. Первые, как писал американский «знаток» СССР Питер Пасселл, «награждались выходкой к Новому году», а вторые наказывались «каникулами в ГУЛАГ»¹.

Столь же незатейливые характеристики советской экономике ныне дают и отечественные ученые. Иногда эти характеристики отличаются от зарубежных трактовок тем, что их авторы вслед за Г.Х. Поповым к слову «командная» добавляют слово «административная». Советская модель экономики, – пишет, например, В.В. Кудров, – это «модель нерыночной, командно-административной экономики тоталитарного государства со сверхцентрализованным управлением сверху вниз, заменившим собой традиционные горизонтальные рыночные связи»². Похожие определения даются в учебной литературе. В наиболее тиражируемом учебном пособии по экономической теории под редакцией М.Н. Чепурина и Е.А. Киселевой при выделении иерархии как способа координации хозяйственной деятельности отмечается: «Иерархия – это и командно-административная система, или социализм, где государство в лице Госплана или высших партийных инстанций отдавало приказы, что именно

¹ Schiller B.R. The Economy Today. N.Y., 1991. P.17.

² Кудров В. Крах советской модели экономики. М., 2000. С.81.

Формы и виды экономических систем

Критерий классификации	Формы и виды экономических систем		
	Характер социально-экономических отношений	Капиталистическая	Социалистическая
Особенности хозяйственного механизма	Рыночная	Командная	Смешанная

производить, распределяло ресурсы, прикрепляло поставщиков к потребителям»¹.

Особого внимания такого рода определения заслуживают потому, что в них командная экономика отождествляется с социалистической. А поскольку командная экономика противопоставляется рыночной, то аналогичным образом происходит отождествление последней с капиталистической экономикой. При этом характеристики командной экономики обычно сопровождаются выводами о ее «ограниченности» и «тупиковости», из чего следует, что и социализм – это тупиковый путь развития, соответственно, капитализм предстает безальтернативным обществом. Вот лишь один пример столь категоричных выводов. «Сегодня о социализме как реальной альтернативе капитализму говорят лишь неисправимые фанатики, – пишет Г. Скоров. – Для нормально мыслящих людей капитализм, или, как принято теперь говорить, “цивилизованная социально ориентированная рыночная экономика”, – естественная форма организации производства и распределения в современном обществе»².

Столь откровенная идеологическая заданность трактовок командной экономики требует особенно критического подхода к ним. Иначе получить объективное представление о советской экономике представляется невозможным. Для этого в первую очередь необходимо определить, насколько командная экономика соотносится с социалистической, а рыночная – с капиталистической.

В этой связи обратим внимание на то, что в основе выделения социалистической и капиталистической экономики, с одной стороны, командной и рыночной экономики, – с другой, лежат разные критерии. Так, выделение социалистической или капиталистической экономик происходит с учетом характера господствующих в обществе социально-экономических отношений, а выделение командной или рыночной экономик осуществляется на основе другого критерия – особенностей хозяйственного механизма общества³. Для наглядности роль этих критериев представлена в следующей таблице.

В первой строке таблицы приведены две существующие ныне социально-экономические формы экономических систем – капиталистическая и социалистическая, которые отличаются разным характером социально-экономических отношений. Эти отношения возникают между людьми как представителями определенных классов и социальных групп, занимающих разное место в системе отношений собственности. Например, при капитализме это отношения между классами капиталистов и наемных рабочих, содержание которых в свое время достаточно подробно раскрыл К. Маркс в своем «Капитале». На основе данного критерия, помимо капиталистической и социалистической экономических систем, можно выделить первобытно-общинную, рабовладельческую и феодальную системы. Наш анализ советской экономики требует учета только двух социально-экономических систем, поэтому в таблице указаны лишь они.

Очевидно, что если советская экономика трактуется как социалистическая, то тем самым признается наличие в ней социально-экономических отношений, характеризующихся отсутствием антагонистических классов, поскольку собственность на вещественные средства производства (капитал и землю) находится в руках общества в целом и используется в интересах всех классов и социальных групп: рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Из этого следует, что непосредственной целью производства является удовлетворение потребностей всех членов общества. Для ее достижения общество в лице государства организует планомерное производство и распределение производимых потребительских благ среди всех членов общества согласно принципу «от каждого по способностям, каждому по труду».

Что касается социально-экономических отношений, характеризующих капитализм, то они возникают между двумя основными классами этого общества – капиталистами и наемными рабочими. Первые выступают как собственники средств производства, а вторые – как собственники своей рабочей силы, продающие ее в обмен на необходимые им средства существования и соглашающиеся на безвозмездное присвоение капиталистами создаваемой прибавочной стоимости. Последняя, принимая форму прибыли, становится непосредственной целью капиталистическо-

¹ Курс экономической теории / Под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров, 1994. С. 68.

² Скоров Г. Капитализму XXI века предстоит решить труднейшие задачи // МЭМО. 2003. № 2. С. 3.

³ О критериях классификации экономических систем см. подробно: Седов В.В. Экономическая теория. Ч. 1. Введение в экономическую теорию. Челябинск, 2002. Гл. 4.

го производства. Правда, капитализм в своем развитии прошел ряд стадий, на которых происходили изменения в социально-экономических отношениях, менялся и классовый состав общества. Так, буржуазия как класс разделилась на мелкую, среднюю и крупную. Среди последней выделились олигархи, руководители крупных транснациональных корпораций. Меняется и структура наемных работников, в ней, например, появляются те, кого относят к представителям среднего класса.

Нами даны общие характеристики социализма и капитализма, взятые из научной и учебной литературы. В реальной жизни система социально-экономических отношений оказывается гораздо сложнее. В странах, относимых к социалистическим, можно наблюдать отношения, присущие капиталистическим и даже докапиталистическим обществам. Как мы увидим в дальнейшем, и в СССР социализм был далек от чистоты, что вызывает споры между сторонниками формационного подхода относительно того, какой в нем была экономика – социалистическая или несоциалистическая. Известно также, что далеко не чист и капитализм в западных странах. Мощные атимонополистические и антикапиталистические движения довоенных и особенно послевоенных лет, отражающие объективные закономерности общественного развития, а также влияние советской экономики и экономик государств Восточной Европы способствовали тому, что и в западных экономиках появились социально-экономические элементы социализма, наиболее отчетливо проявляющиеся в социально-ориентированных рыночных хозяйствах. Вот почему в табл. 1 наряду с социалистической и капиталистической формами экономик присутствует переходная экономика и есть основания говорить о переходности как советской экономики, так и многих западных экономик.

Сложность идентификации современных экономик обусловлена и тем, что социально-экономические отношения это, хотя и важнейшая, но часть системы экономических отношений. Наряду с ними в обществе существуют организационно-экономические отношения. Эти отношения складываются между людьми как функциональными субъектами экономики. Так, представитель буржуазного класса может выполнять предпринимательские функции: организовывать производство, управлять персоналом предприятия. Класс наемных работников выполняет функции по производству или сбыту товаров, в том числе на его представителей могут быть возложены управленческие функции на низовом или среднем уровне. Заметим, что именно организационно-экономические, или функциональные, отношения являются предметом западной экономики, либеральные представители которой утверждают: «Не существует ни классов,

ни общества как таковых, есть только индивиды»¹. Предметом политической экономики еще со времен К. Маркса стали преимущественно социально-экономические отношения.

Содержание организационно-экономических отношений, несомненно, определяется характером социально-экономических отношений. Но, как мы увидим в последующем, связь между этими отношениями вовсе не односторонняя. При определенных условиях под воздействием эффекта «наложения» или эффекта «подмены» могут происходить изменения в организационно-экономических отношениях, способные влиять на социально-экономические отношения. Действие отмеченных эффектов можно наблюдать в странах, относимых к социально-ориентированным государствам. Например, изменения в системе управления на многих предприятиях этих стран привели к возникновению рабочих советов, участию рабочих в распределении прибыли, к так называемым «человеческим отношениям» и тому подобным явлениям, говорящим о том, что здесь социалистические организационно-экономические отношения явно подменяют капиталистические. Накладываясь на капиталистические социально-экономические отношения, они нарушают их чистоту. В последующем мы увидим, как эффекты «наложения» и «подмены» сказались на судьбе советской экономики и общества в целом.

Отсутствие жесткой зависимости организационно-экономических отношений от социально-экономических делает возможным сосуществование капитализма и социализма в рамках отдельных стран. Точнее, можно наблюдать капитализм с элементами социализма, и наоборот, когда социально-экономические отношения в целом предстают как социалистические, а организационно-экономические отношения, возникающие по поводу заработной платы, прибыли, товарной продукции и т.п., более характерны для капитализма. С другой стороны, можно видеть, что капиталистические социально-экономические отношения могут соседствовать с такими элементами социализма, как общественные фонды потребления, участие рабочих в управлении предприятием и т.д. В этом непростом сочетании социально-экономических и организационно-экономических отношений скрыта множественность путей перехода не только от капитализма к социализму, но и наоборот – то, что мы наблюдаем в современной России.

Теперь обратим внимание на вторую строку табл. 1, где показано деление экономических систем на функциональные виды – рыночные и командные. Оно происходит на основе другого критерия – особенностей хозяйственного механизма общества. Для понимания сути этого деления

¹ Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. СПб., 1999. С.23.

Характерные признаки командной и рыночной экономик

Признак	Командная экономика	Рыночная экономика
Экономическое положение хозяйствующих субъектов	Подчиненное вышестоящим государственным органам	Экономически самостоятельное
Характер управления	Централизованное	Децентрализованное
Способ взаимодействия субъектов друг с другом	Согласно народно-хозяйственному плану	Через рынок
Стимулы	Неэкономические	Экономические
Ответственность хозяйствующих субъектов	Административная	Материальная

следует вспомнить содержание понятия «хозяйственный механизм», поскольку в современных учебниках оно почти не упоминается. В последнем советском учебнике по политэкономии отмечалось, что хозяйственный механизм представляет собой «совокупность организационных структур и конкретных форм хозяйствования, методов управления и правовых норм, с помощью которых общество использует экономические законы с учетом конкретно складывающейся обстановки»¹. Определение указывает, что хозяйственный механизм включает в себя не только то, что традиционно относится к базису, то есть к системе экономических отношений, в частности организационно-экономических, но и институциональную составляющую общества, включая политику, право, традиции, культуру и все то, что традиционно называют надстройкой. В целом же хозяйственный механизм предстает в виде системы мер, стимулов и всех тех воздействий, которые побуждают людей заниматься производством и доводить произведенное до потребителей. Это он помогает производителям найти ответ на основные хозяйственные вопросы: что, как, сколько и для кого производить. Наряду с рыночной и командной на основе указанного критерия можно выделить и традиционную экономику, в хозяйственном механизме которой центральное место занимают обычаи и традиции.

Поскольку хозяйственный механизм формируется под непосредственным воздействием как организационно-экономических, так и надстроечных отношений, то и здесь нельзя говорить о его безусловной зависимости от социально-экономических отношений. Тем не менее, социализм и капитализм, отличаясь разным характером социально-экономических отношений, имеют разный хозяйственный механизм. Поэтому, если обратить внимание на колонки (табл. 1), то можно увидеть, что капиталистическая экономика характеризуется как рыночная, а социалистическая – как командная. Но подобное отождествление, хотя и нашло отражение в современных учебниках по экономической теории, не вполне соответствует реальному положению вещей. Подобно тому, как социализму не чужд рынок, так и капитализм вовсе не отвергает командные методы.

Для того чтобы лучше понять суть командной и рыночной экономик, с помощью таблицы выделим основные их признаки и посмотрим, каковы они в той и другой экономике.

Начнем с командной экономики. Таблица показывает, что первая строка представляет такой признак, который явно отражает характер социально-экономических отношений, господствующих в той или иной экономике, прежде всего отношений собственности. В командной экономике ими обусловлен централизованный характер управления. Он предполагает, что особое положение в хозяйственном механизме занимают органы государственного управления и планирования, которым подчинены предприятия как хозяйствующие субъекты. Занятые в них люди, на современном языке именуемые топ-менеджерами, определяют, что предприятия должны производить, как, сколько и для кого. Делается это путем предварительной разработки государственного плана развития народного хозяйства, на основе которого составляются планы отдельных отраслей и затем предприятий. План определяет номенклатуру производимой продукции, ее объем, цены.

Составление планов предполагает предварительное выявление, с одной стороны, потребностей в конечных продуктах, а с другой – имеющихся ресурсов. Затем идет согласование между ресурсами и производимой продукцией по объему и номенклатуре путем составления вариантов материальных, трудовых и финансовых балансов и выбор оптимального варианта.

Если в качестве примера брать экономику СССР, то в ней Госплан как центральный экономический орган при составлении народнохозяйственного плана, планов отдельных отраслей и территорий работал во взаимодействии с различными государственными комитетами (по ценам, по материально-техническому снабжению, по делам строительства, по науке и технике, по труду и социальным вопросам) совместно с соответствующими министерствами и ведомствами, а так же с государственными и хозяйственными органами республик, краев, областей и районов.

¹ Политическая экономия: Учеб. для вузов. М., 1990. С.529.

Народнохозяйственный план законодательно утверждался и становился обязательным для выполнения, так что непосредственной целью работы предприятия являлось выполнение государственного плана. В необходимости выполнения планов заключался главный мотив деятельности предприятий. Его невыполнение грозило руководителям предприятий административными санкциями вплоть до снятия с должностей. Соответственно, связи между предприятиями, их взаимодействия друг с другом как поставщиками и потребителями носили планомерный характер.

В самом общем виде связи между основными сферами командной экономики представлены на рис. 1.

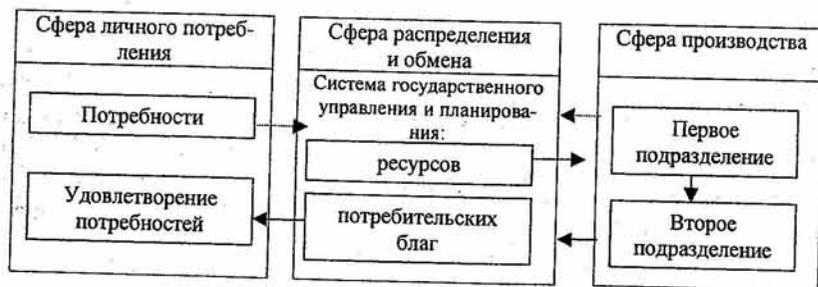

Рис. 1. Взаимосвязь между производством и потреблением в командной экономике

Рисунок показывает, что, как и всякая иная, командная экономика состоит из сфер личного потребления, распределения, обмена и производства. Центральное место в ней занимает распределение, которое представляет главный хозяйственный субъект экономики – Госплан, стоящий во главе системы планирования и управления. В его комиссии стекается информация о существующих в стране потребностях и ресурсных возможностях (на рисунке это показано пунктирными стрелками). С учетом ресурсных возможностей составляется план производства необходимых обществу благ.

Через органы материально-технического снабжения происходит плановое распределение ресурсов по отраслям и предприятиям. Последние, получив ресурсы, осуществляют производство запланированных средств производства (в первом подразделении) и предметов потребления (во втором подразделении). Затем опять же через соответствующие снабженческие органы произведенное доводится до потребителей, обеспечивая удовлетворение их потребностей. Как пишется в современных учебниках, в этой экономике «не закон стоимости, а планирующие органы государ-

ства решают, что, каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять»¹.

Видно, что экономика СССР выступала как планово-распределительная. Государство через органы планирования и управления держало в руках сферу распределения. В отношении предприятий, лишенных непосредственного и самостоятельного выхода в эту сферу, главным методом воздействия со стороны государства как их собственника являлись команды, то есть указания, требующие безусловного выполнения. Так как именно они занимали центральное место в хозяйственном механизме экономики, то на этом основании экономику действительно можно характеризовать как командную.

Поскольку эта экономика противопоставляется рыночной, то для более полного понимания ее сущности, исходя из проверенного принципа «все познается в сравнении», обратимся к рыночной экономике как антиподу командной экономики. Ее основные признаки представлены в последней колонке табл. 2.

Обращение к признакам рыночной экономики убеждает в отсутствии безусловной связи между социально-экономическими отношениями и функциональным видом экономики. Так, главный признак рыночной экономики – экономическая самостоятельность субъектов экономики – присущ и простому товарному хозяйству, существовавшему в докапиталистических обществах. Цель производства в этом хозяйстве заключалась не в прибыли, а в удовлетворении потребностей товаропроизводителей. Очевидно, что, только взяв признаки, характеризующие содержание хозяйственного механизма, а не характер социально-экономических отношений, можно получить достаточно полное представление о рыночной экономике.

Прежде всего выделяется то, что в хозяйственном механизме такой экономики главную роль играет рынок. На нем через взаимодействие спроса и предложения формируются цены, которые указывают предприятиям что, как и сколько производить, чтобы иметь прибыль. Благодаря рынку характер управления экономикой оказывается децентрализованным. В соответствии с принципом «анархия плюс констебель» государство ограничивает свою роль в экономике поддержанием общественного порядка. Это обеспечивает полную экономическую самостоятельность товаропроизводителей как частных собственников. Как таковые, предприятия обособлены друг от друга. При отсутствии единой системы управления экономикой регулирующую роль играет закон стоимости.

¹ Нуреев Р.М. Экономика развития: Модели становления рыночной экономики. М., 2001. С.2.

Существующие в рыночной экономике основные связи можно также представить в виде схемы (рис. 2). Можно видеть, что при возникновении личных потребностей люди обращаются на соответствующие рынки, совокупность которых формирует сферу распределения и обмена. Их спрос (рис. 2, левая пунктирная стрелка) на рынке потребительских товаров дает необходимую информацию о том, что нужно производить и сколько.

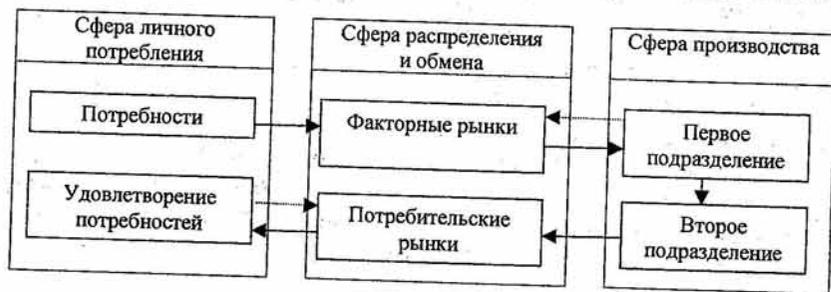

Рис. 2. Взаимосвязь производства и потребления в рыночной экономике

Распределение и обмен на рынке осуществляется через куплю-продажу. Это означает, что обращение к рынку в случае возникновения личной потребности предполагает наличие денег. Вот почему субъектам экономики предварительно приходится идти на соответствующий факторный рынок в качестве продавца какого-то фактора производства – труда, земли или капитала. Сюда же в качестве субъектов спроса (рис. 2, правая пунктирная стрелка) идут и представители сферы производства. Получив вознаграждение за тот или иной фактор производства в виде зарплаты, процента или ренты, можно стать покупателем на потребительском рынке и удовлетворить затем свои потребности.

Центральная роль рынка в хозяйственном механизме в основном проявляется через действие на нем закона стоимости, который через цены подсказывает производителям: что, как, сколько и для кого производить.

Заметим, что рыночная экономика не исключает метод командования. Просто здесь иной уровень командования. В экономике, именуемой командной, этот метод носит всеобъемлющий характер, пронизывая всю экономику с ее самого верха (министерства) до самого низа – рабочего места. В рыночной экономике система командования начинается с собственников предприятий или их объединений и идет вниз до отдельных работников, что обусловлено такими общими принципами управления, как единство руководства, единство распорядительства, дисциплина, подчинение частных интересов общим, иерархичность системы управления.

Таким образом, исходя из особенностей хозяйственного механизма, мы раскрыли основное содержание командной и для сравнения рыночной экономики. Сравнение показывает наличие существенных различий между этими видами экономик.

Однако жизнь оказывается намного богаче любых схем, обнаруживая явную условность выделения командной экономики и ее противопоставления рыночной. На самом деле во многих странах в силу действия эффектов «наложения» и «подмены» экономика является смешанной. В одних рыночный механизм дополняется, а где-то и заменяется мерами прямого, в том числе директивного, воздействия на субъектов экономики. Это можно видеть в государственном секторе экономики западных стран, занимающем во многих из них значительный удельный вес. Здесь государство уже давно без особого стеснения использует методы командования. Мы не говорим о широком применении мер государственного регулирования частного сектора экономики, в том числе мер административно-правовых – по сути тоже командных мер.

В этой связи как негативную реакцию на мощь и влияние современного государства в экономике можно рассматривать широкое распространение в экономической теории либерализма – политико-экономического течения западной мысли, исповедующего идею минимального участия государства в экономике. В других странах с экономикой, относящимися к командным, как, например, в СССР, плановый механизм сочетался с рыночным. Вот почему некоторые исследователи отмечают «планово-рыночный характер социалистического хозяйственного устройства СССР»¹. Так что и в одном, и в другом случае приходится говорить о смешанных экономиках. В табл. 2 смешанная экономика выделена в отдельную, третью колонку.

Очевидно, что объективным основанием существования смешанной экономики является общность производительных сил капитализма на его поздних стадиях и социализма на его ранних стадиях. Именно состояние производительных сил требует соответствующего хозяйственного механизма и обеспечивающих его функционирование экономических и надстроечных отношений. Вот почему современный капитализм вынужден все более использовать методы командования и планирования в пределах, которые допускают социально-экономические отношения, а социалистические страны расширяют круг использования рыночных рычагов в своем хозяйственном механизме. Не удивительно в этой связи и то, что та или иная экономика, будучи по своему функциональному виду смешанной, одновременно является переходной с точки зрения ее общест-

¹ См., напр.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. СПб., 1998. С. 442.

венной формы. Тем самым закон соответствия производительных сил и экономических (производственных) отношений действует как тенденция, а не как безусловный императив.

Для подведения итогов теоретического анализа командной экономики и обобщения сказанного воспользуемся еще одной схемой, указывающей на соотношение основных структурных «блоков» экономики как хозяйственной системы.

Социально-экономические отношения	Надстроечные отношения
Организационно-экономические отношения	
Хозяйственный механизм общества	
Производительные силы общества	

Рис. 3. Структурообразующие «блоки» экономики

Рис. 3 показывает, что материально-техническую основу экономики образуют производительные силы общества. На этой основе строится система общественных отношений, которая распадается на экономические и надстроечные, или институциональные. Видно, что последние наряду с организационно-экономическими образуют хозяйственный механизм, с помощью которого общество использует свои производительные силы и обеспечивает их развитие.

Представленное соотношение структурообразующих «блоков» помогает понять, почему командная и социалистическая экономика это совсем не одно и то же, точно также как и рыночная и капиталистическая. Во-первых, нет прямой связи между социально-экономическими отношениями, определяющими общественную форму экономики, и хозяйственным механизмом, обеспечивающим способ ее функционирования, то есть ее функциональный вид. Во-вторых, видно, что хозяйственный механизм формируют не только организационно-экономические, зависимые от социально-экономических отношений, но и надстроечные отношения, которые могут содержать элементы, присущие разным обществам: как капиталистическому, так и социалистическому. Вот почему не всегда социалистическая экономика предстает как командная, а капиталистическая – как сугубо рыночная.

Тем не менее ярко выраженные различия в системах социально-экономических отношений и в хозяйственных механизмах в разных странах, позволяют говорить о принадлежности их экономик к соответствующим общественным формам и функциональным видам. Так, отнесение экономики той или иной страны либо к командной, либо к рыночной возможно на основании различного соотношения государственных институтов и рынка в хозяйственном механизме. В командной экономике в хозяйственном механизме доминирует государство, рынок играет вспомогательную роль. Следовательно, в хозяйственном механизме особое значение имеют надстроечные, или институциональные, факторы. В рыночной экономике все наоборот – государственные институты как бы обслуживают рынок, обеспечивая его функционирование. Здесь в хозяйственном механизме доминируют не надстроечные, а организационно-экономические отношения.

Тот факт, что в хозяйственном механизме советского общества преобладали институциональные, планово-распорядительные рычаги, дает основание, при множестве сделанных нами оговорок, согласиться с ее определением как командной и как таковую подвергнуть последующему анализу.

1.2. Мобилизационный тип командной экономики

Почти во всех современных учебниках в качестве аксиомы утверждается, что командная экономика неэффективна, является «экономикой абсурда», «разрушающей все и вся» и т.д. и как таковая не может существовать долго, так как истощает имеющиеся в обществе ресурсы. Но сразу возникает вопрос: почему относимая к командной экономика СССР, занимая на начальных этапах далеко не передовые позиции, сумела за необыкновенно короткое время «набрать вес», уступая по своей мощи лишь экономике США? Причем были времена, когда руководство СССР вполне серьезно выдвигало задачу догнать и перегнать США, правящие круги которых столь же серьезно воспринимали подобные задачи и реагировали на них целым набором крупномасштабных мероприятий. Наконец, почему нынешние «реформы», всей своей сутью ориентированные на проедание созданного в СССР капитала, продолжают уже второй десяток лет, свидетельствуя о значительности доставшегося наследства?

К сожалению, в существующей литературе трудно найти ответы на подобные вопросы. Чаще всего по своему содержанию ответы даже отечественных авторов сродни «новогодним водкам» и «гулагам» как сти-

мулам командной экономики, способствовавшим ее сохранению в СССР в течение многих десятилетий.

Представляется, однако, что достаточно убедительные ответы на поставленные вопросы можно получить, если подходить к экономике СССР не просто как к командной, а как к командной экономике мобилизационного типа.

В широкий научный оборот понятие «мобилизационный тип» ввел А.Г. Фонотов в опубликованной им в 1993 г. работе «Россия: от мобилизационного общества к инновационному»¹. В ней выдвинуто положение о том, что для России традиционно был характерен мобилизационный тип развития общества в отличие от западных стран, развивавшихся по инновационному пути.

Однако при всей своей ценности исследование А.Г. Фотонова содержит два концептуальных подхода, с которыми нельзя согласиться: 1) исключительно широким – макроэкономическим – подходом к содержанию понятия «мобилизационность» и с игнорированием других, более узких – мезо- и микроэкономических подходов; 2) выделением мобилизационного типа экономического развития и его противопоставлением инновационному типу.

Первый подход базируется на определении А.Г. Фотовым мобилизационного типа развития. «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития», – пишет он².

Раскрывая подобный тип развития, автор трактует мобилизационность как явление, охватывающее все общество, включая производительные силы, экономические отношения и надстройку со всей институциональной средой экономики. Но так или иначе здесь мобилизационность предстает как способ развития производительных сил общества. Тем самым автор, говоря о мобилизационном типе развития, где-то подменяет, а где-то дополняет общепринятые положения об экстенсивном типе экономического развития.

Однако для понимания особенностей развития экономики СССР и других стран важен учет более узкого и совсем узкого содержания мобилизационности.

В этой связи заметим для начала, что мобилизационность – важный признак всех живых систем. Когда живая система, например, человеческий организм, сталкивается с угрозой для жизни, то мобилизует внутренние резервы, чтобы противодействовать этой угрозе.

Что касается экономики, то в ней мобилизационность может проявляться на разных уровнях, начиная с уровня отдельных субъектов. В весьма упрощенном, но достаточно наглядном виде ее сущность проиллюстрируем с помощью примера с удочкой, приводимого во многих учебниках по экономической теории, правда, по другому поводу. Допустим, жизнь человека зависит от потребления им рыбы, которую он ежедневно ловит руками. Столь примитивный способ ловли ставит под угрозу жизнь человека, так как не всегда рыбу можно таким способом поймать. Чтобы устранить подобную угрозу, человеку необходимо какой-то день посвятить изготовлению удочки и, соответственно, отказаться на это время от ловли рыбы, оставаясь, таким образом, без пищи. Зато потом с помощью этой удочки можно ловить необходимое для нормального питания количество рыбы и к тому же иметь время для других занятий, включая отдых. Получается, что человеку нужно мобилизоваться для устранения висящей над его жизнью угрозы.

Предположим далее, что рядом с нашим человеком с удочкой появился субъект, физически более сильный и демонстрирующий явное намерение силой отнять у него улов. Ввиду подобной угрозы нашему рыбаку ничего не остается, как вновь мобилизоваться и часть времени и усилий потратить на изготовление, например, копья, с помощью которого он смог бы защититься от агрессора. Здесь мобилизационность выступает как условие сохранения независимости человека, позволяющей ему работать только на себя.

Приведенные примеры дают основание говорить о том, что на ранних этапах развития человечества именно мобилизационность помогала возникновению сложных орудий не только военного назначения, но и орудий труда, позволив существенно повысить его производительность и обеспечить надежность существования человека как биологического вида.

Понятие «мобилизационность» имеет и более широкий смысл. Он сводится к набору мероприятий, проводимых в чрезвычайных ситуациях, прежде всего в условиях войны, в моменты природных и техногенных катастроф. Осуществление такого рода мероприятий во многих странах предусмотрено специальными мобилизационными планами, разработанными на случай тех или иных чрезвычайных обстоятельств. На предприятиях могут создаваться мобилизационные фонды, приводимые в действие при чрезвычайных обстоятельствах, например, при возникновении войны.

Есть еще более широкий смысл понятия «мобилизационность», охватывающий всю экономику как хозяйственную систему. Такая народно-хозяйственная, или макроэкономическая, мобилизационность осуществ-

¹ Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

² Там же. С.88.

ляется через осознанную целенаправленную организацию хозяйственной жизни; заставляющую субъектов экономики мобилизовывать ресурсы: материальные, капитальные, природные, человеческие, включая духовные, в ответ на возникающие угрозы существованию общественной системы. Эта мобилизационность связана с деятельностью государства, требующего особых, повышенных, иногда чрезмерных усилий со стороны отдельных субъектов экономики для достижения поставленных государством целей. Здесь мобилизационность, зарождающаяся на макроуровне, опускается до микроуровня, подчиняя своим требованиям деятельность отдельных субъектов экономики.

Продемонстрированный нами многоуровневый подход к содержанию мобилизационности представляется весьма плодотворным с точки зрения раскрытия сущности советской экономики.

Подобный подход тем более необходим, что после выхода книги А.Г. Фоновой и не без ее воздействия понятие «мобилизационность» приобрело сугубо негативный смысл. В учебной и научной литературе стала преобладать трактовка, наиболее четко выраженная Г. Мирским. Говоря о мобилизационной экономике, он отмечает: «Этот термин указывает на одну из ее важнейших черт – идеологическую наступательность, стремление держать массы, особенно молодежь, в постоянном напряжении, состоянии перманентной мобилизационной готовности к борьбе за официально провозглашенные идеалы»¹. Автор даже не замечает, что подобное определение в большей степени применимо к рыночной экономике, построенной на постулатах либерализма. В ней также господствует одна идеология – это идеология борьбы по принципу «человек человеку волк». Она также требует от всех, особенно от молодежи, постоянного напряжения, усилий для того, чтобы «выжить», «не быть съеденным», «остаться на плаву» и т.п.

Нередко мобилизационную экономику просто отождествляют с командной (или административно-командной). Так, В.В. Виноградов пишет: «АКС (административно-командная система) даже в мирное время носила характер мобилизационной экономики и была нацелена на решение задач, установленных политическим (как правило, партийным) руководством путем максимальной концентрации людских, материальных и финансовых ресурсов»².

Более конкретное определение мобилизационной экономики дают Д.С. Конторов, Н.В. Михайлов, Ю.С. Саврасов. Они перечисляют такие ее признаки, как: «закрепление работников за предприятиями, суровые наказания за малейшие нарушения трудовой дисциплины, а также за “ту-

неядство” (попытка независимого труда), ограничение свободы передвижения, жесткое распределение произведенных продуктов и ресурсов, государственное ценообразование»¹.

Во всех отмеченных определениях не выделено главное – мобилизация есть ни что иное, как сосредоточение сил и средств для достижения какой-то национально значимой, жизненно важной для страны цели. Как правило, эта цель связана с противодействием угрозе национальной безопасности. Так что, если применить понятие «мобилизационность» к экономике как народнохозяйственной системе, то мобилизационной будет экономика, ресурсы которой сосредоточиваются и используются для противодействия тому, что угрожает существованию страны как целостной системе.

Ведущую роль в такой экономике играет государство. Оно является единственным субъектом, способным в масштабах общества обеспечить мобилизацию необходимых ресурсов на решение им же поставленных задач. Причем решение должно быть безотлагательным, так что мобилизационная экономика действительно предстает как экономика чрезвычайных обстоятельств. В СССР мобилизационная экономика стала формироваться в конце 20-х гг. прошлого века в ответ на угрозу нападения извне, о чем мы будем говорить подробно в следующей главе.

Пока же, исходя из общего представления о мобилизационности как макроэкономическом явлении, выделим ее основные признаки:

- 1) наличие угрозы существованию общества как целостной системы и ее осознание руководителями государства;
- 2) постановка руководителями государства цели, заключающейся в устранении этой угрозы или противодействии ей;
- 3) разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели;
- 4) организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы.

Отмеченные признаки мобилизационной экономики указывают на исключительно большую роль в ней такого элемента надстройки, как политика.

Мобилизационность как сознательно осуществляемая деятельность людей характеризуется рядом своих принципов:

- главного звена. Он предполагает концентрацию ресурсов в том звене экономической системы, от которой зависит успех противодействия нависшей над системой угрозе. В том числе возможно перераспределение

¹ Мирский Г. Ушел ли тоталитаризм вместе с двадцатым веком? // МЭМО. 2002. № 1. С. 42.

² Виноградов В.В. Экономика России: Учеб. пособие. М., 2002. С. 94.

¹ Конторов Д.С., Михайлов Н.В., Саврасов Ю.С. Введение в физическую экономику: (Право собственности в XXI веке). М., 2001. С. 132.

ресурсов за счет их изъятия из других менее важных с точки зрения достижения поставленной цели звеньев экономики;

- достижения цели «любой ценой» и преимущественное использование в этой связи неэкономических методов воздействия на тех, от кого зависит достижение цели;

- дискретности. Мы уже говорили, что мобилизационность не может быть непрерывной. Если достижение поставленной цели затянулось во времени, то неизбежно ослабление мобилизационности и в силу возникновения у вовлеченных в нее людей определенной усталости. (Нельзя же, в самом деле, слишком долго мастерить удочку);

- сознательности. Необходимость мобилизационности и связанных с ней жертв ради противодействия нависшей над системой угрозе должна осознаваться вовлеченными в нее субъектами. В этом случае данный принцип может противодействовать предыдущему и мобилизационность в обществе может быть сравнительно продолжительной.

Содержание принципов мобилизационности указывает на действие в мобилизационной экономике такого фактора, как особый духовный подъем населения, его готовность идти на временные лишения и даже жертвы. При этом, как пишет Ф. Хаек, люди могут «испытывать удовлетворение ... от сильного желания сплотиться»¹. Вот почему в мобилизационной экономике исключительное значение приобретают моральные, нравственные, психологические, то есть нематериальные, факторы, относимые к тому, что называют надстройкой общества. Во многом от них зависит потенциал мобилизационности, характеризующий способность достигать поставленной цели при данных ресурсах.

Среди отмеченных принципов мобилизационности следует также обратить внимание на дискретный характер данного явления. Будучи реакцией на чрезвычайные обстоятельства, мобилизационность не может быть постоянной и непрерывной во времени. Следовательно, можно говорить о мобилизационной экономике, либо об экономике мобилизационного типа применительно к какому-то периоду развития страны. Но поскольку развитие вообще и экономики в частности это долговременный процесс, в котором мобилизационность предстает как время от времени возникающее явление, то представляется весьма спорным выделять мобилизационный тип экономического развития применительно к многовековой истории России.

В этой связи трудно согласиться со вторым положением А.Г. Фомотова о том, что мобилизационность есть нечто противоположное иннова-

ционному развитию, что «мобилизационный и инновационный типы развития в значительной мере являются антиподами»¹.

Подобное противопоставление автор пытается вывести из анализа причин возникновения рассматриваемых им типов развития в Европе и России. В частности, в основе инновационного типа А.Г. Фомотов усматривает три причины. Первая связана с влиянием на Запад греко-римской культуры, как бы «удобившей» экономическую почву и ускорившей развитие западного общества. Вторая причина увязывается с ролью церкви в западных странах, противостоявшей государству и противодействовавшей всеохватывающей роли государства с его «тоталитарностью», подавляющей частную инициативу. Наконец, третья причина выводится из характера развития европейских городов как промышленных центров, благодаря чему они стали основой формирования в европейских странах буржуазного общества, которое, по мнению автора, по своей сути является инновационным.

Что касается России, то подобных причин инновационного развития у нее-де не было и потому здесь экономика развивалась совсем не так, как на Западе. Выделяются три момента. Во-первых, формирование древне-русского государства, как пишет А.Г. Фомотов, происходило «в каком-то смысле на исторической и социально-экономической целине, в условиях незрелости ряда ключевых институтов (по сравнению с Европой) раннего феодализма»². Во-вторых, церковь, которая как институт могла противостоять государству, ограничивая его влияние на общество, с самого начала оказалась в подчиненном от него положении, что способствовало всемогуществу государства, его тоталитарности. В-третьих, в России города возникли не как промышленные, а как торговые центры, и потому-де они не стали очагами формирования буржуазного общества.

Вопрос о причинах мобилизационного пути развития России, безусловно, заслуживает особого внимания, и этим вопросом с учетом нашего представления о мобилизационности мы займемся во второй главе. Сейчас же, отмечая спорность ряда положений, выдвинутых А.Г. Фомотовым при раскрытии причин возникновения отмеченных им типов экономического развития, обратим внимание на следующее обстоятельство. Указанное противопоставление мобилизационности и инновационности произошло потому, что наш автор существующее в экономической теории деление типов развития на экстенсивный и интенсивный в какой-то мере подменил мобилизационным и инновационным типами. Очевидно, что основой такой подмены является то, что экстенсивный путь развития предполагает мобилизацию дополнительных ресурсов для расширения

¹ Хайек Ф. Указ соч. С.60.

¹ Фомотов А.Г. Указ. соч. С.206.

² Там же. С.97.

производства, тогда как интенсивный базируется на научно-техническом прогрессе и, следовательно, на инновациях. Хотя и второй путь не исключает такого явления, как мобилизация научных, интеллектуальных ресурсов, включая разного рода «мозговые атаки» и тому подобные явления, относящиеся к мобилизованности. Кстати, приведенный нами пример «человека с удочкой» это достаточно убедительно подтверждает.

Необоснованность противопоставления мобилизованности и инновационности вытекает и из того, что мобилизованность как явление можно наблюдать на разных уровнях экономики в самых разных странах, включая страны Запада. Мобилизованность на макроуровне отчетливо проявила себя в периоды Первой и особенно Второй мировой войны практически во всех воевавших странах, включая США и Англию, ученые мужи которых направляют особенно острые стрелы в «командную экономику». О гитлеровской Германии говорить не приходится – здесь степень макромобилизованности была исключительно высокой.

Меры мобилизационного характера вводились в США президентом Ф. Рузвельтом в период Великого кризиса. К ним можно отнести: государственный контроль за потоками капитала, запрет на проведение спекулятивных операций для банков, государственное регулирование цен, расширение государственного сектора экономики, организацию общественных работ и тому подобные меры, прямо или косвенно нацеленные на мобилизацию ресурсов и всех усилий общества на вывод страны из кризиса. Заметим, что эти меры были определены и приняты не без влияния СССР, где с конца 1920-х гг. шло активное формирование командной экономики мобилизационного типа.

Так что мобилизованность как явление может быть не только в командной, но и в рыночной экономике. Несмотря на господство частной собственности, государство, пользуясь чрезвычайностью положения, принимает меры по мобилизации ресурсов предприятий и населения на решение им же поставленных задач. Конечно, в этом случае говорить о «чистоте» рыночной экономики уже не приходится. На деле такие экономики можно относить к «смешанным».

Таким образом, следует вновь отметить, что по своему содержанию мобилизованность предстает как понятие многоуровневое, в том числе на макроуровне оно отражает особую политику государства. В этой связи, если вслед за А.Г. Фонотовым попытаться найти другое макроэкономическое понятие, противоположное по смыслу понятию «мобилизованность», то им окажется не «инновационность», а «либеральность» или «либерализм» с его политикой «laissez-faire».

Можно выделить несколько основных положений, по которым мобилизационная экономика отличается от либеральной и благодаря кото-

рым становятся особенно хорошо видны различия мобилизованности и либерализма.

1. В мобилизационной экономике деятельность ее субъектов подчинена общей цели, например, победе в уже начавшейся или предстоящей войне. Либеральная экономика исключает наличие общей цели – она функционирует благодаря стремлению ее отдельных субъектов достичь свои частные цели. Соответственно, мобилизационная экономика предполагает приоритет не частных, а общественных, или государственных, интересов, тогда как либеральная экономика строится на приоритете частных интересов. Видимо, не случайно ученые адепты либерализма так не взлюбили мобилизованность, впрочем, как и патриоты-государственники – либерализм.

2. Государство и его учреждения предстают как главные органы, управляющие мобилизационной экономикой по определенному, мобилизационному, плану. Действие рыночного механизма, включая рыночное ценообразование, здесь ограничено. Основой либеральной экономики является рынок, прежде всего, свободное рыночное ценообразование. Государство играет вспомогательную роль, помогая поддерживать в экономике спонтанный порядок.

3. Основной движущей силой либеральной экономики является конкуренция между ее субъектами на рынке. В мобилизационной экономике экономической деятельностью ее субъектов движет осознание угрозы существованию общества и стремление ее предотвратить. Конкуренцию, как правило, заменяет сотрудничество субъектов экономики, не исключая возможность соревнования между ними.

4. В либеральной экономике действует коммерческий расчет, предполагающий достижение максимально возможной прибыли за счет разницы между доходами и расходами предприятий. В мобилизационной экономике действует хозяйственный расчет, основанный на учете доходов и расходов, при этом существование принципа достижения цели любой ценой не исключает превышение расходов над доходами. Соответственно, в мобилизационной экономике главную роль играют неэкономические стимулы к труду, тогда как в либеральной – экономические.

5. Мобилизационная экономика обычно носит закрытый характер, тогда как либеральная экономика должна быть открытой, испытывая конкуренцию со стороны экономик других стран.

Отмеченные признаки характеризуют два типа экономик, взятых в целом в виде национальных хозяйственных систем. Но если с макроуровня спуститься на микроуровень, то мобилизованность как явление обнаруживается и в «чистой» рыночной экономике, построенной на принципах либерализма. В ней также происходит мобилизация ресурсов

на микроуровне через рыночный механизм, чаще всего под воздействием внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции. Конкуренция заставляет собственников капитала «ужиматься», иногда превращать в капитал доходы, необходимые для удовлетворения личных потребностей. Описанный М. Вебером «капиталистический дух» оказывается тесно связанным с микромобилизационностью.

Если обратиться к истории, то можно увидеть роль мобилизационности в становлении и развитии капиталистической экономики. Так, знаменитый процесс «первоначального накопления капитала» предстает как процесс мобилизации ресурсов для развития капиталистической экономики. В том числе важнейшими источниками накопления капитала в западных странах были колониальные захваты, войны с соседями, которые проводились государством. Так что и в этом обществе проявляется такой признак макромобилизационности, как сознательная государственная политика по мобилизации ресурсов на проведение военных действий.

Микро- и макромобилизационность в рыночной экономике может быть связана и с экономическими кризисам. Кризис предстает как шоковый удар по экономической системе, который требует быстрой адекватной реакции и достаточно значительного напряжения сил и ресурсов для выхода из него. До 30-х гг. XX века рыночная экономика выходила из кризисов в результате стихийного приведения в соответствие совокупного спроса и совокупного предложения, и мобилизация ресурсов происходила на микроуровне в целях обновления основного капитала. Мобилизационность оказывается частью воспроизводственного механизма, благодаря которой обеспечивается функционирование экономики в расширенном масштабе. В 1930-е гг. обнаружилось, что при значительных масштабах кризисных процессов ставка на стихийный рыночный механизм чревата столь серьезными экономическими, социальными и политическими осложнениями, что создается угроза для существования самого общества как социально-экономической системы. Яркий пример такой угрозы дал Великий кризис 1929 – 1933 гг., потребовавший от государственных деятелей проведения мобилизационной политики на макроуровне.

Итак, мы видим, что мобилизационность – явление, которое может иметь место в экономике любой формы и вида, если в ее хозяйственном механизме существуют элементы, нацеленные на сознательное достижение какой-либо жизненно важной цели.

Но очевидно, что наиболее полно мобилизационность может обеспечить экономика, именуемая командной. Центральное место в ее хозяйственном механизме занимает государство и его органы, которые ставят перед остальными субъектами экономики задачи, требующие проведения

соответствующих мобилизационных мероприятий. Когда в командной экономике мобилизационность, будучи по определению явлением дискретным, в силу тех или иных причин возникает достаточно часто и закрепляется в системе институтов, находит отражение в хозяйственном механизме и даже в системе экономических отношений, то есть основания говорить о командной экономике мобилизационного типа.

Что касается экономик, относимых к рыночным, то применительно к ним можно говорить лишь об отдельных элементах мобилизационности как макроэкономическом явлении. Элементы мобилизационности могут быть и в смешанной экономике. Здесь они обеспечиваются политикой государства, и их роль в экономике иногда бывает значительной. Когда же государство предстает как обычный субъект, вступающий в отношения с другими субъектами экономики главным образом в роли либо покупателя, либо продавца и эти отношения в основном подчинены требованиям рынка, то налицо либеральный тип экономики.

Поскольку мобилизационность способна проявляться на различных уровнях экономики, то вполне возможно ее сочетание с либерализмом, если уровни их проявления не совпадают. Например, политика государства, направленная на функционирование экономики на принципах либерализма, может включать меры, побуждающие субъектов экономики к мобилизации ресурсов на микроуровне. Возможно и противоположное – наличие элементов либерализма на микро- и даже мезоуровне, предоставляющих субъектам экономики свободу выбора в рамках общей мобилизационной политики государства. Главное, чтобы этот выбор был направлен на достижение указанной государством цели.

Здесь мы выходим на такое явление, как мобилизационная экономическая политика, представляющая собой совокупность проводимых государством мероприятий, направленных на устранение нависших над страной угроз. Такая политика может проводиться не только в командной, но и в рыночной экономике. В командной экономике она обеспечивается преимущественно неэкономическими, директивными или командными методами. В рыночной экономике мобилизационная политика делает ставку на экономические методы, но не исключает и другие методы: законодательные, административные, разного рода договоры и соглашения. Но так или иначе такая политика подчиняется общим принципам мобилизационности.

Таким образом, выявление сущности понятия «мобилизационность» дает основание говорить об отсутствии негативного смысла в этом понятии. За ним скрываются вполне естественные и нормальные при чрезвычайных обстоятельствах явления. В этой связи, например, находит объяснение и оправдание мобилизационный характер экономик таких стран,

как Куба или Северная Корея, которым приходится испытывать открытое давление извне, вплоть до угрозы начать военные действия в целях изменения в них общественного строя.

Но и в других странах, в том числе относимых к странам с рыночной экономикой, есть элементы мобилиционности. В этой связи представляется полезным обратиться к экономистам, которые в современном лексиконе характеризуются как «цивилизованные».

1.3. Мобилиционность – элемент современных «цивилизованных» экономик

Мобилиционность как реакция на чрезвычайные обстоятельства достаточно отчетливо проявила себя в тех западноевропейских странах, экономика которых особенно сильно пострадала от военных действий во время Второй мировой войны. Несмотря на щедрую американскую помощь, предоставлявшуюся в рамках плана Маршалла, государство в каждой из пострадавших от войны стран проводило специальную политику, направленную на мобилизацию внутренних ресурсов и сил на восстановление экономики. Как бы не убедительны были утверждения современных либералов о том, что разрушенную экономику можно восстановить и поднять на новый более высокий уровень с помощью стихии рынка, свободного рыночного ценообразования и ее открытия экономистам других более сильных государств, практика западноевропейских стран такого рода утверждения опровергает. Государство довольно жестко контролировало состояние дел в ключевых отраслях экономики, нормировало потребление – вводило карточную систему распределения продуктов, держало под своим контролем финансы, беспощадному полицейскому преследованию подвергало черные рынки и спекулянтов, устанавливало высокие таможенные барьеры.

Достаточно жесткими эти меры были в Германии и Франции, наиболее сильно пострадавших в годы войны. В Германии, несмотря на декларации руководителей правительства о силе свободного рынка, ослабление регламентирующего воздействия государства на рынок стало происходить лишь спустя два десятка лет после войны, когда рынок стал в достаточной мере насыщаться товарами. Во Франции, по наблюдениям В. Перламутова, подлинная либерализация цен началась лишь в 1986 г. – через 41 год после окончания войны¹.

В настоящее время уже не приходится говорить о столь жесткой мобилиционной политике в странах, относимых к «цивилизованным».

Тем не менее элементы или проявления мобилиционности можно наблюдать практически во всех наиболее развитых странах Запада. Мобилиционность обеспечивается через государственный сектор и систему государственного регулирования экономики. Так что к набору различных функций современного государства в странах с рыночной экономикой можно добавить и мобилиционную функцию. Об этом говорит уже тот факт, что практически во всех этих странах есть мобилиционные планы или программы на случай непредвиденных стихийных бедствий, терроризма или угрозы военных действий с указанием источников финансирования необходимых мобилиционных мероприятий.

Государство любой страны занимается мобилизацией денежных средств в свой бюджет. Само по себе это еще не есть рассматриваемая нами мобилиционность. Но если обратить внимание на цели, ради которых это делается, то здесь она обнаружится достаточно отчетливо. Наиболее ярким ее проявлением являются значительные расходы государства в ВВП вообще и на социальные нужды в частности, составляющие в некоторых странах четверть и более всех расходов государства. Факт таких расходов и их размеры отражают ясное понимание руководством этих стран опасной для них угрозы социального взрыва при их отсутствии. Вот почему, несмотря на ведущиеся уже не одно десятилетие разговоры о необходимости дерегулирования, доля государства в ВВП западных стран остается высокой (табл. 3).

Таблица 3

Совокупные государственные расходы (1) и социальные трансферты (2) в ведущих странах ОЭСР (% ВВП)

Страна	1960 г.		1990 г.		1999 г.	
	1	2	1	2	1	2
Великобритания	32,2	10,2	41,8	15,0	40,3	16,8
Германия	32,4	18,1	43,3	21,0	45,0	22,0
Италия	30,1	13,1	43,3	22,0	46,7	22,7
США	27,0	7,3	33,7	12,4	36,0	13,9
Франция	34,6	13,4	49,1	25,6	51,4	28,2
Швеция	31,0	10,8	64,6	25,9	62,8	28,1
Япония	17,5	4,0	34,7	12,9	31,2	17,6

Источник: Эльянов А. Государство и развитие // МЭМО. 2003. № 1. С.5.

В таблице несколько выделяются данные по США, считающиеся оплотом современного либерализма, где доля государственных расходов, особенно на социальные нужды, меньше, чем в европейских странах. Но для этой страны характерны иные формы мобилиционности, о чем будет сказано чуть позже.

¹ См.: Перламутов В. Кто остановит цены? // Неделя. 1993. № 23.

Образцы высокой мобилизационности дают «новые индустриальные» страны, в том числе так называемые «южно-азиатские тигры», как, например, Южная Корея, которую российские либералы часто приводят в качестве образца для подражания. Здесь, начиная с 1962 г., принимаются разработанные государством пятилетние планы, подчинившие себе деятельность наиболее крупных и стратегически значимых для страны компаний. До начала 70-х гг. в этой стране вообще не знали выходных и отпусков. Все без исключения способные трудиться работали практически по 365 дней в году. Еще в 1986 г. продолжительность рабочей недели составляла 52,5 часов и только в 1990 г. она сократилась до 48,2 часа. И все это при относительно низком, по сравнению с ведущими странами мира, уровне заработной платы и активной помощи со стороны США, обусловленной конфронтацией с Северной Кореей¹. До сих пор здесь государство предстает как субъект, открыто вмешивающийся в работу частных предприятий, и, как пишет С.Г. Кара-Мурза, «многие из действий отдельного бизнесмена предпринимаются под воздействием государства, если не по его прямому указанию»². Отмеченные жертвы, на которые под воздействием особой политики государства идут трудящиеся и представители бизнеса, оказываются необходимыми для достижения поставленной государством цели – вывода экономики на уровень современного индустриального развития и обеспечение выигрыша в политике противостояния с Северной Кореей.

Достаточно отчетливо элементы мобилизационности проявляются в США, но это типично «американская» мобилизационность. Она предстает не как результат угрозы извне, а как условие внешней экспансии США, благодаря которой обеспечивается внутренняя стабильность, необходимая для существования любого общества. Это подтверждается всей историей страны. Американская мобилизационность прошла ряд весьма характерных этапов.

1 этап. Мобилизация переселенцев после получения США независимости на освоение земель «дикого запада», заселенных индейскими племенами. Этот этап завершился освоением огромной территории на североамериканском континенте и почти полным истреблением коренных жителей.

2 этап. Мобилизация американским правительством сил для военно-политического и экономического освоения латиноамериканского континента в целях получения доступа к его ресурсам. В результате многие страны Латинской Америки превратились в полукolonии США, в по-

ставщиков необходимых им товаров и рабочей силы, в «кладовую» нужных США ресурсов.

3 этап. Мобилизация военно-политических и пропагандистско-идеологических ресурсов для обеспечения доминирования США на глобальном уровне в целях установления контроля над мировыми ресурсами и поддержания высокого уровня потребления американцев как условия сохранения стабильности в стране. Особую роль в этом играет идея исключительности Америки («Америка – второй Израиль») и американского народа («мы – американский народ»), культивирование на официальном уровне американского патриотизма («Америка – превыше всего»). В рамках этих идей действует демократия по-американски, предполагающая соблюдение определенных норм демократии в пределах собственной страны и возможность их игнорирования за ее пределами. Следует, однако, уточнить, что эти идеи, помогая США добывать средства извне, в свою очередь работают благодаря поддержанию достаточно высокого уровня потребления американцев, что усиливает необходимость для Америки мобилизационности.

Правящие круги США давно осознали угрозу истощения природных ресурсов и возможность возникновения проблемы ресурсного обеспечения своей экономики, которая в прямом смысле предстает как ресурсопоглощающая – на нее приходится около 40% всех потребляемых в мире природных ресурсов. Исследователи не без оснований отмечают, что важным условием сохранения США как государства является сверхпотребление. Без него возникает угроза внутренней стабильности и самому существованию страны¹. В ответ на эту угрозу правительство США мобилизует огромные средства на развитие ВПК, позволяющего обеспечивать Америке господствующее положение в мире и сохранять контроль над значительной частью ресурсов планеты. В этой связи США держат войска в 35 странах мира. Согласно данным последнего доклада Римского клуба, только на содержание сил, обеспечивающих доступ к иностранным ресурсам, тратится около четверти всего фантастического по объемам военного бюджета США². Достаточно сказать, что в настоящее время военный бюджет США намного превышает сумму военных бюджетов остальных стран мира вместе взятых.

Подобное поведение объясняется и пониманием правящими кругами США того, что называется национальной безопасностью. Как считают С.Л. Валянский и Д.В. Калужный, национальная безопасность США характеризуется как способность контролировать внутренние и внешние

¹ См. подробно: Леонтьев А. Модернизация по корейскому образцу: применима ли она для России // Альтернативы. 1997. № 4. С. 33.

² Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. I. М., 2001. С. 340.

¹ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. М., 2001.

² См.: Вайцеккер Э. Ловис Э., Ловис Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная: Новый доклад Римскому клубу. М., 2000. С.29.

условия, при которых может возникнуть угроза для страны, что предполагает вмешательство США во внутренние дела других стран¹.

Помимо военных США широко используют невоенные способы поддержания своего доминирующего положения в мире. На рис. 4 представлена принципиальная схема механизма обеспечения подобного глобального доминирования США.

Рис 4. Принципиальная схема механизма невоенного обеспечения глобального доминирования США

Схема показывает, что государство, точнее, бюрократическая система государственного управления во главе с Президентом, во взаимодействии с финансово-олигархической элитой, возглавляющей крупные транснациональные корпорации, определяет цели, решение которых усиливает доминирующее положение США в мире. Разработка конкретных задач в рамках поставленных целей и направлений решения этих задач требует предварительной мобилизации интеллектуальных ресурсов. Это делается путем их концентрации в соответствующих научных центрах, в университетах, в специально создаваемых группах консультантов и советников по особым вопросам. Их совокупность образует специальную

¹ См.: Валянский С.И., Калужный Д.В. Третий путь цивилизации, или Спасет ли Россия мир. М., 2002. С. 153.

аналитическую систему. В этой системе прорабатывается конкретное содержание общих стратегических целей и способов их достижения.

С 1995 г. в соответствии с утвержденным меморандумом, в котором изложено основное содержание федеральной программы обеспечения национальной безопасности США, действует межведомственная рабочая группа в составе заместителя министра обороны, заместителя директора ЦРУ, министра энергетики, представителей ФБР и Национального банка, руководства ряда крупнейших корпораций, прежде всего таких столпов американского военно-промышленного комплекса, как «Дженерал электрик» и «Боинг». Первым шагом рабочей группы стала подготовка специального «Каталога угроз экономической безопасности США» и их оценка.

Выделяется весьма характерная для США особенность, которая достаточно отчетливо стала проявляться после Вьетнамской войны, – строгий учет затрат и выгод, вытекающих от внешнеполитических акций, и ориентация на достижение их высокой «рентабельности» в долгосрочном и даже среднесрочном плане. Не случайно А.А. Пороховский говорит о том, что правительство США – «это самое крупное предприятие в мире»¹.

Важную роль в исполнении поставленных задач играют международные торговые и финансовые организации: ВТО, МВФ, Всемирный банк. Факт доминирующего влияния США в этих международных организациях является общепризнанным. Так или иначе, все они ориентированы на обеспечение международных интересов прежде всего США. Благодаря международным займам суверенные страны превращаются в должников, которыми США могут управлять на правах кредитора.

В составе указанных в схеме международных организаций есть и НАТО. Это говорит о том, что при определенных условиях США готовы применить военную силу в союзе с другими странами НАТО, как это произошло в отношении Югославии. В войну против Ирака в марте 2003 г. США удалось втянуть Великобританию.

Кроме отмеченных на схеме международных организаций, не менее важную роль в укреплении позиций США в мире играют и другие созданные ими международные институты. Заметно выделяется, например, созданная американскими интеллектуальными фондами и финансовыми корпорациями Трехсторонняя комиссия из представителей США, Западной Европы и Японии. Ее председателем является Д. Рокфеллер – глава «Чейз Манхэттен бэнк», а интеллектуальные кадры представлены Г. Киссенджером, З. Бжезинским и аппаратом их научных фондов.

¹ Пороховский А.А. Вектор экономического развития. М., 2002. С.241.

Как показали 1990-е гг., для обеспечения своих интересов США активно используют систему «независимых проверок» других государств с помощью «экспертов» международных неправительственных организаций на предмет соблюдения ими предварительно навязанных им соглашений. В первую очередь речь идет о такой организации, как МАГАТЭ, занимавшейся проверкой наличия ядерного оружия в так называемых «странах-изгоях». «На практике, – пишут С.И. Валянский и Д.В. Калюжный, – такая система международного контроля – легализованная форма промышленного и экономического шпионажа, границы которого расширяются»¹.

Большое значение придается международной информационно-пропагандистской сети, находящейся под контролем США. Использование современных информационных технологий позволяет придавать проводимым США мерам «общечеловеческий», «гуманитарный» характер и убеждать мир в том, что принимаемые меры нужны не только США, но и всему «цивилизованному» миру. Особую важность пропагандистская сеть приобретает при проведении американцами военных действий против стран, не желающих подчиняться диктату США. Достаточно сказать, что после 1945 г. США бомбили более двух десятков стран, а поскольку любая агрессия требует соответствующего пропагандистского обеспечения, то без работы информационно-пропагандистские службы не остаются.

Одной из важнейших задач информационно-пропагандистской сети является распространение в слаборазвитых странах идей либерализма. Нами уже отмечалось, что рыночная экономика в ее либеральном варианте является антиподом мобилизационной экономики. Ловля слаборазвитых стран на крючок либерализма позволяет пресекать в них любое поползновение на мобилизационность и втягивать их в мировой рынок. Между тем, как отмечал еще в XIX в. немецкий экономист Ф. Лист, «рынок – это инструмент, который функционирует по принципу обогащения богатого и разорения бедного, усиления сильного и ослабления слабого»². В современных условиях благодаря применению особых политико-экономических технологий США используют «свободный» рынок в целях перераспределения ресурсов различных государств мира в свою пользу.

Большую роль здесь играет внешняя торговля, которая, согласно исследованиям авторитетного аргентинского экономиста Р. Пребиша, в со-

временных условиях предстает как особый механизм «выкачивания» доходов с периферии в центр мирового хозяйства¹.

Одной из составляющих подобных технологий является долларизация более трех десятков государств, в которых доллар используется как национальная валюта. «Очевидно, пишет М. Ершов, – это способствует поддержанию и укреплению роли доллара как общемировой валюты, а значит, и реализации глобальной стратегии США по расширению своего экономического влияния»². Долларизация способствует привязке финансовой политики соответствующих стран к международным финансам, доминирующее место в которых занимают опять же финансы США.

Кроме того, внешний рынок предстает как среда, куда можно переносить причины и условия внутренних кризисов. Так, высокий удельный вес США в потреблении природных ресурсов позволяет им создавать и ресурсно-энергетические кризисы мирового масштаба. Например, А.А. Борисоглебская достаточно аргументированно доказывает, что энергетический кризис начала 70-х гг. XX в. не был явлением неожиданным и стихийным, а явился четко спланированной акцией со стороны США³.

В самом деле, шестидесятые годы были последним десятилетием, когда капиталистическая система развивалась по заданному итогам Второй мировой войны сценарию. Но уже с конца 60-х гг. привычные контуры капитализма стали размываться, лидерство США в мировой экономике оказалось под вопросом, поскольку экономики Германии и Японии демонстрировали лучшую динамику. В результате, если доля США в мировом хозяйстве в 1947 г. превышала 40%, то к середине 60-х гг. сократилась более чем вдвое. Поэтому США, по-прежнему провозглашая себя главным проводником идей свободной торговли, с конца 60-х гг. стали всё чаще прибегать к протекционизму, защищаясь от возрастающего напора конкурентов. Финансовая мощь страны настолько ослабла, что правительство было вынуждено даже пойти на девальвацию доллара в 1971 г. и в 1973 г. Иными словами, в рамках сложившейся структуры мировой экономики Америка достигла неких пределов роста. В связи с этим, как предполагается, в США была разработана и реализована идея провокации мирового кризиса, который должен был подтолкнуть экономику к поиску новых путей развития. Осуществление такой политики в условиях нестабильной обстановки в нефтедобывающих странах не составляло особого труда. Просчитав ход кризиса и обеспечив себе заведо-

¹ См.: Нуреев Р. Теории развития: дискуссии о внешних факторах становления рыночной экономики // Вопр. экономики. 2000. № 7. С. 149.

² Ершов М. Россия и рычаги глобальной политики // МЭМО. 2002. № 5. С. 5.

³ См.: Борисоглебская А.А. Мировой финансовый кризис 1997 – 1998 гг.: причины и последствия // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 5. С. 46.

¹ Валянский С.И., Калюжный Д.В. Указ. соч. С. 159.

² Цит. по: Евразийство: теория и практика. М., 2001. С. 86.

мо передовые позиции в будущей международной экономической гонке, американские власти реализовали свою стратегию.

Также не без оснований многие ученые считают, что финансовый кризис в Юго-Восточной Азии в 1997 г. произошел под воздействием политики США. В самом деле, привязка международных финансов к финансам США создает возможность последним не без выгоды для себя провоцировать в отдельных «узловых» странах и регионах возникновение валютно-финансовых кризисов.

Предшествовавший кризису инвестиционный бум в странах региона сделал достаточно вероятной перспективу образования нового центра международной деловой активности, что лишило бы США позиций лидера в мировой экономике. Для провокации кризиса в Юго-Восточной Азии достаточно было пойти на уменьшение объема кредитования экономик чрезмерно задолжавших стран, ведь среди кредиторов значительную роль играли американские финансовые структуры. Примечательно, что от мощнейшего кризиса в Юго-Восточной Азии смог защититься Китай благодаря государственной политике довольно жесткого контроля за финансовыми связями с мировым хозяйством, в первую очередь, за вывозом капитала за пределы государства.

Не подвергая сомнению факт причастности США к кризису, ученые еще не до конца выяснили вопрос: в каком соотношении обвал экономик стран региона стал результатом намеренной и тщательно продуманной стратегии финансовой и промышленной элиты США по укреплению позиций американской валюты в современной глобальной экономике, а в какой вызван действием стихийных рыночных сил.

Одновременно с «отбрасыванием» вырывающихся в число лидеров стран правящие круги США стремятся закрепить за экономикой своей страны специализацию на инновационных технологиях, что автоматически обеспечивает ей мировое технологическое и общеэкономическое лидерство. При этом США ревностно следят за тем, чтобы здесь у них не было конкурентов.

Отмеченная политика подтверждает высказываемую в литературе мысль о том, что правящие круги США в своей политике применяют открытие, которое приписывается руководителю ЦРУ в 50-е гг. А. Даллесу. Суть открытия заключается в сознательном использовании объективно и закономерно происходящих общественных процессов путем встраивания государственной политики в эти процессы и их сознательной модификации для достижения поставленных государством целей. «Для необходимой модификации протекания общественных процессов при сохранении

их общей направленности требуются сравнительно малые усилия и финансовые затраты», – считают В.А. Лисичкин и Л.А. Шелепин¹.

В результате использования подобных политико-экономических технологий, как отмечают теоретики современного глобализма, «в глобализированной системе Соединенные Штаты являются единственной и доминирующей сверхдержавой, а все другие страны подчинены им в той или иной степени»².

В рамках, ограниченных мировым доминированием США, подобным же образом стремятся действовать и другие развитые страны двух других геополитических зон – Западной Европы и Японии. В результате мировое хозяйство разделилось на две взаимосвязанные части – центр (страны «золотого миллиарда») и периферия (развивающиеся страны). Центр предстает как поставщик капитала. Резкая перемена его готовности предоставлять капитал периферии способна вызывать сбои в функционировании экономик стран-получателей капитала.

Одновременная привязка валют периферии к валютам стран центра позволяет перераспределять создаваемое в мире богатство в свою пользу, включая возможность экономической экспансии за счет эмиссии денег. При этом страны периферии оказываются заинтересованными в стабильности экономического положения центра, так как колебания курса их валют наносят наиболее болезненные удары именно по периферии. В то же время стабильное положение центра способствует притоку в него капитала из развивающихся государств. Наряду с «утечкой мозгов» и потоками сырья это обуславливает чистый отток ресурсов из развивающихся стран в развитые. В итоге населению богатых стран, составляющему менее 20% населения мира, удается потреблять свыше 80% всех мировых ресурсов.

При этом правящие круги западных стран вполне осознают преимущества своего положения лишь при определенном уровне развития и стабильности стран периферии. В этой связи систематически проводится своеобразный мониторинг экономического и политического состояния периферийных стран. При необходимости им выделяется то, что называется «помощью». Так, на 2002 г. эта «помощь» была запланирована в объеме 55 млрд долл., из которой 10 млрд приходится на США, 25 млрд – на страны Западной Европы и 20 млрд – на Японию.

Поскольку немалая часть «помощи» оказывается в карманах правящей элиты слаборазвитых государств, то последняя играет исключительно важную роль в системе отношений «богатый Север – бедный Юг». Эту роль достаточно четко сформулировали С.И. Валянский и Д.В. Калужный: «Этот бедный мир отделен от остального (богатого) мира не

¹ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Указ. соч. С.165.

² Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С.10.

колючей проволокой, а хорошо организованной системой управления, в которой их собственные правители выступают всего лишь в роли агентов влияния»¹.

Не последнюю роль в обеспечении необходимой стабильности в странах периферии играют меры военно-политического характера, которые в последние годы все чаще осуществляются под лозунгом борьбы с терроризмом. Нами уже отмечалось, что реализация этого лозунга потребовала от государств проведения специальных мобилизационных мероприятий.

Свежий пример использования государственной внешней политики в целях решения экономических задач дают события 2002 – 2003 гг. вокруг Ирака, преподнесившегося в качестве «оплота международного терроризма». Предполагалось, что масштабная подготовка к военным действиям в Ираке и их ход должны способствовать оживлению экономики США и положить начало ее выхода из глубокого кризиса, в который она вошла в 2001 г.

В итоге, как справедливо отмечает У. Бек, «складывается два идеальных типа транснационального сотрудничества государств: надзирающие государства и открытые государства, в которых происходит демонтаж национальной автономии». Далее автор делает весьма примечательное заключение: «Воспользовавшись новыми кооперативными возможностями, надзирающие государства могут превратиться в государства-крепости, где на первом плане стоят безопасность и военная мощь»².

Рассмотренное выше дает веские основания для вывода о том, что современные западные экономики предстают как рыночные с элементами мобилизационности, то есть как смешанные и далеко не либеральные. Как справедливо пишет Д.С. Львов, «капитализм умело вплел в рыночную ткань и элементы мобилизационного механизма, особенно в военной и научно-технической областях. В итоге этот общественный строй приобрел дополнительную устойчивость»³.

Крайнюю форму мобилизационности «по-западному» представляет фашизм. Он предполагает мобилизацию внутренних ресурсов страны на подчинение других стран и народов. Это позволяет отвлечь собственный народ от существующих в обществе проблем, консолидировать его вокруг официально провозглашенной «национальной идеи» и тем самым избежать опасных для существования общества потрясений. В последующем сохранение общественной системы и ее развитие предполагается

осуществлять за счет ресурсов других стран и народов. Именно к этой форме, как показывает вся послевоенная история, тяготеют США.

Факт наличия в современных экономиках элементов мобилизационности отражается и в экономической теории. В ней все возрастающее значение приобретает институционализм, который обосновывает необходимость активной роли государства в рыночной экономике. По мнению институционалистов, государство должно целенаправленно влиять на институциональную среду экономики, поскольку спонтанная селекция институтов далеко не всегда отбирает оптимальные варианты и чревата подрывом стабильности в обществе.

Что касается рынка, то он рассматривается институционалистами как средство достижения поставленных вполне конкретными субъектами целей. Центральной проблемой развития считается проблема взаимодействия государства (правительства) и рынка, его субъектов. Сила государства прежде всего видится в его способности обеспечить предсказуемость рынка и его развитие в нужном направлении. Рынок предстает в виде системы, функционирующей в определенной, сознательно формируемой институциональной среде.

Иными словами, институционализм предстает как направление в экономической теории, обосновывающее необходимость смешанной экономики, в том числе смешанной за счет наличия в ней элементов мобилизационности.

Глава 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОМАНДНОЙ ЭКОНОМИКИ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ТИПА В СССР

2.1. Россия на пути к мобилизационной экономике

Для понимания сущности экономики СССР как мобилизационной прежде всего необходимо разобраться с причинами ее возникновения. В этой связи вновь сошлемся на работу А.Г. Фомотова. В ней говорится о характерном для дореволюционной России мобилизационном типе развития и тем самым признается, что у советской экономики были глубокие исторические корни. Очевидно, что без обращения к этим корням понять причины возникновения этой экономики нельзя.

Мы уже упоминали, что А.Г. Фомотов выделил три причины возникновения в России мобилизационного типа развития. Первая причина связывается с «исторической и социально-экономической целиной», на которой зародилось русское государство; вторая – с тем, что церковь не была самостоятельным институтом, а подчинялась государству; третья – с развитием русских городов как торговых, а не промышленных центров.

¹ Валянский С.И., Каложный Д.В. Указ. соч. С. 296.

² Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // МЭМО. 2002. № 5. С. 18.

³ Львов Д.С. Будущее России: гражданский манифест. М., 2003. С. 16.

Многие из высказанных в этой связи положений весьма спорны и не выдерживают критики. Особенно уязвима трактовка первой причины, поскольку родословная восточных славян намного древней родословной англо-саксов или германцев. К тому же известны тесные связи Древней Руси с Византией как наследницей Римской империи, так что ссылки на «дикость» восточных славян вряд ли уместны. Тем не менее мы не видим необходимости дискутировать по данному вопросу, поскольку объектом нашего внимания является не мобилизационный тип развития, сам факт которого нам представляется сомнительным, а мобилизационность как способ концентрации и использования ресурсов для решения поставленных государством чрезвычайных задач.

Причины широкого распространения мобилизационности в России представляются настолько простыми и очевидными, что без преувеличения можно сказать – для России мобилизационность это поистине «судьба».

Прежде всего, необходимость мобилизационности возникала из природно-климатических особенностей страны. На протяжении почти всей своей истории (за исключением периода со второй половины XIX в. до 1991 г., когда в составе государства российского был весь Северный Кавказ, Средняя Азия, Украина и Молдавия) Россия была страной, большая часть территории которой находилась в неблагоприятных климатических условиях. После 1991 г. к этим условиям вернулась современная Российская Федерация. Свыше трети ее территории приходится на арктический и субарктический пояса, лишь узкая полоска Черноморского побережья – на субтропический пояс. Большая часть страны расположена на территории с умеренно холодным климатом, с коротким вегетационным периодом. Часть территории имеет умеренно теплый климат, но испытывает недостаток влаги.

Понятно, что климатические особенности России прежде всего влияют на развитие сельского хозяйства, длительное время являвшегося основой всей экономики. Две трети территории страны отнесены к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, лишь 1% ее пашни находится в зоне достаточного увлажнения, а 59% – в зоне рискованного земледелия и 40% в засушливой зоне.

Природно-климатический фактор обуславливает то, что в среднем по России выход растительной биомассы 1 га в два с лишним раза ниже, чем в Западной Европе и почти в пять раз ниже, чем в США. Это означает, что при прочих равных условиях сельское хозяйство России должно страдать от частых неурожаев, от общей более низкой урожайности. Действительно, исследователи отмечают, что в 60-е гг. XIX в. урожайность крестьянских полей в России составляла всего 4,4 ц с га, в 70-е гг. – 4,7, в

1901 – 1910 гг. – 6,3 ц с га, а в 1922 – 1927 гг. – 7,4 ц с га. За десять веков Россия пережила более 350 голодных лет – то есть из каждых трех лет один оказывался неурожайным. Раз в десятилетие случались крупные неурожаи, примерно раз в 25 – 30 лет – катастрофические¹. Отмеченный природный фактор рождал проблему сбора урожая. Его было весьма не просто во время убрать. В России на основные полевые работы (пахота, сев, уборка) дано 25 дней, тогда как, например, в Западной Европе – 40.

В силу отмеченных объективных условий сама организация сельскохозяйственных работ предполагала мобилизацию усилий на своевременное завершение посевных работ, на быструю уборку урожая. То, что уборочная пора по-русски стала называться «страдой», было не случайно, ведь через страдание происходит мобилизация внутренних резервов организма, позволяющая ему преодолевать тяжелые недуги. Использувавшееся в советское время выражение «битва за урожай», являвшееся объектом насмешек со стороны тогдашних «интеллектуалов», было точным отражением необходимости мобилизации усилий всей страны для уборки и сохранения урожая.

Кроме того, как пишет В.Т. Рязанов, «то, что производственные процессы в нашей стране происходят в значительной мере в зоне критического ведения хозяйствования, также предопределяет необходимость погашать нежелательные последствия от действия стихийных природных сил (засухи, суровых зим и других природных катаклизмов)². Тем самым говорится о важности мобилизации материальных ресурсов в виде страховых запасов продовольствия, остро необходимых в неурожайные годы.

Значение мобилизационности в сельском хозяйстве в немалой степени обусловила исключительную роль крестьянских общин. Общинное устройство предполагало взаимопомощь при проведении сельскохозяйственных работ, создание общего запаса зерна и его уравнительное использование в голодные годы, возникавшие в России довольно часто.

В.В. Виноградов не без оснований связывает природно-климатические условия с характером русских людей, с их отношением к труду. Он отмечает: «Развитие российского хозяйства в крайне неблагоприятных природно-климатических условиях имело и другие последствия. Во-первых, рискованный характер земледелия в России в течение многих веков наглядно демонстрировал практическое отсутствие ощутимой зависимости между трудовыми усилиями крестьянина и размером получаемого им урожая. Отсюда – крайне низкие стимулы к интенсификации производства, отсутствие тщательности в работе. Из этого же проистекают такие ка-

¹ См.: Виноградов В.В. Указ. соч. С.23.

² Рязанов В.Т. Указ. соч. С. 350.

чества русского человека, как способность к максимальному напряжению сил в течение короткого периода (например, уборки урожая) и в то же время неспособность к систематической работе»¹.

Длительное время общинное землепользование сочеталось с крепостничеством, которое в России также имело связь с мобилизационностью. Помещик, помимо прочего, был обязан предпринимать меры по мобилизации ресурсов, необходимых для выживания крестьян в голодные годы, и для уплаты пошлин государству, и для поставки рекрутов для армии. Неудивительно поэтому столь продолжительное существование крепостного права в России.

Необходимость мобилизационности в России возникала и под воздействием политико-географических и внешнеполитических факторов. Поддержание на огромной территории порядка, в том числе экономического, требовало концентрации в руках государства значительных ресурсов и достаточно жесткого государственного управления. К тому же Россия, будучи расположенной на стыке западной и восточной цивилизаций, являлась одним из важнейших геополитических центров и, по словам В.П. Кудинова, «течение десяти веков, со времен Киевской Руси, она выполняла свою уникальную, только ей одной доверенную миссию – быть держателем глобального равновесия между мировым Западом и мировым Востоком»².

История также свидетельствует, что просторы России то и дело наводили вождей небольших по территории европейских государств на мысль о расширении своего «жизненного пространства» за ее счет. Земли Руси, вполне пригодные для пастбищного скотоводства, привлекали и кочевые народы Востока. Между тем у Руси не было естественных преград на пути врагов в виде гор, морей, широких рек. Так что мобилизационность становилась способом самосохранения Руси как единого государства в условиях враждебного окружения. По этому поводу историк С.М. Соловьев писал так: «Бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с невероятным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтобы избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтобы сохранить главное благо, народную независимость»³. Позднее ему вторил И.А. Ильин: «Со всех сторон доступная, нигде не защищенная, простиралась Россия – своего рода лакомая добыча как для кочевого Востока, так и оседлого Запада. Столетия тревог, военных угроз переменных успехов и поражений, нового собирания сил, нового чрезмерного напряжения... Такова история

России – история длительной национально необходимой обороны ... Русская история развивалась так, что для нее не было никакого выбора: или надо было сражаться, или быть уничтоженной; вести войну или превратиться в рабов и исчезнуть»¹. По его подсчетам с 1055 г. по 1462 г. Россия перенесла 245 нашествий, в том числе 200 нападений с 1240 г. по 1462 г. С 1365 г. до конца XIX в., то есть за 525 лет Россия провела 305 лет в войнах. Так что войны происходили менее чем каждые два года². Россия, находясь, по образному выражению Д.И. Менделеева, «между молодотом Европы и наковальной Азии», была вынуждена жить «бытом военного времени». В этой связи А.П. Градов отмечает: «Очередная задача национальной обороны заставляла правительственную власть обращать внимание не столько на дальнейшее развитие народного благосостояния, сколько на мобилизацию наличных ресурсов государства»³.

Следует учитывать и то, что сельское хозяйство как основа экономики давало сравнительно небольшой прибавочный продукт, являющийся источником военных расходов. Это также способствовало повышенной роли государства в деле обеспечения мобилизационности. «Ограниченный объем хозяйственных «излишков», – пишет В.В. Виноградов, – обусловливал потребность в мощном централизованном государстве, способном обеспечить необходимую концентрацию ресурсов для решения приоритетных задач – обороны и территориальной экспансии, освоения огромной территории»⁴.

Но и необходимый продукт должен содержать блага, отражающие суровые природно-климатические условия жизни работающего населения: теплая одежда и обувь, теплое жилье, продукты питания с необходимым содержанием калорий и т.д. Производство этих благ требует дополнительного рабочего времени. Например, чтобы протопить всю зиму избу, надо затратить средства, эквивалентные двум месяцам труда⁵. Дополнительных затрат труда и времени требует преодоление больших пространств ввиду разбросанности населенных пунктов на огромной территории страны.

Добавим к сказанному, что для сохранения единства и независимости народа, занимавшего огромную территорию необходимо было не просто государство, а «вождизм» – то, что западные идеологи называли «тоталитаризмом». Он предполагал, с одной стороны, абсолютную власть главы государства, а с другой – готовность народа к безусловному под-

¹ Виноградов В.В. Указ. соч. С.24.

² Кудинов В.П. Международные позиции России на рубеже XX – XXI веков. Уфа, 1998. С.3.

³ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 20.

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т.6. С. 478 – 479.

² Там же. С.477 – 478.

³ Градов А.П. Национальная экономика: Курс лекций. СПб., 1997. С.27.

⁴ Виноградов В.В. Указ. соч. С.23 – 24.

⁵ См.: Валянский С.И., Калужный Д.В. Указ. соч. С.34.

чинению приказам «вождя» мобилизоваться на «трудовые и ратные подвиги», пойти на жертвы. Только у такого народа могла родиться пословица: «На миру и смерть красна».

Говоря о «вождизме» как субъективном факторе мобилизационности, следует отметить, что в нем скрывалась основа не только самодержавия, но и междоусобиц. Междоусобная борьба на Руси – это не столько результат феодальной раздробленности, как это было в Европе, сколько борьба князей за верховную власть над всей страной.

По иронии судьбы борьба между русскими князьями совпала по времени с завоевательными походами татаро-монголов. В результате страна на долгое время лишилась государственной самостоятельности, попав под татаро-монгольское иго.

Длительное татаро-монгольское иго, в свою очередь, способствовало тенденции к усилению мобилизационности в экономике России. С одной стороны, саму экономику Золотой орды, подчинившей Русь, можно отнести к мобилизационной. Именно мобилизация ресурсов позволяла ханам успешно вести масштабные завоевательные войны. Их политика давала наглядный пример того, как можно мобилизоваться для решения поставленных верховными правителями задач. Причем первоначально татаро-монголы как кочевники мобилизовывали людские ресурсы для увеличения нужных им природных ресурсов в виде пастбищ. С другой стороны, избавление от ига потребовало от русских князей мобилизации значительных ресурсов, в первую очередь, финансовых, людских и духовных.

Последнее, кстати, имело далеко не последнее по важности значение, так как успех мобилизационной политики зависит и от духовного настроения людей – того, что мы называли «духом мобилизационности». Вместе с тем есть и обратная связь. То, что характеризуется как духовность русского народа, можно считать также и плодом мобилизационности, исторически необходимой для его выживания. Очевидно, что если бы для русского народа как такового приоритетными были материальные ценности, то он вряд ли смог выжить и сохранить себя в тех природно-климатических и геополитических условиях, в которых он жил. Духовность объединяет людей, делает их единым целым. Материальность – разобщает, здесь обществу уже нельзя обойтись без развитых правовых отношений. Далеко не случайно то, что называется правовым государством, возникло именно в западных странах.

Необходимость мобилизационности усиливалась расширением территории государства, что стало происходить после обретения Россией независимости. Это расширение также имело объективную основу. «Неблагоприятные природно-климатические условия Центральной России – ис-

торического ядра российского государства еще с XVI в. обусловили устойчивую тенденцию к территориальной экспансии – поиску плодородной “подрайской землицы”», – пишет В.В. Виноградов¹. Отсюда движение людей на восток и на юг и расширение территории российского государства.

Примечательно, что это движение, в отличие от движения американских колонистов на «дикий запад», не привело к исчезновению коренных народов. Здесь тоже есть связь с мобилизационностью. Ведь для сохранения себя и своей страны народ должен умножаться, и в России он умножался и за счет населения вновь присоединяемых новых территорий. Кроме того, без коренных народов, без их опыта и поддержки русским было бы трудно укорениться на новых территориях, в основном также имевших неблагоприятные для проживания природно-климатические условия. Немаловажную роль в отношениях русских с коренными народами играли такие его качества, как «традиционно высокая роль в общественном сознании людей социальной справедливости и равенства, коллективизма и взаимопомощи, преобладание которых также обусловлено многочисленными природными и историческими факторами»².

Границы государства увеличивались, и росла необходимость их защиты. Появилось казачество как род людей, готовых в любой момент сменить орудия труда на оружие для защиты земли от нападения. Так что казачество можно считать продуктом российской мобилизационности.

Но оно само по себе, без поддержки государства, не всегда могло защитить себя и своих соседей от набегов кочевников и горских племен и угона в рабство. Так происходило на Северном Кавказе и на границе со Средней Азией. Царскому правительству пришлось вести затяжные войны ради распространения своей власти на эти территории и для обеспечения надежной защиты своего населения от набегов извне. Тем более что на эти территории претендовала не всегда дружественная по отношению к России Англия.

Мобилизационность, таким образом, стала отличительной особенностью политики русских царей. Наглядные ее примеры можно найти в деятельности Ивана Грозного. Именно с ним связано установление самодержавия – формы правления, позволявшей в течение многих веков более успешно проводить мобилизационную политику по сравнению с демократическими и либеральными формами. Далеко не случайно, например, переход к думской демократии после смерти Бориса Годунова привел к оккупации Москвы поляками и утрате национальной независимости. Только мобилизация ресурсов и переход от думской демократии к «быту

¹ Виноградов В.В. Указ. соч. С.26.

² Там же. С.27.

военного времени» позволили изгнать польских интервентов в 1612 г. и восстановить независимость страны. С избранием боярской думой на царствование Михаила Романова было восстановлено и самодержавие.

Наиболее яркие образцы мобилизованности дала политика Петра I. Мобилизация ресурсов на государственном уровне позволила ему построить северный и южный флоты, создать сильную сухопутную армию и «прорубить окно в Европу», заложить основы отечественной промышленности и, в конечном счете, превратить Россию в державу, с которой были вынуждены считаться европейские страны, прежде бросавшие на ее просторы жадные взоры.

В послепетровские времена можно наблюдать чередование периодов своеобразной либерализации и целенаправленной централизации с ужесточением государственной власти. Это означало то усиление, то ослабление элементов мобилизованности и в российской экономике. Обнаруживается закономерность – поражения в войнах или ослабление внешнеэкономических позиций России происходят либо в периоды либерализации политики и экономики (как это было в начальный период войны с Наполеоном, в Русско-японской войне, во время Первой мировой войны), либо в периоды брожения общества и требований свобод и демократии (что наблюдалось в предшествовавший Крымской войне период).

Современные либералы не без восторга пишут об успешном развитии российской экономики после отмены крепостного права в 1861 г. Действительно, правительству Александра II удалось найти форму освобождения крестьян от крепостной зависимости с сохранением многовековой крестьянской общины, что помогло провести реформы без особых потрясений. Земля в ходе реформы переходила не к отдельным крестьянам, а к сельской общине в целом, где происходило распределение наделов между крестьянскими дворами по числу душ мужского пола. В общине крестьяне были не собственниками, а пользователями земли. В ней сохранялась круговая порука за сбор налогов с крестьян, отработку повинностей, поставку в армию рекрутов и т.д. Таким образом, новое в ходе реформы возникало при сохранении старого, традиционного, в том числе элементов мобилизованности в рамках общины. Влияние общины сказывалось и на формировавшемся тогда рабочем классе, и на широком применении артелей, представлявших собой одну из мобилизационных форм организации труда. Особую роль они сыграли при строительстве железнодорожных магистралей. Несомненно, соблюдение принципа преемственности при проведении реформ, предполагающем сохранение старого, традиционного, в том числе мобилизованности, в немалой мере способствовало ускорению экономического развития России.

Однако либералы особый восторг выражают в отношении столыпинской реформы, одной из целей которой было разрушение крестьянской общины. В этой связи выделяется период с 1907 г. по 1913 г. На основе экстраполяции достигнутых во время промышленного подъема 1910 – 1913 гг. темпов экономического роста делается вывод о том, что если бы не Октябрь 1917 г., то Россия за несколько последующих десятилетий превратилась бы в абсолютного мирового лидера. Очень часто при этом ссылаются на высказывание французского экономиста Э. Тэри, который заметил, что «в середине текущего века Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом, и финансовом отношении»¹.

Отмеченные экстраполяции довольно интересны, но полностью оторваны от реального положения вещей, а они таковы, что подъем в России обеспечивали преимущественно отрасли добывающей и перерабатывающей промышленности. В результате в 1913 г. удельный вес добывающей промышленности достиг 43% промышленного продукта страны, тогда как доля машиностроения – всего 7%². Более чем скромными были «успехи» в сельском хозяйстве. В годы столыпинской реформы произошло падение практически всех показателей сельского хозяйства на душу населения. Так, количество лошадей на 100 жителей в Европейской России сократилось с 23 в 1905 г. до 18 в 1910 г., количество крупного рогатого скота, соответственно, с 36 до 26 голов на 100 человек. Средняя урожайность зерновых упала с 37,9 пудов с десятины в 1900 – 1905 гг. до 35,2 пудов в 1906 – 1910 гг. Производство зерна на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900 – 1904 гг. до 22 пудов в 1905 – 1909 гг. В 1911 г. в стране разразился голод, охвативший около 30 млн крестьян³. К сказанному можно добавить усиление так называемого «секторного разрыва», из-за которого сокращение занятости в сельском хозяйстве вследствие высвобождения «лишних рук» не вело к соответствующему росту занятости в промышленности. В результате в России росло аграрное перенаселение. Словом, как пишут А. Резников и А. Мелентьев, реформа «увенчалась экономическим и социальным провалом»⁴.

Жизнь также показала, что подрыв общины в ходе столыпинских реформ означал ослабление возможности использования мобилизованности не только на локальном уровне, но и в государственной политике.

¹ Цит по: Тимошина Т.М. Экономическая история России: Учеб. пособие. М., 2000. С.184.

² Чунтулов В.Т. и др. Экономическая история СССР. М., 1987. С.116.

³ Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2002. С.178.

⁴ Резников А., Мелентьев А. Нынешняя реформа и НЭП: итоги и уроки аналитического сопоставления // Рос. экон. журн. 2003. № 4. С. 16. Подробно о столыпинской реформе как катастрофе читай: Купцов А.Г. Земля-ёк, или Столыпинская катастрофа в России. М., 2002.

Это, в свою очередь, привело к тому, что страна не смогла выдержать тяготы Первой мировой войны, и только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции сумела избежать крушения и продержаться еще более 70 лет. Так что все обвинения в адрес большевиков со стороны либералов – это перекалывание вины в разрушении страны с больной головы (то есть собственной) на здоровую.

Что касается предсказаний Э. Тэри, то они удивительно похожи на предсказания современных западных экономистов относительно «большого будущего» нынешней «реформируемой» России. В них больше небескорыстного политического, чем строго научного расчета. И в те времена Западу было важно поддержать реформы Столыпина, так как они надежно привязывали к нему Россию и позволяли расширять сферу своего влияния на ее территории. Ведь в период, последовавший после Русско-японской войны и первой русской революции, все большая часть капитала в России стала контролироваться иностранцами. К 1913 г. доля иностранного капитала достигла 60 – 70%, а к середине 1917 г. – 90 – 95%. Одновременно росла зависимость царского правительства от иностранных займов. За 10 лет с 1904 г. по 1914 г. им только процентов по займам было выплачено 1,7 млрд¹.

Но даже если поверить в искренность предсказаний Тэри, то в этом случае нельзя не отметить того, что они явно игнорируют такую особенность рыночной экономики, как цикличность ее развития. Согласно закону циклического развития, рыночная экономика периодически проходит не только фазы подъема, но и кризисы, выход из которых не всегда и не во всех странах оказывается благополучным. Жизнь показала, что кризисов не избежала и Россия. Наиболее тяжелый кризис возник в период Первой мировой войны. Выйти из него страна с ослабленной в ходе столыпинских реформ мобилизованностью в ее прежнем виде уже не смогла.

Для подтверждения того, что кризисы могут опровергнуть оптимистичные прогнозы, можно взять экономику США 1920-х гг. В это десятилетие она столь успешно развивалась, что тогдашний президент США Г. Гувер широко вещательно заявлял о том, что «Америка стоит на пороге процветания, за которым бедность навсегда останется в прошлом»². Действительно, налицо были все признаки роста всеобщего благосостояния – даже простые рабочие стали приобретать автомобили, строить коттеджи. Но вот наступило 24 октября 1929 г. – день, названный в США «черным четвергом». В этот четверг США вступили в кризис, поистине ставший «великим». Кризис длился до 1933 г. и отбросил экономику США к

¹ Арин О.А. Мир без России. М., 2002. С.273.

² Цит по: Schiller B.R. Op. cit. P.111.

уровню 1911 г. Он привел к тому, что, по словам Ф. Рузвельта, «треть населения страны ... жила в абсолютной бедности, плохо питалась, плохо одевалась, имела плохое жилье»¹. В 1931 г. только в Нью-Йорке от голода умерло 2 тыс. человек. Для выхода из кризиса президенту пришлось принимать упомянутые нами ранее меры мобилизационного характера.

Наконец, восторги либералов относительно успешного развития российской экономики в пореформенный период не подтверждаются данными сравнительного анализа. А они говорят о том, что, несмотря на ускорение экономического развития России, нарастало ее отставание от западных стран. Так, совместные исследования, проведенные в 1980-е гг. Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госплане СССР, показали, что в 1861 г. национальный доход на душу населения в России составлял 40% от того же показателя в Германии и 16% – от показателя в США. В 1913 г. разрыв увеличился: 32% по сравнению с Германией и 11,5% по сравнению с США².

Таблица 4

Производство валового национального продукта на душу населения в западных странах и России (долл. США)

Страна	1880 г.	1913 г.
Россия	224	345
Англия	680	1070
Франция	464	670
Германия	443	775
США		1350

Источник: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. СПб.: Наука, 1998. С.368.

В табл. 4 приведены другие данные, свидетельствующие о меньшем разрыве в уровне развития России и ведущих стран Запада, но и они указывают на то, что за период с 1880 г. по 1913 г., когда проводились реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, этот разрыв не уменьшался, а, наоборот, возрастал. Исключение составляет Франция, где в 1880 г. производилось ВВП на душу населения в два раза больше, чем в России, а в 1913 г. – в 1,94 раза.

Об уровне развития России говорит и такой факт: в 1913 г. на ее долю приходилось лишь 4% мировой промышленной продукции при доле населения в населении мира 9%. Даже отечественные сторонники либерализма вынуждены признавать, что «к началу XX в. страна не решила

¹ Цит. по: Schiller B.R. Op. cit. P 111 – 112.

² См.: Экономическая теория на пороге XXI в.: В 6 т. Т. 6 /Под ред. Ю.М. Осипова. М., 2001. С.509.

еще основных задач промышленной революции, с которой страны “первого эшелона” справились уже к середине XIX в.»¹

Отставание России особенно наглядно проявилось в ее поражении в войне с Японией. В последующем, пользуясь слабостью России, утратой царским правительством контроля над своей экономикой и внешней политикой, страны англо-саксонского капитализма втянули ее в качестве страны-донора в войну против германо-романского капитализма, которая изрядно истощила Россию и привела ее к революции.

В целом история дореволюционной России демонстрирует две противоположные тенденции: мобилиционность с ее «вождизмом», самодержавием, тоталитаризмом как факторами сохранения единства и независимости государства, его расширения и укрепления и либерализм с его демократией, плюрализмом как факторами, ведущими к раздробленности государства, его ослаблению и даже утрате национальной независимости. В силу внешних и внутренних причин до конца XIX в. первая тенденция преобладала.

Ускорение экономического развития во многом было обусловлено особой целенаправленной политикой государства. Как справедливо отмечает Г.М. Гукасян: «Со времен Петра I именно правительство, а не частный капитал, инициировало развитие промышленности и торговли», в результате чего происходило своеобразное, но поступательное развитие экономики. Далее автор вполне обоснованно указывает на то, что особая роль государства в России нашла отражение в особом отношении населения к государству. С одной стороны, государство рассматривалось «как способ становления народов, их защиты от внешнего врага и наведения порядка в хозяйственной жизни». С другой стороны, отмечается «вера в силу и добрые намерения государства», находившая отражение и «в научной мысли, и в методах осуществления экономической политики»².

2.2. Необходимость экономики мобилизационного типа в СССР

Формирование мобилизационной экономики СССР оказалось тесно связанным с Первой мировой войной, в которую оказалась втянутой Россия. Авторами этой экономики были люди, воочию видевшие катастрофические для страны результаты войны и не хотевшие их повторения в войне будущей.

В самом деле, крайнее истощение российской экономики в ходе войны привело страну на грань катастрофы. Под вопросом оказалось существование России как самостоятельного независимого государства.

Страны Антанты не скрывали своих планов колонизации ее огромной территории.

В основе этой угрозы лежали, с одной стороны, природные богатства России, а с другой – ее отставание в социально-экономическом развитии от западных стран. Вот почему летом 1917 г. В.И. Лениным со всей остротой была сформулирована задача: «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически... Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей»¹. Впервые после Петра I было открыто заявлено о мобилизации ресурсов не просто для выживания страны, но и для преодоления ее отсталости и устранения на этой основе самой угрозы существованию российского государства.

Весьма показательна то, что меры сугубо мобилизационного характера начало предпринимать еще царское правительство. В первую очередь с их помощью делались попытки не допустить в стране массового голода. Так, в декабре 1916 г. в России была введена продразверстка. Однако царскому правительству не удалось хоть сколько-нибудь ослабить продовольственную проблему, что в немалой степени способствовало падению самодержавия.

Ввиду катастрофического положения с продовольствием продразверстку пытались ввести и Временное правительство, но также безуспешно. Все это говорило о том, что проведение мобилизационных мероприятий дело совсем не простое. Очевидно, далеко не правы те, кто приписывает большевикам стремление к простым решениям, к числу которых относят и продразверстку. Вместе с тем в ее использовании обнаруживается определенная преемственность политики первого советского правительства и политики предыдущих правительств по части мобилизационности.

Однако до осени 1918 г. можно говорить лишь об использовании в России элементов мобилизационности. В полном смысле мобилизационной экономика Советской России стала после принятия 2 сентября 1918 г. постановления ВЦИК о превращении Советской Республики в единый военный лагерь. Это был ответ на интервенцию 14 иностранных государств и начало Гражданской войны. Сама интервенция явилась своего рода реализацией знаменитых «Четырнадцати пунктов» Вильсона, прежде всего шестого пункта, предполагавшего расчленение России на части и установление над каждой из них протектората западных государств. Социалистическая революция, таким образом, приобрела национально-освободительный характер.

¹ Нуреев Р.М. Указ. соч. С. 178.

² Гукасян Г.М. Экономическая теория: проблемы «новой экономики». М., 2002. С.39, 41.

¹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т.34. С.198.

«Военный коммунизм», существовавший в СССР с 1918 г. по 1921 г. представлял собой образец мобилизационной экономики периода иностранной интервенции и гражданской войны. Критики советского строя выводят «военный коммунизм» из социалистической идеи и утверждают, что это была попытка ее реализации на практике. Думается, что нет необходимости опровергать такого рода утверждения лишь потому, что здесь произошло наложение субъективных представлений основателей советского государства о социализме с объективной необходимостью в мобилизационной экономике, хотя большинство предпринимавшихся советским правительством мер вытекали не из теоретических представлений о социализме, а из практической необходимости. Проводя политику «военного коммунизма», советское правительство очень часто переносило те действия, которые в трудные годы предпринимались в рамках крестьянской общины, на всю страну и все население. Тем более, что сама Советская власть вышла из общинного самоуправления. В этой связи С.Г. Кара-Мурза, говоря о «сотне крестьянских советских республик, которые по полгода обладали всей полнотой власти в обширных зонах» на начальных этапах первой русской революции, сделал вполне обоснованный вывод: «история Советской России началась в деревне в 1905 г.»¹ Так что политика «военного коммунизма» не была чем-то совершенно новым для страны.

Своеобразным проявлением исторической преемственности является тот факт, что старинное русское слово «вождь», носившее на себе печать мобилизационности, стало применяться к В.И. Ленину как руководителю Советского государства. Ни один белогвардейский правитель не удостоился подобного звания.

Факт наложения друг на друга социализма и мобилизационности свидетельствует о том, что переход России в 1917 г. от буржуазной к социалистической революции был объективно необходим для спасения России как единого и независимого государства. Именно под социалистическими лозунгами можно было обеспечить мобилизацию ресурсов для обеспечения независимости страны. При этом нельзя не согласиться с тем, что необходимые условия для социализма в России не созрели, если под социализмом понимать строй, приходящий на смену капитализму и разрешающий те противоречия, которые капитализм на собственной основе разрешить не в состоянии. Однако иной – не социалистический выбор в то время означал гибель России как единого государства. Уже к осени 1917 г. было ясно, что политика Временного правительства ведет страну к краху – к распаду и подпаданию ее осколков под протекторат

¹ Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. С. 59.

западных держав. Понадобились события августа 1991 г., характеризующиеся как буржуазно-демократическая революция, чтобы убедиться в реальности подобных перспектив¹.

В рамках мобилизационных мероприятий уже весной 1918 г. в Советской России впервые была введена всеобщая воинская повинность. До этого армия была добровольной, что отражало тогдашнее представление об армии при социализме. Характерно, что в составе Красной Армии оказалась значительная часть офицерского корпуса царской армии. Это свидетельствовало об эффективности мобилизационных мероприятий и еще раз подтверждало национально-освободительный характер социалистической революции.

Главным средством выживания страны тогда была мобилизация продовольственных ресурсов. От этого зависело состояние армии, положение городов и фабрик, страны в целом. Для решения этой задачи был принят «Декрет о продразверстке». Согласно ему крестьянские хозяйства должны были сдавать государству «излишки» зерна в виде того, что превышало необходимое (в объеме 12 пудов) для посева и еды. Собранное в ходе продразверстки зерно Накомпрод распределял по губерниям, городам и фабрикам. «Если бы никто не поставил под жесткий контроль продовольственный рынок южных районов, которые волею судеб оказались в климатически выгодных условиях, – пишет А.Г. Купцов, – Центральная Россия не выжила бы. Спасибо продотрядам, которые не дали вывести хлеб в Лондон»².

Жизненно необходимой была мобилизация трудовых ресурсов. Мужчины от 18 до 40 лет регистрировались на биржах труда, в специальных агентствах и распределялись в соответствии с указаниями Главкома труда. Принятые указы подкреплялись чрезвычайными законами – законами военного времени, предусматривавшими суровые меры наказания нарушителей.

Уже в годы перестройки, оценивая эти и им подобные меры, даже отечественные адепты современного либерализма отмечали: «Сложившаяся тогда, в исключительных условиях войны и экономического расстройств, хозяйственная система не могла быть ни чем иным, как жестко централизованным тоталитарным организмом, и в действительности стала таковым»³. В самом деле, политика «военного коммунизма» помогла

¹ Некоторые достаточно авторитетные авторы считают, что Октябрь 1917 г. спас не только Россию, но и мир от глобального хаоса. «Социалистические идеалы сыграли роль спасительного круга. Октябрьская революция предотвратила перерастание глобального кризиса во всеобщий хаос», – пишет Д.С. Львов. (Львов Д.С. Будущее России: гражданский манифест. М., 2002. С.12).

² Купцов А.Г. Указ. соч. С.131.

³ Шмелев Н., Попов В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М., 1989. С.10.

обеспечить победу Советской власти, отстаивать независимость и целостность страны.

Подобный эффект мобилизационной экономики подтолкнул руководителей Советского государства к мысли об ее использовании и в мирное время. Тем более, что тогдашние представления о социализме прямо указывали на «социалистичность» мер мобилизационного характера. Ярким свидетельством этого стало формирование в целях решения сугубо мирных созидательных задач «трудовых армий», действовавших на основе военной дисциплины и армейских методов управления. Однако расчет на их эффективность не оправдался. Производительность и дисциплина труда у трудармейцев были низкими, происходило массовое дезертирство из трудармий. Осенью 1921 г. трудовые армии были распущены. Таким образом, начало 20-х гг. достаточно наглядно показало, что мобилизационная экономика не может успешно функционировать тогда, когда отпали задачи, требовавшие мобилизационности.

Переход к новой экономической политике в 1921 г. означал переход от командной экономики мобилизационного типа к рыночной, то есть смену парадигмы экономического развития, самого характера экономики. Уже в то время обнаружилось, что построение социализма как общества, призванного сменить капитализм, не может происходить на сугубо мобилизационной основе. Хотя, как и любое общество, в том числе капиталистическое, оно не исключает мобилизационные мероприятия.

Тем не менее, два принципиальных момента разводят социализм и мобилизационность и не дают оснований отождествлять их. Первое. Социализм выходит из капитализма и не может одномоментно отменить присущие ему экономические механизмы, в том числе и те рыночные механизмы, которые отвергают мобилизационность. Ленинский лозунг «Учиться торговать» свидетельствует об отчетливом понимании этого момента. Второе. Социализм, есть, говоря словами В.И. Ленина, «живое творчество масс», а это предполагает не столько команды сверху, мобилизующие народ на строительство новой жизни, сколько инициативы снизу. Все это говорило о том, что нэп был действительно «всерьез и надолго».

Однако история не дала стране время на мирное строительство. К концу 20-х гг. внешняя и внутренняя обстановка настоятельно поставила перед страной вопрос об ускоренной индустриализации и создании мощного оборонного комплекса. Последнее было необходимым для ответа на неприкрытые угрозы со стороны стран Антанты, Германии и Японии. Известный историк И.Я. Фроянов на основе анализа положения СССР в конце 20-х гг. сделал вполне обоснованный вывод: «СССР находился в осаде, ничем в этом смысле не отличаясь от старой России. Скорее его

положение было еще более угрожающим, чем в дореволюционное время»¹. Международные финансово-олигархические круги плели против СССР, оказавшегося вне сферы их влияния, сложную многоходовую интригу с использованием германского фашизма и японского милитаризма с расчетом на внутривнутриполитическую борьбу в СССР.

Планы «политических руководителей некоторых государств Европы... и военных кругов Японии... разбить СССР, поделить его территорию и поживиться за его счет» были достаточно подробно раскрыты И.В. Сталиным в Отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) в январе 1934 г.»²

В самом деле, вспомним, что писал будущий исполнитель замыслов международных интриганов в своей программной книге «Майн Кампф»: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те огромные государства, которые ей подчинены... Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель»³.

Для выводов об обреченности на гибель Советской России были достаточно веские основания. Страна была явно не готова к ведению военных действий, требовавших массового применения военной техники и людей, способных ей управлять. Не было и возможности производить необходимую технику в необходимых количествах. Для этого нужны были соответствующие средства производства и кадры профессионалов.

К концу 20-х гг., в отличие от индустриально развитых стран капиталистического Запада, СССР оставался аграрной страной с непродуктивным сельским хозяйством. Крестьяне составляли 85% населения страны. Даже рабочие при всей своей малочисленности тоже занимались сельским хозяйством, поскольку товарность сельского хозяйства составляла всего 37%⁴. Два человека, занятые в сельском хозяйстве едва могли прокормить одного жителя города.

Ручной труд преобладал не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Необходима была индустриализация страны, позволявшая иметь современную технику производственного и военного назначения.

В феврале 1931 г. за 10 лет до начала Великой Отечественной войны И.В. Сталиным как главой государства была поставлена вполне конкретная задача, требовавшая мобилизации всех сил и ресурсов страны. «Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет, – заявлял он. – Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас со-

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. СПб., 1998. С. 173.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 468.

³ Гитлер А. Моя борьба: Пер. с нем. М., 1992. С.556.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 1. С.305.

мнут»¹. Выполнить эту задачу нужно было при отсутствии тех внешних источников, какие имели западные страны, проводившие в свое время индустриализацию. Эти источники включали в себя ресурсы колоний, контрибуции побежденных в войнах стран, неэквивалентный обмен с менее развитыми странами. Правда, у СССР была возможность прибегнуть к внешним займам. Но Запад соглашался предоставить их на условиях, ведущих к утрате государственного суверенитета. Конечно, руководители советского государства, отлично видевшие мощь противостоящих СССР международных сил, могли выторговать выгодные лично для себя условия. Но для них интересы страны были выше личных. Оставалось мобилизовать исключительно внутренние ресурсы страны.

Резервы приходилось искать в основном в сельском хозяйстве. Выявилась необходимость в такой организации сельского хозяйства, которая позволяла бы существенно увеличить производимый здесь прибавочный продукт, чтобы направить его на накопление и на осуществление индустриализации страны. При этом в сельском хозяйстве нужно было высвободить рабочие руки в количестве, достаточном для развития промышленности. Это означало, что форма организации сельскохозяйственного производства должна была базироваться на немеханизованном труде до тех пор, пока отечественное машиностроение не начнет производить сельскохозяйственную технику и при этом давать прибавочный продукт, высвобождая из сельского хозяйства рабочую силу. Словом, речь шла о мобилизации человеческих ресурсов и сил для решения жизненно важной задачи – осуществить индустриализацию страны.

Единственный путь к этому заключался в создании коллективных хозяйств (колхозов) на основе обобществления земли, труда и производимого продукта. Колхозы, таким образом, как и крестьянские общины, явились ни чем иным, как мобилизационной формой организации сельскохозяйственного труда. Эта форма за счет эффекта на масштабе, внутрихозяйственной кооперации создавала возможность производить прибавочный продукт без предварительной механизации труда. Вспомним в этой связи К. Маркса: «Чем больше производство основано еще на простом физическом труде, на применении силы мускулов и т.д., короче – на физическом напряжении и физическом труде индивидов, тем в большей степени увеличение производительных сил заключается в их массовом совместном труде»². При этом колхозная форма организации труда не исключала и другую возможность – временное изъятие части необходимого труда. Благодаря этой форме возникал источник накопления и высвобождения рабочей силы для развития промышленности.

¹ Сталин И.В. Собр. соч. Т. 13. С. 39.

² Маркс К. Собр. соч. 2-е изд. Т.46. Ч. II. С.20.

Другой – немобилизационный вариант, предполагавший кооперацию крестьян, при которой земля, орудия труда и производимый продукт остаются в собственности крестьян и они сами решают что, сколько и как производить, не обеспечивая решение поставленной задачи. Хотя кооперация позволяла механизировать сельскохозяйственный труд и могла привести к избытку рабочих рук на селе, она не приводила к тому, чтобы эти руки направлялись в промышленность, то есть не обеспечивала мобилизацию трудовых ресурсов на развитие промышленности. Сохранялся бы и сдерживавший развитие экономики «секторный разрыв», из-за которого появившееся в результате кооперации избыточное население оставалось бы на селе, так что обусловленная ею механизация просто привела бы к сокращению рабочего времени в процессе сельскохозяйственного производства. А это означает, что не произошло бы и существенно повышение товарности сельскохозяйственного производства. Не получался бы и необходимый для накопления прибавочный продукт. К тому же сама механизация сельского хозяйства через кооперацию была возможна лишь после проведения индустриализации. Кроме того, проведение кооперации требовало значительного времени, так как в этом случае должен был бы осуществляться постепенный переход от низших форм кооперации к высшим¹.

Эффект мобилизационности был значительно усилен объявлением руководством ВКП(б) в конце 20-х гг. курса на «развернутое строительство социализма». Это вызвало трудовой подъем, названный тогда энтузиазмом, который оказался сродни «духу мобилизационности». Хотя ранее мы говорили о том, что социализм отнюдь не предполагает мобилизационную экономику как свою основу, но в данных исторических условиях вновь, как и в годы Гражданской войны, произошло наложение мобилизационности и социализма, так что они оказались тесно связанными и взаимно дополняли друг друга. Поэтому есть все основания говорить о возникновении в СССР «мобилизационного социализма».

Родовой основой советского «мобилизационного социализма» стал общинный дух, господствовавший в деревне, сохранявшийся и среди городского населения, особенно среди рабочих, где он отразился в том, что стали называть «трудовой коллектив». Он в корне противоречил духу индивидуализма, лежавшего в основе западного капиталистического общества. Вот почему советский социализм с самого начала оказался антиподом капитализма, ставшего его внешним окружением.

При проведении индустриализации мобилизационность распространилась практически на всю экономику, найдя отражение во всей системе

¹ О развитии фермерских хозяйств как альтернативе колхозам говорить не приходится, так как для этого потребовалось бы обратное – мощная финансовая поддержка государства.

экономических отношений. Под ее воздействием в сложившемся в 30-е гг. хозяйственном механизме стали доминировать командные методы, с помощью которых обеспечивался централизм в управлении народным хозяйством, директивность планирования, фондовое распределение ресурсов, жесткий контроль над ценами. Все это дает основания характеризовать сформировавшееся в 30-е гг. хозяйство СССР как командную экономику мобилизационного типа.

Необходимо при этом обратить внимание на то, что не мобилизационность явилась результатом утвердившихся командных методов, а наоборот, командная экономика стала под воздействием мобилизационности. Так что возникновение экономики, которую сейчас принято называть командной, обусловлено не теоретическими представлениями советского руководства, его идеологическими установками, стремлением удержать свою власть, о чем много пишут авторы современных учебников, а исторической необходимостью.

Современные критики сталинизма, давая разгромные характеристики построенной в 30-е гг. экономики в СССР, сами, по существу, ничего не предлагают в качестве альтернативы. Речь идет о той альтернативе, которая позволила бы стране победить германский фашизм и японский милитаризм, быстро восстановить разрушенную войной страну и вывести ее в ранг мировых лидеров. Если же альтернативой считать тот курс, на который вывели Россию как часть распавшегося СССР «радикальные реформаторы» в начале 90-х гг. и который лишил ее почти всех видов безопасности, то можно с полным основанием говорить об отсутствии альтернатив у предложенной И.В. Сталиным мобилизационной модели экономики.

2.3. Формирование мобилизационной экономики в СССР

Решение о превращении экономики СССР в мобилизационную принималось в острой внутривнутрипартийной борьбе. Это была необычайно сложная по идеям, целям и участникам борьба. Но так или иначе идеи мобилизационности противостояли другие – немобилизационные варианты. Прежде всего это идея «перманентной революции». Отстаивая ее, Л.Д. Троцкий писал: «Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой»¹. Тем самым судьба СССР ставилась в зависимость от того, будет ли социалистическая революция в других более развитых странах. Но и среди сторонников строительства социализма в одной стране не было единства. Курсу на «мобилизационный социализм» противостояли и предложения по продолжению нэпа в новых вариантах.

¹ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 286 – 287.

К середине 30-х гг. эта борьба завершилась тем, что на Западе было названо «диктатурой Сталина». На деле завершился процесс формирования партии как единого целостного организма, подчиненного воле «вождя», что являлось необходимым условием перехода к экономике мобилизационного типа. Именно партия и ее вождь встали во главе сформировавшейся к этому времени системы централизованного управления и планирования.

Благодаря этому стало возможным завершение огосударствления всей экономики, вытеснение частного сектора из промышленности, строительства, торговли, транспорта. В сельском хозяйстве не менее успешно была осуществлена сплошная коллективизация. Одновременно развернулась культурная революция.

Переход к мобилизационной экономике с конца 20-х гг. с разрушением важнейших товарно-денежных связей явился в прямом смысле «термидором» – отходом от политики нэпа как политики постепенного перехода от капитализма к социализму в отдельно взятой стране. (Именно такую политику проводят современные Китай, Вьетнам, Куба). Это был вынужденный отход. Даже критики советского строя и представители современного либерализма вынуждены признавать: «... Разрушению товарных связей способствовала как внешняя обстановка (капиталистическое окружение), так и внутренняя (необходимость создания собственной тяжелой индустрии как базы оборонной промышленности)»¹.

Ключевую роль в создании экономики нового типа сыграли коллективизация и культурная революция (рис. 5). Благодаря этим процессам действовал определенный алгоритм формирования новой экономики, основанной на новых производительных силах общества. Достаточно наглядно видна логическая последовательность и экономическая грамотность действий по формированию экономики нового типа. Этот тип экономики был создан практически за счет внутренних ресурсов, которые удалось мобилизовать за исключительно короткое время.

Проведенная в конце 20-х – начале 30-х гг. коллективизация позволила высвободить в сельском хозяйстве значительную часть занятого населения без существенного снижения объемов сельскохозяйственного производства. За период коллективизации 1928 – 1932 гг. валовой продукт сельского хозяйства сократился всего на 10%².

Первоначально высвобождавшиеся в сельском хозяйстве люди использовались в других природохозяйственных отраслях, прежде всего в добывающей промышленности, на лесозаготовках, – там, где производилась экспортная продукция. Последняя на мировом рынке обменивалась

¹ Нуреев Р.М. Указ. соч. С.202.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. ежегодник. М., 1987. С.41.

на технику, оснащавшую новые предприятия. Большую часть работавших на них составляли выходцы из сел, так что происходил рост числа рабочих и сокращение численности крестьянства. Если в 1928 г. рабочие и служащие составляли 17,6% всего населения страны, крестьяне 74,9%, то в 1939 г. их соотношение составило соответственно 50,2 и 47,2%¹.

Рис. 5. Формирование новых производительных сил в СССР

Благодаря тому, что коллективизация и индустриализация происходили как единый процесс, был, наконец, разорван порочный круг «секторного разрыва», при котором промышленность и сельское хозяйство развивались вне связи друг с другом. Сокращение сельского населения и, соответственно, числа занятых на селе сопровождалось ростом городского населения, увеличением численности работающих на заводах и стройках.

Одновременно в ходе культурной революции стремительно повышался уровень образования трудового населения. К концу 30-х гг. такое явление, как неграмотность, почти исчезло. Между тем образование рабочего населения само по себе служило фактором роста производства. По расчетам С.Г. Струмилина, которые он провел в начале 30-х гг., обучение

рабочих простой грамоте вело к росту производительности труда на 24%, а получение ими среднего образования повышало производительность труда на 67%¹. Можно с полным основанием говорить об образовании как непосредственной производительной силе общества. С точки зрения мобилиционности немаловажно и то, что в 30-е гг. в рамках культурной революции активно проводилось патриотическое воспитание населения, особенно молодежи. Идея патриотизма пронизывала науку, прежде всего общественную, литературу, культуру, искусство. В немалой степени именно она способствовала взлету советской культуры и тому, что уже в наше время весьма дорогостоящие проекты по опорочиванию и уничтожению этой культуры с треском провалились.

Шла подготовка специалистов для работы на новых промышленных и сельскохозяйственных предприятиях. В том числе готовились инженерные и научные кадры, способные создавать новую отечественную технику, включая технику военного назначения. Существовали планы распределения специалистов по конкретным отраслям и предприятиям. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве за период с 1928 г. по 1940 г. возросла с 10,8 млн до 31,2 млн². С 1926 г. по 1939 г. число инженеров увеличилось в 7,7 раза, агрономов – в 5 раз, научных работников – в 3,5 раз, работников культуры – в 8,4 раз. К началу 1941 г. число специалистов с высшим и средним образованием достигло 2,4 млн человек по сравнению с 521 тыс. в 1928 г.³

Нельзя не учитывать то, что речь здесь идет не просто о кадрах, но о людях, заряженных духовной энергией, называвшейся тогда энтузиазмом, благодаря которой даже тяжелая работа была не в тягость, а в радость. Период 30-х гг. известен как период массового социалистического соревнования, пришедшего на смену капиталистической конкуренции, новаторства, стахановского движения, способствовавших росту интенсивности и производительности труда. Энтузиазм строителей первых пятилеток, характеризующий особый психологический настрой, стал не просто заметной частью потенциала мобилиционности, но своеобразным мобилиционным сверхресурсом, с помощью которого строились новые предприятия и целые города, создавалась новая экономика и, по существу, новое государство.

Возникновение новой экономики и государства – результат беспрецедентной в истории политики распространения мобилиционности на все общество. Беспрецедентность заключается прежде всего в том, что

¹ См.: Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С.598.

² Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С.13.

³ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С.39.

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С.11.

тотальную мобилиционность удалось обеспечить в мирных условиях в продолжении более чем двух пятилеток. Две пятилетки – длительный период для мобилиционности, являющейся по своей природе дискретной, но это феноменально короткий срок для создания новых производительных сил и новой экономики. Нечто похожее удалось сделать во времена Петра I, но в меньших масштабах и с большими жертвами.

Важную роль в обеспечении подобного успеха сыграло широкое использование принципа материальной заинтересованности, который дополнял, а где-то и заменял энтузиазм. С середины 30-х гг. стали поощряться «сверхвысокие стахановские заработки», которые, по-существу, снимали ограничения на пути роста зарплаты рабочих и стимулировали многократное перевыполнение норм выработки. Это перевыполнение обеспечивалось не столько за счет роста интенсивности труда, сколько благодаря совершенствованию трудовых операций и технологических процессов. Рост доходов и, соответственно, жизненного уровня рабочего населения служили фактором противодействия возникновению «мобилизационной усталости» вследствие действия принципа дискретности в мобилизационной экономике.

Примечательно, что опыт СССР 30-х гг., роль мобилиционности, в особенности роль психологического ресурса, в послевоенные годы тщательно изучался и затем использовался в послевоенной Японии. В ходе этого изучения японцы поняли, что установка американских «либералов», курировавших после Второй мировой войны их политиков, на индивидуализм, на то, что каждый должен надеяться только на себя, ущербна. На самом деле человеку важно, с одной стороны, видеть свою нужность государству и фирме, а с другой – знать, что государство и фирма думают о его благополучии и готовы при необходимости прийти на помощь. Это создает настрой на работу с повышенной отдачей без расчета на повышенное вознаграждение. Так, в Японии получили распространение идеи патернализма, пожизненного найма, появились «кружки качества» и т.п. В послевоенные годы США как страна-победитель не препятствовала своеобразию японского пути развития, вполне обоснованно полагая, что только сильная и развитая Япония может стать противовесом СССР на Дальнем Востоке. Впрочем, повезло в этом смысле и Западной Германии, где оккупационная американская администрация из тех же соображений не препятствовала своеобразию германского – далеко не либерального – пути развития.

Мы уже ссылались на зарубежных авторов, особо выделявших роль репрессий и ГУЛАГов в советской экономике. Им до сих пор вторят их российские коллеги, расписывающие вслед за Г.Х. Поповым «подсистему страха» в советской экономике. Действительно, мобилизационная

экономика роль репрессий не исключает. В 30-е гг. они касались в первую очередь «командного состава» мобилизационной экономики и являлись одним из факторов обеспечения ответственности руководства за принимаемые решения и их исполнение. Но что касается репрессий 30-х гг., по мнению Г. Ханина, благодаря им к руководству на разных уровнях системы управления хозяйством пришли «более профессионально подготовленные люди»¹.

Объективности ради заметим, что страх связан не только с репрессиями, что его не исключает и рыночная экономика, основанная на идеях либерализма. В ней над предпринимателями висит угроза банкротства, в наемных рабочих живет страх потерять работу, остаться без средств к существованию, лишиться жилья, не дать детям образование, есть страх за личную безопасность и т.д. Мы не говорим о страхе, на котором основан криминальный бизнес, включая рэкет. Страх оказывается тем более необходимым тогда, когда речь идет об обеспечении безопасности и независимости страны. Ведь не все население было охвачено энтузиазмом, были и скептики и оппозиционно настроенные люди, которых по тогдашней крестьянской терминологии называли «несознательными». Для них угроза быть обвиненными в «несознательности», а тем более во «враждебности», служила стимулом к достаточно ответственному труду.

Репрессии в тех конкретно-исторических условиях были объективно неизбежны и потому, что у СССР, как и у любой страны, находящейся во враждебном окружении, имелись вполне реальные как внешние, так и внутренние враги. Причем к внутренним врагам относились не только агенты иностранных держав, но противники социализма вообще и «мобилизационного социализма» в частности. Их деятельность даже в виде устной пропаганды своих идей противодействовала столь необходимой стране мобилиционности и тем самым ослабляла экономическую и военную мощь страны, сильно зависевшую от сплоченности общества, единства всей страны, наличия у людей «духа мобилиционности».

Нельзя забывать, что идейные противники «мобилизационного социализма» были и в органах безопасности. Не удивительно, что объектом репрессий становились и те, кто вносил повышенный вклад в укрепление обороноспособности страны. Это был способ подрыва мобилиционности и общей обороноспособности страны. Но тогда такого подрыва не произошло.

Вместо этого за короткое время отмечен беспрецедентный рост промышленного производства. До сих пор много пишут о «лукавых цифрах», характеризующих динамику экономики СССР 30-х гг., о том, что

¹ Ханин Г. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свобод. мысль-XXI. 2003. №7. С. 54.

эта динамика отражалась в текущих ценах и не учитывала влияние инфляции. Между тем никакая инфляция не может исказить число заводов и целых городов, которые были построены до войны с конца 20-х гг. Цифры паразитические. За годы довоенных пятилеток в стране появились 250 новых городов с крупными предприятиями. В 1928 – 1932 гг. было построено 1,5 тыс. крупных промышленных предприятий, в 1933 – 1937 гг. – 4,5 тыс., в 1938 – 1940 гг. – 3 тыс.¹ В их числе были те, которые обеспечили выпуск лучших в мире самолетов, танков, ствольных, а затем и ракетных орудий. Страна почти полностью освободилась от необходимости в импорте техники.

Общее представление о росте экономики дает табл. 5. Ее данные говорят о росте не только промышленного, но и сельскохозяйственного производства, несмотря на то, что именно из села черпались трудовые и иные ресурсы на развитие всей экономики. Валовая продукция сельского хозяйства в неизменных ценах увеличилась с 15 млрд р. в 1928 г. до 23 млрд р. в 1940 г.² В том числе производство зерна возросло с 73,6 млн т в 1928 – 1932 гг. до 77,9 млн т в 1938 – 1940 гг., мяса – с 4,3 млн т до 4,5 млн т, молока – с 26,3 млн т до 27,6 млн т, сахарной свеклы – с 9,8 млн т до 15,8 млн т, хлопка – с 1,0 млн т до 2,5 млн т.³

Таблица 5

Показатели экономического роста в СССР в 1928 – 1940 гг.

Показатели	1928	1937	1940
Валовой общественный продукт	1	3,4	4,5
Национальный доход	1	3,9	5,1
Основные производственные фонды	1	1,7	2,4
Продукция промышленности	1	4,5	6,5
Валовая продукция сельского хозяйства	1	1,1	1,3
Капитальные вложения	1	5,2	6,7
Розничный товарооборот	1	2,0	2,3

Источник: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 41.

История ни одной крупной страны не знала столь стремительных экономических преобразований. По существу был заново создан народнохозяйственный комплекс, охвативший прежде не освоенные территории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. К концу 30-х гг. Советский Союз вышел на второе место в мире по объему национального дохода, уступая в этом только США. Даже критики советской экономики, с восторгом пишущие об экономике дореволюционной России, вынуждены

¹ Вознесенский Н.А. Указ. соч. С.33.

² Там же. С.12.

³ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С.37.

признавать кратное превышение темпов экономического роста в довоенном Советском Союзе темпов России 1900 – 1913 гг.¹

Мы видели, что это, как тогда называли за рубежом, «русское чудо» было прямым результатом рассматриваемой нами мобилизационности, духовной энергии народа, беспрецедентного в мировой истории трудового и нравственного подвига, чем законно гордилось не одно поколение советских людей.

Мобилизационный характер экономики и общества в целом был закреплен политически принятием в 1936 г. Конституции СССР, в которой был утвержден переход к избранию депутатов по территориальным округам, а не в трудовых коллективах. Это законодательно закрепляло жесткий централизм государственного управления.

Начавшаяся в 1939 г. в Европе Вторая мировая война потребовала дальнейшего усиления мобилизационности советской экономики. 26 июля 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Согласно этому указу, прогул без уважительной причины карался исправительными работами сроком на шесть месяцев с удержанием до 25% заработной платы. За самовольный уход с предприятия грозило тюремное заключение от двух до четырех месяцев.

Законодательно был признан преступлением выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции или с нарушением стандартов, а виновные лица (директор, главный инженер, начальник ОТК) наказывались лишением свободы на срок от пяти до восьми лет. В этом же году была повышена обязательная мера труда. Запрещалось самовольное увольнение рабочих и служащих с предприятий и учреждений.

2 октября 1940 г. был принят Указ «О государственных трудовых резервах», предполагавший плановую подготовку кадров в ремесленных и железнодорожных училищах ФЗО.

В результате этих и многих других подобных мер СССР, по словам С.Г. Кара-Мурзы, «превратился в военный лагерь, создав особый, также тоталитарный, мобилизационный режим»².

Начало войны потребовало принятия и осуществления специального мобилизационного народнохозяйственного плана. Этот план предполагал:

- во-первых, мобилизацию производственных мощностей промышленных предприятий на производство военной техники;

¹ Тимошина Т.М. Экономическая история России: Учеб. пособие. М., 2000. С.267.

² Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 1. С.369.

- во-вторых, подготовку и использование кадров, способных разрабатывать и производить новейшую военную технику;
- в-третьих, мобилизацию сельского хозяйства на обеспечение потребностей армии и промышленности продовольствием и необходимым сырьем (например, хлопком);
- в-четвертых, мобилизацию транспорта для перемещения военной техники и людей на большие расстояния;
- в-пятых, мобилизацию строительных кадров и техники на сооружение объектов военного назначения;
- в-шестых, мобилизацию самого населения на жизнь в чрезвычайных обстоятельствах.

В соответствии с мобилизационным планом с июля по декабрь 1941 г. 2 593 предприятия (главным образом тяжелой и оборонной промышленности) были демонтированы, погружены в поезда и эвакуированы на Урал, Сибирь, Среднюю Азию. По словам Н.А. Вознесенского, «передвигались десятки тысяч станков, молотов, прессов, турбин. Двигались тысячи рабочих, инженеров и техников. Это был своеобразный период перемещения производительных сил СССР на восток»¹.

Небезынтересно отметить, что попытки эвакуации предприятий из западных губерний России на восток предпринимались во время Первой мировой войны, но они оказались безуспешными. Чтобы продолжить сравнение, добавим, что одним из примечательных результатов проводимых в стране мобилизационных мероприятий было отсутствие эпидемий, которые в годы Первой мировой войны унесли жизни миллионов людей.

Уже в декабре 1941 г. было прекращено падение производства, а с марта 1942 г. СССР превзошел Германию по производству танков в четыре раза, по боевым самолетам в два раза, по артиллерийским орудиям и стрелковому вооружению – в три раза². Благодаря высокой мобилизационности экономика СССР перестроилась на военный лад в 4 – 8 раз быстрее, чем экономика других воевавших государств.

Очевидно, что без мобилизационной экономики не было бы и Победы, по отношению к которой ныне даже «радикальные демократы» вынуждены демонстрировать определенный пиетет. Так, упоминавшийся нами критик «советского режима», живописуя ужасы жизни при этом режиме, в том числе указывая на то, что «одной из причин монолитности СССР в грозные военные годы была его тоталитарная сущность, ежедневное жесткое государственное и партийное регулирование жизни отдельных людей и целых народов, террор против реальных и мнимых противников режима», все же счел нужным разразиться следующей сентен-

цией: «С каждым годом все меньше остается среди нас тех, кто вынес на себе все тяготы военного времени и кто заслуживает благодарности последующих поколений»¹. Напомним, что под «тоталитарной сущностью» СССР следует понимать, помимо прочего, социально-политическое единство общества, отсутствие в нем враждебных классов. А между тем это тоже один из источников Победы. В то время у людей не возникал вопрос, который то и дело задается молодыми людьми в настоящее время: «А зачем нам воевать за Россию Абрамовичей, Фридманов, Ходорковских и Чубайсов?»

Мобилизационность советской экономики пришлось поддерживать и после окончания войны. Были разрушены 1 710 городов и поселков, свыше 70 тыс. деревень, 31 850 предприятий. За время войны страна потеряла свыше 20 млн жизней наиболее трудоспособной и производительной части населения, почти 30% национального богатства, а в районах, подвергшихся оккупации, – около 2/3². Сохранение мобилизационности позволило быстро восстановить разрушенное войной народное хозяйство, несмотря на огромный масштаб разрушений. Уже в 1950 г. (всего через пять лет после войны) промышленное производство составило 172% от довоенного 1940 г., производство сельскохозяйственной продукции – 99%³.

Среди тогдашнего руководства СССР было ясное понимание необходимости ускоренного развития гражданских отраслей, увеличения производства во втором подразделении общественного производства. Сразу после войны Сталин заявил о необходимости кардинального повышения жизненного уровня народа. В декабре 1946 г. Совет Министров СССР принял Постановление «О мерах по улучшению подъема легкой государственной промышленности, производящей предметы потребления».

В 1947 г. была проведена денежная реформа, которая сделала рубль одной из крепких валют, что способствовало оживлению товарно-денежных отношений и позволило перейти к торговле по единым ценам и быстрее, чем в европейских странах, отказаться от карточной системы распределения потребительских товаров.

Особое внимание в послевоенный период было уделено развитию науки и высшего образования. В стране появилось много новых вузов, произошло заметное расширение действующих. Резко увеличился прием студентов в средние специальные учебные заведения и вузы. Была существенно повышена заработная плата ученым и преподавателям вузов.

¹ Тимошина Г.М. Указ. соч. С.290, 293.

² Градов А.П. Указ. соч. С.45.

³ Народное хозяйство СССР за 60 лет: Стат. ежегодник. М., 1977. С.41.

¹ Вознесенский Н.А. Указ. соч. С.9.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет. С.44.

Расширилась сеть научно-исследовательских институтов. Если использовать подход А.Г. Фомотова, согласно которому он выделяет мобилизационный и инновационный типы развития, то можно говорить о том, что тогдашнее руководство страны демонстрировало намерение перевести общество на инновационный тип развития.

Однако такой перевод требовал устранения военной угрозы со стороны иностранных государств. На это была ориентирована внешняя политика СССР. Сразу после войны советское правительство обратилось к своим бывшим союзникам с предложением о создании системы общеевропейской безопасности. В качестве шага к такой системе в 1952 г. была выдвинута идея объединения Германии в обмен на ее нейтральный статус. Однако на эти предложения западные союзники ответили отказом.

В январе 1954 г. на совещании министров иностранных дел США, СССР, Англии и Франции советская сторона огласила Проект формирования совместной ответственности за безопасность в Европе. Но и этот проект западной стороной был отвергнут. 31 марта 1954 г. Советское правительство официальной нотой предложило участие СССР в НАТО, что также было отвергнуто. В 1955 г. в противовес НАТО пришлось создать объединение вооруженных сил СССР и стран Восточной Европы в рамках оборонительного Варшавского договора.

Подобные отказы были явным проявлением все той же враждебной политики стран бывшей Антанты, ставших союзниками СССР лишь на период возникшей перед ними угрозы со стороны гитлеровской Германии. Уже с 1943 г. в руководстве США начал обсуждаться вопрос о ведении войны против СССР в целях его разгрома и расчленения. 3 ноября 1945 г. американское Объединенное разведывательное управление подготовило документ «20 атомных целей в Советском Союзе», где были обозначены 20 городов в качестве объектов для ударов со стороны США. Но тогда расчеты американских военных показали, что стратегическая авиация США не в состоянии нанести такой удар по СССР, который лишил бы его возможности к сопротивлению. Вот почему в августе 1948 г. Советом национальной безопасности США была принята директива «Цели США в войне против России», где подтверждались планы разгрома и расчленения СССР, но не указывались конкретные сроки этого. В меморандуме Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 г. под названием «Цель США в отношении России» говорилось: «Наши цели в отношении Советского Союза, если они не могут быть осуществлены средствами, граничащими с войной, должны быть достигнуты с помо-

щью настоящей войны, ибо наша задача – свергнуть Советскую власть и разрушить СССР»¹.

Исследователи выделяют две основные причины борьбы Запада против СССР: экономическую и военно-политическую.

С точки зрения экономической, подчинение СССР западному влиянию сулило мировой промышленно-финансовой элите богатейший источник сырьевых ресурсов и неисчерпаемый резервуар дешевой рабочей силы. В плане перспективного экономического развития речь шла о перемещении промышленных мощностей в страны Восточной Европы. Это было необходимо для вывоза сюда невыгодных, в том числе экологически, производств. Тем более что эти регионы, включая Россию, считались более стабильными по сравнению со странами Азии, Африки и Латинской Америки. С военно-политической точки зрения ставилась задача устранения СССР с мировой арены и его расчленения на отдельные части, сделав их зависимыми с военно-политическом плане от западных стран².

В этих условиях СССР ничего не оставалось, как сохранять мобилизационность экономики, направленную на обеспечение безопасности страны. Благодаря невероятным усилиям удалось создать и уже в 1949 г. испытать атомное оружие. В 50-х гг. была создана водородная бомба, затем межконтинентальные баллистические ракеты. У страны появился надежный ракетно-ядерный щит. «Созданием ракетно-ядерного щита был установлен паритет между СССР и США, сделавший развертывание ядерной войны бессмысленным. В этом состоит немеркнущая заслуга ученых и специалистов, а также всего советского народа перед мировой цивилизацией»³. Добавим к сказанному и заслугу мобилизационной экономики СССР.

Мобилизационный характер советской экономики во многом обусловил появление у правящих кругов Запада понимания невозможности победы над СССР в открытой войне, что позволило на длительное время обеспечить мир в Европе. Но война против СССР не прекратилась – она поменяла форму, став не «горячей», а «холодной». Уже сам этот факт указывает на высокую эффективность мобилизационной экономики.

¹ Цит. по: Кудинов В.П. Указ. соч. С. 14.

² См.: Фроянов И.Я. Погружение в бездну. СПб., 2000. С. 70.

³ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Указ. соч. С. 181.

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИКИ СССР И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

3.1. Социально-экономический эффект мобилизационной экономики СССР

В существующей учебной литературе в качестве аксиомы утверждается, что рыночная экономика эффективна, а командная нет. Не могут-де госплановские чиновники заменить «коллективную мудрость» рынка, и никакие плановики не в состоянии распорядиться экономическими ресурсами так, как это делает рынок, автоматически отражающий запросы миллионов потребителей и возможности миллионов производителей. Ведь, как остроумно пишут американские авторы учебника по микроэкономике, плановики для того, чтобы быть уверенными в том, что их планы будут работать в соответствии с методом «затраты – выпуск», должны составлять миллиарды уравнений, включая «уравнения для болтов и гаек соответствующих размеров»¹.

Тезис об имманентной неэффективности мобилизационного типа развития является центральным в трактовке мобилизационности А.Г. Фомотовым. Исходя из этой трактовки, он отмечает: «Систематическое игнорирование требований объективных экономических законов должно приводить в конце концов к расстройству экономических регуляторов, определяющих поведение производителей и потребителей. Чтобы этого не произошло, экономическая система мобилизационного типа должна дополняться мощной компенсационной системой, представляющей из себя совокупность таких средств и ресурсов, которые, включаясь в хозяйственную жизнь в необходимые моменты, препятствуют блокировке каналов экономического оборота ресурсов»². В указанную компенсационную систему автор включил использование принудительного труда, вовлечение в экономику дополнительных природных ресурсов и территориальную экспансию.

Отмеченные А.Г. Фомотовым положения широко тиражируются в современной учебной и научной литературе. Так, много пишется о принудительном труде в системе ГУЛАГа. Но даже особо ярые критики советского общества сумели в своих расчетах числа заключенных в лагерях и тюрьмах довести цифру всего до 2 млн человек, и это на начало 1941 г. – канун Великой Отечественной войны³. Вспомним далее, что система

ГУЛАГа была ликвидирована вскоре после смерти Сталина. С учетом этого авторам современных учебников приходится писать о том, что принудительным и даже «крепостническим» был труд практически всех людей в СССР и это-де компенсировало неэффективность экономики. Но нередко в тех же учебниках в других местах и по другому поводу говорится о том, что принудительный труд был неэффективен, что рабочие «делали вид, что работают, так как начальники делали вид, что платят им зарплату». В этой связи указывается на большую скрытую безработицу в СССР в виде «отсидки» на рабочих местах и тому подобные вещи, которые также противоречат тезису о том, что принудительный труд может компенсировать неэффективность командной экономики.

Столь же несостоятельной является ссылка на вовлечение дополнительных природных ресурсов как средство компенсации неэффективности экономики СССР. Как известно, природные ресурсы с неба не падают, их надо найти, добыть, переработать и т.д. Известно и то, что в СССР существовала довольно дорогостоящая служба геологоразведки, которая следила за тем, чтобы новые месторождения перекрывали старые, близкие к исчерпанию. Освоение крупных месторождений было связано с созданием целых городов со сложной социальной и иной инфраструктурой. В силу неблагоприятных природных условий, территориальной удаленности месторождений природная рента, которая действительно могла бы компенсировать общую неэффективность экономики, оказывалась не на столько значительной. История свидетельствует, что только в 70-е гг. в связи с резким повышением мировых цен на нефть СССР начал получать доход от ее импорта, значительный удельный вес в котором составляла природная рента.

И уж совсем несостоятельными представляются ссылки на территориальную экспансию. Территория России расширялась почти до конца XIX века. Но это расширение не сопровождалось сколько-нибудь значимой для развития экономики данью с населения вновь присоединенных земель. Если брать историю СССР, то здесь вообще отсутствует территориальная экспансия. Практически все военно-политические акции, которые осуществляло советское правительство за рубежом, требовали значительных дополнительных расходов и никак не пополняли казну государства. Если брать союзные республики СССР, то хорошо известно, что по отношению к ним (за исключением Белоруссии и Азербайджана) Россия выступала как донор. По некоторым оценкам, это донорство ежегодно обходилось РСФСР около 100 млрд долл. И это одна из причин, почему «отцы российской демократии» с легкостью необыкновенной пошли на «независимость» от них России. Ведь помимо прочего был расчет на то, что доллары будут оставаться и обеспечат процветание «новой России».

¹ Baumol W.J., Blinder A.S. Microeconomics: principles and policy. N.Y., 2003. P.183.

² Фомотов А.Г. Указ. соч. С.125.

³ См.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т.1. С.142.

Переходя к вопросу о том, насколько эффективна была мобилизационная экономика, напомним, что сама по себе эффективность характеризуется результативностью затрат. Если под результатом понимать степень достижения поставленной цели и вспомнить, что цель мобилизационной экономики СССР заключалась в обеспечении национальной независимости и безопасности, то можно с полным основанием говорить о довольно высокой эффективности этой экономики. Победа в Великой Отечественной войне, создание ВПК, обеспечившего способность СССР противостоять мощи НАТО во главе с США, достижение к началу 70-х гг. военного паритета с США и странами НАТО, что подтвердили Хельсинские соглашения, – все это конечный результат мобилизационной экономики СССР. Он был достигнут при том, что США и блок НАТО намного превосходили СССР и страны Варшавского Договора по экономическому потенциалу и общему объему военных расходов. Так что преимущество экономики Советского Союза здесь бесспорно.

Даже критики советского строя вынуждены признавать достоинства мобилизационной экономики и ее историческую роль. Так, В.В. Виноградов вслед за Г.Х. Поповым, характеризуя советскую экономику как административно-командную систему (АКС), констатирует: «Историческая роль АКС в нашей стране определяется тем обстоятельством, что в период ее расцвета – в 50 – 60-е годы – были решены грандиозные задачи модернизации общества:

- формирование индустриальной экономики и соответствующей ей социальной структуры;
- урбанизация, т.е. достижение преобладания городского населения в общей численности и переход преобладающей части жителей России к городскому образу жизни;
- обеспечение всеобщей грамотности, а к концу советского периода и высокого по мировым стандартам образовательного уровня населения»¹.

Не будет лишним еще раз напомнить, это все эти исторически значимые задачи были достигнуты путем использования внутренних ресурсов, без внешней колониальной и неоколониальной подпитки, перераспределительной роли международного рынка, без гастарбайтеров с их дешевой рабочей силой и социальным бесправием – всего того, что по аналогии с положением А.Г. Фонтотова можно назвать компенсационной системой экономик развитых стран Запада.

¹ Виноградов В.В. Указ. соч. С.94 – 95.

Однако экономика СССР имела и другие, не менее важные общеэкономические результаты, позволяющие говорить об ее общей эффективности как хозяйственной системы.

К началу перестройки СССР представлял собой единое, независимое и богатое государство, никак не сравнимое с тем, что он унаследовал от царской России, о которой по мере «углубления» перестройки и ее «радикализации» стали говорить как о потерянном рае.

В середине 80-х гг. удельный вес СССР в мировом промышленном производстве составлял 14,5% при доле населения всего в 5,5%. Уровень промышленного производства в СССР был в 3 раза выше среднемирового. Внутренний национальный продукт страны к началу 70-х гг. достиг 65% ВВП США, национальный доход на душу населения – свыше 40% от соответствующего уровня США, промышленная продукция – свыше 80%, сельскохозяйственная продукция – 85%, производительность труда – свыше 55%, в том числе в сельском хозяйстве – почти 20%¹.

Если учесть, что США в послевоенный период выступали как лидер среди стран Запада по общему уровню производительности труда, то по этому показателю СССР не отличался в худшую сторону по сравнению со следующими за США западными странами. Об этом говорят приводимые в табл. 6 данные.

Таблица 6

Уровни производительности труда в промышленности СССР и ведущих западных стран по отношению к уровню США (%)

Страна	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
США	100	100	100	100	100
Франция	47,7	57,0	75,7	92,3	88,7
Великобритания	38,5	38,7	37,6	42,1	53,7
ФРГ	30,9	41,4	52,6	65,9	71,4
СССР	ок. 30	44,0	53,0	55	55
Япония	13,1	22,0	46,6	61,2	65,2

Источник: Долгов В.Г. и др. Выбор нового курса. М.: Мысль, 1991. С.77.

Из таблицы видно, что до середины 80-х гг. по производительности в промышленности СССР находился не на последнем месте среди пятерки наиболее развитых стран Запада. Отставание СССР по этому важному показателю началось в 70-е гг., и о причинах этого у нас впереди будет отдельный разговор.

Конечно, для оценки социально-экономической эффективности важны и другие качественные показатели, прежде всего структура производимого общественного продукта. И здесь можно видеть, что конечный

¹ См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. С.13.

**Производство продуктов питания на душу населения
в ведущих странах мира в 1989 г. (кг)**

Продукты	СССР	США	Англия	ФРГ	Япония
Зерно	683	842	380	462	114
в т.ч. пшеница	303	223			
Картофель	219	65	105	125	33
Мясо (уб. вес)	69	122	68	97	31
Молоко	374	268	263	400	60
Сахар (песок)	29	24	22	50	7
Масло (жив.)	6,3	2,0	2,6	6,0	0,6
Улов рыбы	40	24	24	3,4	97
Яйца (шт.)	292	270	214		

Источник: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. М.: Алгоритм, 2002. С. 349; Мухин Ю.И. Путешествие из демократии в демократию и дорога обратно. М.: Шарт, 1993. С.164.

В качестве одного из доказательств неэффективности советского сельского хозяйства используется тот факт, что СССР закупал зерно за рубежом; 1963 год, в котором СССР начал закупать зерно за границей, в современных учебниках по истории даже поставлен в хронологию «провальных» для советской страны исторических дат. Действительно, этот год был на редкость неурожайным, и стране пришлось обратиться к импорту зерна. Но «нет худа без добра». Практика показала, что закупка зерна в США, Канаде или Аргентине и его доставка через Тихий океан на зерновозах в районы советского Дальнего Востока экономически были более выгодны, чем перевозка сюда зерна по железной дороге из Краснодарского края и даже Казахстана.

К тому же закупать зерно было необходимо для достаточного производства говядины и мяса птицы, что само по себе свидетельствовало о достижении в стране зрелого уровня потребления. С.Г. Кара-Мурза пишет в этой связи: «Тот факт, что к концу 80-х гг. СССР, производя 750 кг зерна на душу населения, стал его в существенном количестве ввозить, как раз говорит о том, что он достиг весьма высокого уровня развития и перешел к рациону питания, свойственного самым развитым странам. Зерно стали расходовать для развития животноводства»¹. Возьмем для сравнения урожайный 2002 г., в котором был собран объем зерновых, существенно уступающий урожаям советских времен, но тем не менее вызвавший излишек зерна в стране из-за упадка животноводства и птицеводства – основных потребителей зерна в советское время. Пришлось даже некоторую часть зерна вывезти за рубеж, что «реформаторы» не за-

общественный продукт формировался не только из продуктов военного назначения. Советский Союз лидировал по производству обуви, тканей, строительству жилья, давал 11% мирового объема зерна, 15% хлопка, 27% картофеля, 36% сахарной свеклы. В 1991 г. СССР производил ячменя 29% мирового производства (или 5 урожаев США), овса – 45,1% (4 урожая США), пшеницы – 16,2% мирового производства (2 урожая США), ржи – 55% (или 12 урожаев ФРГ), проса – 2,5% (или 2 урожая Австралии)¹.

Данные по сельскому хозяйству требуют особого внимания, поскольку именно в нем достаточно полно проявилась мобилизованность. Они свидетельствуют о том, что создание в свое время колхозов и совхозов как звеньев мобилизационной экономики дало довольно высокий общеэкономический эффект. К середине 80-х гг. сельское хозяйство СССР по продуктивности занимало седьмое место в мире.

Если эффективность сельскохозяйственного производства оценивать путем отношения результата к затратам капитала как общественного фактора производства, исключая тем самым влияние природного фактора, то у советского сельского хозяйства обнаружатся заметные преимущества в сравнении с другими странами, имеющими более благоприятные природные условия. Так, упомянутый ранее объем сельскохозяйственной продукции СССР произвел, имея на 1 тыс. га пашни 9,6 тракторов и 5,7 зерноуборочных комбайнов, тогда как в США на эту же площадь приходилось 36 тракторов и 19 комбайнов, в Англии – 82 трактора и 14 комбайнов, в Японии – 488 тракторов и 463 комбайна².

Даже по данным ФАО в СССР продукты питания производились в 2 – 5 раз дешевле мировых цен. Производство основных сельскохозяйственных продуктов в СССР в расчете на душу населения было вполне сравнимо с производством в развитых странах Запада.

Приведенные в табл. 7 данные за 1989 г. можно сравнить с данными за 1928 и 1932 гг., тогда будет виден значительный рост по всем показателям. И это при том, что население по сравнению с тем периодом возросло в 2 раза и 1989 г. был не самым урожайным. В следующем, 1990 г. в СССР было произведено 857 кг зерна на душу населения, а, например, в странах ЕЭС – всего 518 кг.

¹ См.: Президентский контроль. 1999. №1.

² Там же.

¹ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С.68.

медлили преподнести как большое достижение реформ в сельском хозяйстве, якобы возродивших «славу» дореволюционной России как крупнейшего экспортера зерна.

Отметим далее то, что СССР входил в первую десятку по производительности труда, а по жизненному уровню населения – в первую двадцатку стран мира. В 70-е гг. по уровню потребления СССР находился в первой десятке из более чем 150 государств мира, в том числе на 7-м месте по уровню питания.

Нельзя не вспомнить и то, что в сфере науки, образования, культуры, искусства, спорта страна занимала самые передовые позиции. Так, СССР был на втором месте в мире после США по научно-техническому потенциалу, который, как и в США, был ориентирован на все возможные виды исследований по всем направлениям знаний. Затраты на НИОКР составили в 1990 г. 3,5% ВВП СССР (27 млрд долл.). В 80-е гг. в СССР было 5 тыс. НИИ, 40 тыс. проектно-конструкторских организаций, 2,8 тыс. опытных промышленных и около 800 экспериментальных баз научных учреждений, десятки тысяч заводских лабораторий. В конце 80-х гг. в сфере научной деятельности в СССР было занято свыше 4 млн человек, в том числе 1,2 млн научных работников, включая 340 тыс. докторов и кандидатов наук¹.

По социальной защите населения страна не имела себе равных, всем предоставлялись оплачиваемые отпуска, все могли пользоваться многочисленными детскими учреждениями, курортами, санаториями и домами отдыха, имели бесплатное образование и медицинское обслуживание. (В 1977 г. Всемирная организация здравоохранения признала организацию детского здравоохранения в СССР лучшей в мире). В стране отсутствовала детская беспризорность и неграмотность. СССР в 1956 г. ранее других стран принял закон о пенсионном обеспечении, согласно которому мужчины могут уходить на пенсию с 60, а женщины с 55 лет. Была установлена одна из коротких рабочих недель – 40 часов.

Большинство семей было обеспечено хотя и не всегда просторным, но достаточно теплым и комфортабельным жильем. В 1989 г. 63,7% семей проживали в отдельных квартирах с горячей и холодной водой, центральным отоплением, 24% – в отдельных домах и только 6,1% – в коммунальных квартирах и 3,6% – в общежитиях. В Конституции СССР, принятой в 1977 г., было официально утверждено право каждого на улучшение жилищных условий. В бюджете советских семей расходы по оплате жилья не превышали 1%, а с учетом коммунальных услуг – 3% общих потребительских расходов².

¹ См.: Виноградов В.В. Указ соч. С. 41.

² См.: Социальное развитие СССР. М., 1991.

Немалым достижением являлась возможность практически для всех жителей ездить по огромной стране на всех видах транспорта, включая воздушный, путешествовать, совершать экскурсии. СССР считался первой туристской страной мира.

При этом страна была надежно защищена. СССР сумел создать несколько поясов геополитической безопасности. В.П. Кудинов выделяет четыре таких «пояса»: «Первый и главный – внутреннее единство республик в Союзе и общая крепость державы. Второй – надежность союзников по мировоззрению и оружию, составляющих социалистический лагерь. Третий – достаточно развитое международное коммунистическое движение. Четвертый – часть развивающихся стран, отвергавших диктат США и Запада»¹. Вспомним в этой связи, что дореволюционный историк С.М. Соловьев называл национальную независимость «главным благом».

Таким образом, экономика СССР при ограниченных ресурсах обеспечивала как специфические целевые результаты в виде национальной безопасности и независимости, так и общеэкономические – в первую очередь удовлетворение основных потребностей всех членов общества, демонстрируя тем самым достаточно высокую эффективность.

Возникает вопрос о причинах этой эффективности. Их также можно делить на специфические, присущие лишь мобилизационной экономике, и общие, которые могут быть в любой экономике.

Поскольку мы подходим к эффективности как к характеристике, отражающей отношение результата к затратам, то после рассмотрения основных результатов функционирования советской экономики для выявления причин ее эффективности нам остается обратить внимание на те факторы, которые так или иначе определяют затраты. Очевидно, что речь должна идти о полных издержках производства общества, включающих обычные издержки производства и обращения предприятий, а также издержки, которые несет общество в целом для обеспечения своего бесперебойного и безопасного функционирования.

Прежде всего следует обратить внимание на относительно низкие издержки производства, вытекавшие из того факта, что экономика СССР, размещаясь на огромной территории, составлявшей 1/6 часть суши, представляла собой единый народнохозяйственный комплекс с единой социальной, транспортной и энергетической инфраструктурой, развивавшийся по единому народнохозяйственному плану. В результате срабатывал эффект кооперации, эффект масштаба.

Отмеченные эффекты можно проиллюстрировать с помощью одного, но очень характерного примера. Сравним системы энергоснабжения

¹ Кудинов В.П. Указ. соч. С. 14 – 15.

(включая теплоснабжение) в СССР и в США. Это сравнение показывает, что если бы в СССР, как и в США, в домах было автономное отопление за счет использования электроэнергии, то каждому жителю Москвы электричество обошлось бы в 500 долл. в год. Однако даже сейчас при многократно возросших тарифах за энергию (поскольку энергетики, как и положено в рыночной экономике, думают о прибыли, а не о потребителях) благодаря сохранившейся с советских времен энергосистеме все виды энергии обходятся москвичам всего в 45 долл.

Эффект масштаба особенно наглядно проявил себя в сельском хозяйстве. Приводимые по западным странам данные показывают, что там, где крупнее хозяйства, государственные дотации меньше, чем там, где они мелкие. В результате государство в СССР, экономя на дотациях сельскому хозяйству, высвобождало значительные средства на развитие других отраслей и социальной сферы, тогда как в США, например, в 1984–1986 гг. на одного занятого в сельском хозяйстве приходилось дотаций 28,2 тыс. долл., в ЕЭС – 14,3 тыс., в Японии – 12,0 тыс. долл. (для сравнения: в Советском Союзе эти дотации составляли всего 132 р.). В расчете на 1 га безвозмездно из бюджета в США шло свыше 200 долл., в странах ЕЭС – свыше 1 тыс. долл., а в Японии – 11 300 долл., тогда как в СССР направлялось всего 42 р.¹

Сравнительно низкие издержки производства обеспечивались также относительно невысокой стоимостью рабочей силы. Рабочая сила в СССР не была товаром, но поскольку существовали товарно-денежные отношения и действовал закон стоимости, то в соответствии с требованиями данного закона можно говорить о стоимости рабочей силы. Она определялась стоимостью продуктов питания, одежды, обуви, мебели, домашней утвари и тому подобных вещей, приобретаемых на заработную плату в количествах, необходимых для воспроизводства физической способности к труду. Практически отсутствовало избыточное, представительское, снобистское и просто паразитическое потребление. Услуги здравоохранения, образования, значительную часть услуг отдыха, воспитания детей, культуры, транспорта, а также жилье и связанные с ним услуги государство брало на себя, и они, прежде всего в силу эффекта масштаба, обходились значительно дешевле по сравнению с платными услугами частных компаний.

Удовлетворяя физические потребности в рамках социально-приемлемого минимума, люди имели возможность достаточно полно удовлетворять творческие и культурные потребности, используя услуги библиотек, кино и театров, музеев, клубов и домов культуры, занимаясь в

драматических, танцевальных, музыкальных и иных кружках художественной самодеятельности, изостудиях, совершая экскурсии и путешествия.

В итоге, при относительно скромной величине необходимого продукта обеспечивалось расширенное воспроизводство рабочей силы и производился прибавочный продукт, достаточный для обеспечения обороноспособности страны и расширения производственных фондов.

Долгое время успех экономического развития СССР обеспечивался в значительной степени наличием у советского руководства энергии и политической воли, которые передавались населению в виде «энергии мобилизованности». В СССР в довоенные и послевоенные десятилетия она выливалась в энтузиазм, социалистическое соревнование, повышавшие потенциал мобилизованности и дававшие значительный экономический эффект. В основе этой энергии лежала идея работы «на благо Родины». В мобилизационной экономике как идеократической не идеи подчинялись экономическим задачам, а экономические задачи подчинялись идеям. Подобный подход наиболее полно соответствовал национальным, культурным, нравственным особенностям и традициям народов СССР. Следует отметить, что внедрение в умы людей идеи, ради которой, а не только ради денег, можно трудиться, является одним из секретов «экономического чуда» и в других странах, в той же Японии или Германии.

Нельзя при этом не отметить относительную дешевизну системы идеологического обеспечения политики государства по сравнению с подобной системой в странах с рыночной экономикой. Она была встроена в систему воспитания и образования и не предполагала отдельных затрат, в отличие от современной системы, содержание которой оказывается делом необычайно дорогостоящим. Не было также необходимости в дорогостоящей рекламе, в том числе политической, в трудоемких социологических службах, так как система управления обществом не требовала манипулирования сознанием людей.

Средний уровень издержек производства оказывался относительно невысоким и благодаря высокой степени загруженности производственных мощностей советских предприятий, поддержанию полной занятости населения и отсутствию безработицы. Хотя современные учебники отмечают наличие в СССР скрытой безработицы, характеризующейся тем, что не все занятые работали в полную силу или полный рабочий день, что некоторые «отбывали» время на работе. И все же нельзя не отметить то, что в социальном плане положение такого частично занятого гораздо лучше безработного, особенно того, который отчаялся найти работу. Меньшими оказываются не только экономические, но и социальные издержки общества. Между тем даже в благополучной Европе число безра-

¹ См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 2. С.334 – 335.

ботных на протяжении многих лет удерживается на уровне 20 млн человек и, как бы ни расписывали «благополучие» безработных на Западе, на самом деле их положению завидовать не приходится.

Говоря об экономическом эффекте полной занятости, следует подчеркнуть то, что значительная часть населения занималась производительным трудом. Экономическое значение такой занятости выявляется особенно отчетливо на фоне современной российской экономики, в которой велика доля лиц, занятых непроизводительным трудом: охранники, число которых уже сравнивают с численностью армии, пиарщики, рекламная служба, разного рода посредники и т.п. В силу плановости экономики не требовалось значительного числа людей, занятых добыванием необходимой для производства информации. В рыночной экономике каждый товаропроизводитель сам ищет и находит необходимую информацию. Для этого предприятиям приходится содержать довольно трудоемкие службы маркетинга, число занятых в которых в современной России уже превосходит число занятых в плановых органах СССР. С другой стороны, фирмам необходимо скрывать собственные коммерческие тайны и для этого иметь соответствующие весьма дорогостоящие службы.

В советской экономике не было нужды в том, чтобы содержать многочисленные социальные службы, имеющие дело с безработицей, нищими, бездомными, беспризорными, наркоманами и т.п. В постсоветской России высокий уровень преступности рождает систему правопорядка и наказания за преступления, намного превосходящую подобные службы даже времен сталинских «гулагов». Нельзя сбрасывать со счетов и вновь возникшую прослойку рантье, живущую за счет того, что прежде называлось «нетрудовыми доходами».

Высокая доля занятых в сфере услуг, в том числе занятых непроизводительным трудом, является одной из причин хронической инфляции в странах с рыночной экономикой. Из-за того, что эта сфера по сравнению с другими слабо поддается автоматизации и механизации, в ней относительно низкие темпы роста производительности труда. В то же время именно в этой сфере сравнительно быстро растет заработная плата, явно опережая рост объема оказываемых здесь услуг, что со всей очевидностью содействует инфляционным процессам.

К сказанному следует добавить и то, что в рыночной экономике в отличие от советской большая часть людей занята не производством, а продажей товаров и на это уходит целая смена, а у некоторых и две, поскольку, чтобы жить, им надо хоть что-то продать. Это также говорит о занятости непроизводительным трудом значительной части населения. Определенное представление об этом дает число магазинов на каждые 10 тыс. жителей страны. Так, в СССР их было всего 20, тогда как в США – 61, а в

Италии – 175¹. На этом фоне даже такое явление, характерное для мобилизационной экономики, как очереди, и их почти полное отсутствие в рыночной экономике свидетельствует в пользу первой. Все-таки в СССР основная масса людей были заняты в производстве, а не проводили за прилавками целые дни, включая субботы и воскресенья, в надежде на то, что удастся хоть что-то продать.

Не удивительно в этой связи, что теоретики рыночной экономики объявили производительным практически все виды труда, в том числе и стояние продавцов и охранников в безлюдных магазинах.

Отметим далее, что в СССР сохранялись относительно низкие дополнительные и чистые издержки обращения, а также так называемые накладные расходы в себестоимости общественного продукта, включая расходы, связанные с нуждами национальной обороны и системой государственного управления. Здесь также проявляются преимущества экономики СССР по сравнению с рыночными экономиками. Мы уже говорили о том, что бросающимся в глаза преимуществом рыночной экономики является изобилие товаров на прилавках магазинов. Но это преимущество не безусловно, когда значительная часть товаров не находит сбыта. Образуется нереализуемый товарный запас, на создание которого ушли ресурсы, в том числе выплачена зарплата их производителям. Затраты на нереализуемые товары переносятся на цены тех товаров, которые имеют устойчивый спрос. Практика такого рода является одним из источников хронической инфляции в рыночной экономике. Добавим в себестоимость товаров огромные расходы на маркетинговые исследования, рекламу, упаковку, которая по стоимости нередко превосходит сам товар, и найдем причины высоких издержек обращения в рыночной экономике и низких – в советской экономике.

Аналогичная ситуация и с накладными издержками, за счет которых покрываются расходы на содержание системы управления страны. Сравнительная дешевизна этой системы в СССР нашла отражение в относительно небольшой численности государственных чиновников разного рода и ранга. В СССР в 1980 г. насчитывалось всего 1 147 тыс. чиновников. В современной России их число достигло 2 777 тыс. человек². Это при численности населения в России в два раза меньшей, чем в СССР. Если в СССР на управление шло около 1,5% госбюджета, то в современной России – свыше 13%.

Считается, что в командной экономике чиновников плодит государственная собственность, которой они должны распоряжаться. На самом деле более питательной почвой для роста числа государственных чиновни-

¹ См.: Градов А.П. Указ. соч. С.50.

² См.: Советская Россия. 2002. 17 янв.

ков является частная собственность. Она служит основой разнообразных поступлений в государственный бюджет, откуда государственные мужи разного ранга черпают средства без особого стеснения. На примере современной России видно, что они готовы все сделать объектом частной собственности, следовательно, и объектом налогообложения и простого измождения. Не удивительно, что так называемые транзакционные издержки, обусловленные необходимостью определения прав собственности, их сохранения, передачи из одних рук в другие и т.п., в странах с рыночной экономикой нередко превышают 50% общих издержек¹. Аналогичные издержки в советской экономике были неизмеримо меньшими в силу господства общественной собственности и планомерности, создававших основу долгосрочных и стабильных контрактных отношений. Находит объяснение в этой связи появление и распространение в странах с рыночной экономикой идеи либерализма, отвергающих экономическую роль государства, которое они отождествляют с дорогостоящей и неповоротливой бюрократией, способной лишь к тому, чтобы «вставлять палки в колеса рынка».

Добавим, что если в советской экономике на производимый трудящимися прибавочный продукт претендовало государство и его представители в виде чиновников различных государственных уровней, то в капиталистической рыночной экономике претендуют как минимум два субъекта – хозяин-капиталист и государство и оба обладают внушительным аппетитом. О скромности аппетитов советских чиновников свидетельствует факт более равномерного распределения доходов среди разных слоев населения. Децильный коэффициент в СССР оценивался в 3².

К отмеченным факторам эффективности мобилизационной экономики добавим и то, что в Советском Союзе долгое время существовала достаточно эффективная система подготовки руководящих кадров. По существу, такая подготовка начиналась с детского возраста, когда выбирались руководители октябрятских «звездочек», пионерских звеньев и отрядов, а затем выявлялись комсомольские лидеры, которые направлялись на учебу, и из них формировались умелые руководители предприятий, главков и министерств.

В СССР была довольно эффективной и наука. Нетоварный характер научно-технической информации в СССР позволял ее тиражировать и обеспечивал большую экономию. В результате советская наука при меньших затратах по сравнению с западными странами по основным направлениям не уступала им в результатах. Ежегодно в стране регистри-

¹ См.: Сажина М.А. Научные основы экономической политики государства. М., 2001. С.165.

² См.: Богомолова Т.О., Тапилина В.С. Экономическое неравенство населения в России в 90-е годы: бедных все больше, богатых все меньше // ЭКО. 2001. № 2. С.8.

ровалось 80 – 85 тыс. изобретений, треть научных работ в мире публиковалось на русском языке. Благодаря науке СССР наряду с США обладал уникальным товаром – технологическими принципами, которые на мировом рынке оцениваются особенно высоко.

При рассмотрении причин эффективности советской экономики нельзя не учитывать и такой фактор, как устойчивые, хотя и не всегда быстрые темпы экономического роста. Положительная динамика экономического роста сохранялась на протяжении всего советского периода, вплоть до конца 80-х гг., если не считать начального периода Великой Отечественной войны. Представление об этих темпах дают данные табл. 8, которые относятся к периоду, когда темпы роста стали угасать.

Таблица 8

**Среднегодовые темпы роста экономики СССР
в «доперестроечные» пятилетки (%)**

Показатели	1961 – 1965	1966 – 1970	1970 – 1975	1976 – 1980	1981 – 1985
Валовой общественный продукт	6,5	7,4	6,3	4,2	3,5
Произведенный национальный доход	6,5	7,8	5,7	4,3	3,6
Основные производственные фонды	9,6	8,1	8,7	7,4	6,4
Промышленная продукция	8,6	8,5	7,4	4,4	3,7
Группа «А»	9,6	8,6	7,8	4,7	3,6
Группа «Б»	6,3	8,4	6,5	3,8	3,9
Продукция сельского хозяйства	2,2	3,9	2,5	1,7	1,0
Реальные доходы на душу населения	3,6	5,9	4,4	3,4	2,1

Источник: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С.51.

Одна из причин отсутствия спадов производства в СССР – систематическое превышение совокупного спроса над совокупным предложением. Устойчивый спрос создавал эффект акселератора, благодаря которому устойчивый рост спроса на потребительские товары рождает еще более быстрый рост спроса на средства производства и тем самым требует наращивания производственных мощностей. Здесь экономика как бы сама себя подстегивает.

Данные табл. 8 говорят о том, что эти темпы затухали. Тем не менее даже в 1981 – 1985 гг., предшествовавшие перестройке, показатели экономического развития были лучше, чем в странах, взятых затем за образец для подражания. Так, ВВП СССР возрос за это время на 20%, тогда как США – на 14%, Франции и Италии – на 8%, ФРГ – на 6% и лишь Японии – на 21%.

Положительная экономическая динамика, отсутствие кризисных спадов способствовали относительно стабильной жизни населения, что немаловажно для людей как субъектов экономики. Они поддерживали у людей надежду на то, что те или иные трудности носят временный характер, что со временем они разрешатся и жизнь будет лучше. Подобной уверенности нет даже в наиболее развитых странах с рыночной экономикой, не говоря о современной России.

В целом сравнение командной экономики мобилизационного типа с рыночной показывает, что не мобилизационная, а рыночная экономика в ее либеральном варианте, будучи менее устойчивой с макроэкономической точки зрения, для своего бесперебойного функционирования требует больше дополнительных, по-настоящему компенсационных ресурсов. В том числе и тех, которые приписываются советской экономике. Вместо принудительного труда в гулагах здесь до сих пор широко используется труд иммигрантов с их низкой зарплатой и трудовым бесправием. Мы не говорим о длительном использовании труда рабов в южных штатах Америки или работных домах в Англии, давших разгон экономикам этих стран. Весьма истощительно использовались природные ресурсы. За 200 лет своего развития капитализм в странах Северной Америки и Западной Европы сумел исчерпать ресурсно-экологический потенциал двух континентов, который до этого использовался в течение тысячелетий. В настоящее время этим странам приходится эксплуатировать ресурсно-экологический потенциал развивающихся государств. Наконец, капиталистические страны с самого начала широко использовали территориальную экспансию, образуя колониальные, а затем и неоколониальные империи, в которых колонии используются для обогащения метрополий.

Что касается советской экономики, то анализ причин ее эффективности показывает, что почти все они если не прямо, то косвенно связаны с мобилизационностью. Это дает основание для вывода о том, что мобилизационная экономика как раз относится к типу тех систем, которые, в отличие от рыночных, могут развиваться без внешней ресурсной подпитки.

3.2. Особенности и противоречия экономики СССР

Рассмотренные нами факторы социально-экономической эффективности экономики СССР указывают на наличие у них общеэкономического основания. Это говорит о действии общих экономических законов, прежде всего тех, что определяют развитие производительных сил общества. Вместе с тем советская экономика, будучи на протяжении большей части своей истории мобилизационной, имела ряд специфических особенностей, отражающих своеобразие общественных отношений, которые

обуславливали не только ее достоинства, но и недостатки и специфические противоречия. Развитие последних в немалой мере способствовало действию внутренних факторов крушения советской экономики и страны в целом. Рассмотрим эти особенности в их логической последовательности.

Первая особенность советской экономики, наиболее бросающаяся в глаза многим ее исследователям, заключалась в особом месте в ней военно-промышленного комплекса (ВПК). Следует напомнить, что мобилизационная экономика – это не обязательно милитаризованная экономика. Мобилизационность может проявляться и в переводе экономики на мирные рельсы. Все зависит от цели, на достижение которой мобилизуются ресурсы. Исходя из понимания военной угрозы как основной для страны, именно военно-промышленный комплекс представлялся в виде средства, способного противодействовать этой угрозе. В итоге он составлял целый сектор экономики, в котором наиболее полно проявлялись элементы мобилизационной экономики, причем больше с положительной стороны. Главная причина этого как раз заключалась в том, что здесь предполагалась работа в режиме чрезвычайных обстоятельств, требовавшая концентрации различных ресурсов, как материальных, так и интеллектуальных. В послевоенный период чрезвычайность побуждалась давлением со стороны разбухавшего ВПК США и других стран НАТО. Благодаря мобилизационности военно-промышленный комплекс СССР и его союзников при меньшем экономическом потенциале мог на равных противостоять ВПК США и стран НАТО.

Вместе с тем доминирование ВПК как особенность мобилизационной экономики СССР рождало противоречия между военными и гражданскими отраслями. Поскольку главной задачей экономики было обеспечение обороноспособности страны, то ради решения этой задачи в соответствии с принципом «главного звена» приносились в жертву многие гражданские отрасли, испытывавшие недостаток ресурсов из-за того, что они направлялись в военные отрасли. В результате структура экономики СССР оказалась деформированной. Некоторым она напоминала тело динозавра – огромное ВПК и относительно небольшое все остальное, призванное удовлетворять личные потребности людей. Хотя, как известно, эти потребности удовлетворялись на уровне, обеспечивавшем расширенное воспроизводство населения и его рабочей силы.

Впечатление о неразвитости гражданского сектора усиливала и структура благ, удовлетворявших потребности людей. Значительный удельный вес в ней занимали блага коллективного, или совместного пользования: образование, здравоохранение, блага жилищно-коммунального хозяйства, рекреации, блага в виде внутренней и внешней

безопасности. Эти блага в основном носили нетоварный характер и обладали таким свойством, как несенсорность, в силу чего воспринимались населением не как экономические, а как свободные блага, как бы сами по себе существующие наподобие атмосферного воздуха, значение которого узнается лишь при его нехватке. Более скромно были представлены товарные блага индивидуального пользования, причем не только количественно, но и качественно. Так называемые «товары ширпотреба» в основном производились в расчете на среднего потребителя и были лишены тех изысков, которые присущи товарам, предназначенным для элитных покупателей. Значительная часть благ длительного пользования, капитальных благ в виде жилья, различных сооружений, будучи предназначенными для усредненного потребителя, редко отличались повышенным комфортом, удобством, эстетичностью.

Таким образом, существовало противоречие между растущими потребностями людей, их стремлением к разнообразию потребляемых товаров и ограниченной товарной номенклатурой. С особой остротой это противоречие воспринималось той частью общества, которая имела возможность выезжать в страны с рыночной экономикой и видеть там огромное разнообразие товаров в магазинах. Возникал «товарный фетишизм», отражавшийся в психологии и поведении людей – им было важно не только иметь возможность покупать необходимые товары, но и видеть наличие товаров на прилавках, включая те, которые им вообще не нужны либо не доступны из-за высоких цен.

Разнообразие товаров в странах с рыночной экономикой, как известно, обеспечивается не только за счет внутреннего производства, но и за счет импорта. Между тем возможность использования импорта в этой связи в СССР ограничивалась такой особенностью мобилизационной экономики, как ее самодостаточность и наличие определенной автономности, характерной для экономики страны как «осажденной крепости». И хотя в послевоенный период СССР имел разнообразные экономические связи с различными странами, так что говорить об «осажденности» уже не приходилось, тем не менее автономность его экономики сохранялась. Во многом это обуславливалось огромной территорией и многообразием находящихся на ней природных ресурсов, а также системой подготовки кадров, способных работать в различных отраслях. Благодаря этому действовал выявленный еще Ф. Листом принцип «автономии больших пространств», в соответствии с которым экономика СССР достаточно тесно взаимодействовала с экономиками слаборазвитых стран, но была относительно закрыта по отношению к более развитым экономикам. В результате этого возникла оторванность советской экономики от международной

экономической конкуренции и, как следствие, от лидирующих направлений в развитии мировой экономики.

С отмеченной особенностью была связана и полифункциональность большинства советских предприятий. Предприятия решали не только производственные, но и социальные и воспитательные задачи. Здесь возникало противоречие между экономической и социальной эффективностью. Это противоречие имело экономические минусы, так как не позволяло предприятиям в достаточной мере использовать связанные со специализацией сравнительные преимущества, в том числе во внешней торговле.

Следующая и едва ли не главная особенность мобилизационной экономики, уже отмеченная нами, заключается в том, что это экономика чрезвычайных обстоятельств. Она строится и функционирует в ответ на какие-то угрозы, чрезвычайные обстоятельства, как это было в конце 20-х гг. в СССР. Эти угрозы или чрезвычайные обстоятельства рождают соответствующий общественный интерес, его четкое осознание населением и проявление в том, что мы называли «мобилизационным духом». Этот дух предстает как своеобразный сверхресурс, повышающий потенциал мобилизованности и обеспечивающий выполнение поставленной цели даже при недостатке обычных ресурсов.

Отмеченная особенность мобилизационной экономики одновременно обуславливала и ее слабости. Главный стимул экономической деятельности заключался в чрезвычайности ситуации, при которой приходилось ее осуществлять. Отсутствие такой ситуации заметно ослабляет всю систему стимулирования и весь хозяйственный механизм общества. Так, устранение угрозы горячей войны, политика разрядки, проводимая советским и американским руководством в 70-е гг., заметно ослабили стимулы экономического развития СССР. Понятен в этой связи феномен затухания темпов экономического роста, на который мы уже обращали внимание. Здесь отчетливо проявлял себя принцип дискретности мобилизационной экономики.

В условиях ослабления чрезвычайности в национальном масштабе она нередко искусственно создавалась на уровне отдельных предприятий, регионов и отраслей.

На уровне предприятий попытки поддержания чрезвычайности проявлялись в форме такого явления, как «штурмовщина». Она характеризовала неритмичность работы предприятий в течение планового периода. В первой половине месяца предприятия могли работать не очень напряженно, во второй половине происходил рост напряжения, особенно напряженно работа шла в последние дни месяца, когда решался вопрос о выполнении месячного плана. В эти дни мобилизационный настрой был

таким, что нередко в течение нескольких дней выполнялось то, что планировалось на весь месяц. Эффект «штурмовщины» особенно отчетливо отражает тот факт, что мобилизационная экономика может быть весьма эффективной на «короткой дистанции».

С помощью искусственно создаваемой чрезвычайности («чрезвычайщины») некоторые районные и областные руководители добивались выполнения довольно амбициозных задач. Так, известны случаи двукратного перевыполнения областных планов по заготовке мяса путем организации массового забоя молочного и племенного скота как в общественных, так и в личных подсобных хозяйствах. После таких «достижений» приходилось с большими трудностями восстанавливать поголовье скота до прежнего уровня.

Атмосфера чрезвычайности создавалась при освоении целинных и залежных земель в 50-е гг., позднее при освоении газовых месторождений в Средней Азии, нефтяных месторождений в Западной Сибири, при строительстве Байкало-Амурской магистрали.

Другая, не менее важная особенность мобилизационной экономики – сильная зависимость от субъективного фактора – политики лиц, стоящих у власти, прежде всего от первого лица государства. Поэтому далеко не случайно получило распространение деление истории СССР на периоды по именам соответствующих руководителей государства. Выделяются сталинский, хрущевский, брежневский периоды, на содержание каждого из которых большое влияние оказала личность главы государства.

Указанная особенность требовала от руководства страны понимания мобилизационной сущности советской экономики и умения управлять ей в соответствии с ее особенностями. Иными словами, мобилизационная экономика нуждается в талантливом полководце. К сожалению, исторически возникший институт «вождизма», предполагавший концентрацию в руках руководителя партии всей полноты власти в стране, после смерти Сталина не обеспечивался личностями подобного масштаба. Слово «вождь» к преемникам Сталина применялось уже с оттенком иронии. В немалой степени это было результатом отсутствия в стране системы смены лидера в случае его несоответствия требованиям, предъявлявшимся к «вождю». Лидерство стало пожизненным, что привело уже в 70-х гг. к ярко выраженной геронтократии. В Китае, например, система смены лидера была введена в 1982 г. по инициативе Дэн Сяопина. Была учреждена Центральная консультационная комиссия при ЦК КПК, которая при необходимости выносила на пленумы и съезды КПК вопросы о замене главы партии или правительства. Ничего подобного не было в СССР, поэтому неудивительно, что его крах произошел тогда, когда во главе государства оказался весьма ограниченный и беспринципный человек, весь та-

лант которого заключался в умении приспособляться к меняющейся ситуации и чей кругозор, по существу, не выходил за рамки личных и довольно мелких интересов. Между тем нахождение такого рода людей во главе государства в принципе противопоказано для общества мобилизационного типа.

Отсутствие вождей, отвечавших требованиям мобилизационной экономики, в СССР компенсировалось ключевой ролью в обществе КПСС. Будучи формально политической партией, фактически КПСС таковой не была. Это была негосударственная полифункциональная структура, предназначенная для идейно-теоретического и организационно-кадрового обеспечения советской экономики и общества в целом. Именно партия выдвигала задачи и теоретически обосновывала их. Для их решения она обеспечивала соединение государственных интересов с интересами отдельных людей, а точнее, подчиняла личные интересы общественным, выступая тем самым как главная мобилизующая сила общества и важное звено хозяйственного механизма. От членов КПСС мобилизационная экономика объективно требовала соблюдения исполнительской дисциплины, подвижничества и даже определенного аскетизма и жертвенности. Все члены КПСС от директора предприятия, секретаря парткома до уборщицы выступали как «солдаты партии».

КПСС как стержень общественной организационной структуры провозглашала все общество, все его уровни, начиная от небольших производственных звеньев типа лабораторий или цехов и кончая крупными отраслями с соответствующими министерствами и ведомствами. Партия обеспечивала то, что называлось «монолитным единством общества», столь необходимое для решения задач мобилизационной экономики. Не случайно поэтому исключительная роль партии в период Великой Отечественной войны – и на фронте, и в тылу. Попытки современных историков замолчать эту роль есть не что иное, как грубое искажение истории войны.

Однако и партийная система, будучи составной частью мобилизационного механизма, исправно работала лишь в условиях чрезвычайных обстоятельств. Именно такие обстоятельства требовали, чтобы члены партии были авангардом – первыми «шли в бой», «отдавали жизнь, если понадобится» и т.п. В сталинский период чрезвычайность поддерживалась и регулярными чистками в партии, в ходе которых из нее изгонялись прежде всего «слабые духом». Это называлось поддержанием «чистоты рядов партии». Одновременно выделялась наиболее способная и испытанная часть членов партии, которая занимала руководящие должности в различных органах государственной власти и народном хозяйстве и фор-

мировала руководящую элиту общества, получившую название «номенклатура».

После смерти Сталина постепенно ушла в прошлое практика партийных чисток и партия все больше становилась пристанищем тех, кто «делал карьеру», и тех, кто тяготел к спокойной и относительно благополучной жизни. Поскольку традиционно КПСС считалась партией рабочего класса, то это предполагало численное преобладание в ней рабочих. Поэтому прием последних осуществлялся без особых ограничений, так как за их спиной можно было «пропустить» в партию тех, кто не относился к рабочему классу. Таким образом, в партию нередко вступали люди, далекие от интересов рабочего класса и всего народа, хотя мобилизационный характер экономики и общества не ослаблял требований к «авангарду». В результате постепенно стало нарастать противоречие между этими объективными и довольно жесткими требованиями и реальным, все более рыхлым состоянием членства в партии, в том числе и состоянием «номенклатуры». Ввиду исключительно важной роли КПСС в обществе это противоречие таило серьезную угрозу существованию сложившейся в СССР общественной системе.

Следующей, весьма приметной особенностью экономики мобилизационного типа является существование идеи, объединяющей всех членов общества. Как уже отмечалось, в мобилизационной экономике поведение человека определяет не корыстный расчет, а принцип, идея. В этой связи можно говорить об идеократизме мобилизационной экономики. Ее успех во многом зависел от того, насколько государственная идея охватывала умы и души людей, способствуя более полному действию принципа сознательности. Экономика СССР воочию показала значение неэкономических факторов в экономике, в частности то, что идея, если она овладевает массами, действительно становится не просто движущей, а производительной силой общества, поскольку обеспечивает весь спектр стимулов, интересов и потребностей.

Таковой в СССР изначально была идея враждебного окружения, которая сразу же срослась с идеей социализма как общества социальной справедливости, в котором хозяевами являются не олигархи, а трудящиеся, значит, общества передового и прогрессивного по сравнению с обществами тех стран, которые его окружали. Тем самым мобилизация всех членов общества была необходима не только для обеспечения национальной безопасности, но и для защиты социализма, испытывающего враждебное отношение со стороны агрессивных сил капитализма. Поскольку социализм – общество трудящихся, то мобилизация сил для его защиты была необходима в интересах народа, а не кучки контролирующей власть «воротил капитала». Основой подобного рода «наложения»

мобилизационности на социализм, безусловно, было действие общего принципа – приоритетности общественных интересов над частными. Этот принцип был удачно выражен словами некогда популярной песни: «раньше думай о Родине, а потом о себе».

Переплетение мобилизационности и социализма находило особенно яркое проявление в проведении массовых демонстраций 1 Мая и 7 Ноября. Официально это были демонстрации верности народа идеям социализма и Октября. На деле организация этих демонстраций, форма их проведения и то, что они совмещались с парадом войск и боевой техники, говорили о том, что все это – один из способов проверки мобилизационной готовности народа.

Мы уже отмечали, что сращивание идеи социализма с мобилизационным характером экономики в первый раз произошло в годы иностранной интервенции и гражданской войны, когда защита национальной независимости Советской России одновременно предполагала и защиту социализма.

Переход от политики «военного коммунизма» к нэпу означал отход от мобилизационности. Но тогда он трактовался как «временное отступление» социализма. Провозглашение в конце 20-х гг. строительства социализма в отдельно взятой стране в условиях враждебного окружения явилось фактором усиления мобилизационности. Возник дополнительный стимул для эффективного труда, который вытекал из чувства гордости советских людей за свою страну, указывающую путь другим странам. К тому же провозглашение строительства социализма позволило использовать общинность как проверенную историей форму организации людей в целях выживания. Вместе с тем социализм обеспечивал ясность жизненных целей и уверенность в будущем и тем самым являлся источником оптимизма – одного из важных факторов общественного развития.

В то же время в СССР были люди, названные на Западе диссидентами, не воспринимавшие идеи, вокруг которых объединялось все общество, и отрицавшие наличие угрозы со стороны стран Запада. В качестве аргументов они воспроизводили идеологические клише, которые исходили из информационно-пропагандистских центров стран НАТО. Их смысл сводился к тому, что это СССР несет угрозу Западу, а не наоборот. Появление таких людей в стране, напоминавшей «осажденную крепость», было явлением неизбежным. Более того, «мобилизационная усталость» от жизни в такой «крепости» не могла не рождать у некоторых людей мысли о ее сдаче и переходе на образ жизни «победителей».

Заметим, что подобного рода мысли появились и в дореволюционной России. Вспомним рассуждения Смердякова из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» о войне 1812 г.: «Хорошо, кабы нас тогда

покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую и присоединила бы к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». В конце 80-х гг. на исходе «перестройки» смердяковы назовут себя «демократами» и на всю страну будут высказывать сожаление о том, что гитлеровская Германия не покорила СССР («пили бы мы сейчас баварское пиво»). Несомненно, смердяковщина как общественное явление имеет непосредственную связь с традиционной для России мобилизационностью.

Идея строительства социализма как передового общества долгое время помогала противодействовать тому, что можно назвать «синдромом Смердякова», проявившегося, с одной стороны, в уничижительном отношении ко всему отечественному, в первую очередь к русскому народу, в выпячивании его отрицательных качеств, а с другой – в подобоострастном преклонении перед Западом, готовности оказаться под его опекой.

В целом, идея социализма оказалась весьма продуктивной с точки зрения поддержания мобилизационности. Именно она долгое время помогала СССР противостоять мощи США и стран НАТО. Благодаря ей и сейчас маленькая Куба продолжает противостоять североамериканскому Голиафу, опровергая пророчества российских либералов о быстром «крахе режима Кастро» после падения СССР. Отсутствие подобной идеи определило неэффективность мобилизационной политики С. Хусейна в Ираке. Неудивительно, что в настоящее время социализм стал синонимом патриотизма.

Рассмотренное нами переплетение мобилизационности и социализма имеет и более широкий смысл. В современных условиях капитализм грозит человечеству подрывом природно-экологического потенциала развития, так что социалистическое общество, призванное прийти ему на смену, будет вынуждено базироваться на мобилизационной экономике. Без нее вряд ли возможен выход на устойчивый путь развития.

Не совсем обычное сочетание мобилизационности и социализма затрудняло и до сих пор затрудняет идентификацию советского общества и экономики. То, что построение социализма в СССР было законодательно закреплено, дает основание разным исследователям говорить об удачном либо неудачном «эксперименте» с построением социализма в СССР. Так, известный философ и социолог А.А. Зиновьев, впрочем, как и западные идеологи, называет общество в СССР коммунистическим. Однако при этом он приводит экономические признаки этого общества, характеризующие скорее его мобилизационность, чем коммунистичность. Ставшая знаменитой его фраза «целились в коммунизм, попали в Россию» – не что иное, как невольное признание сращивания в СССР мобилизационности и социализма.

На самом деле в СССР произошло обусловленное сложным переплетением природно-географических, национально-демографических, внешне- и внутриполитических факторов смещение целей. Цель социализма – создание условий для всестороннего (физического, творческого и духовного) развития каждого человека как личности – отошла на второй план, а на первый план выступила задача обеспечения безопасности страны, хотя национальная безопасность – это одно из условий обеспечения цели социализма. Но поскольку такое смещение затянулось во времени, то мобилизационность, а не социализм стала определять содержание советской экономики. Произошло то, что в первой главе мы назвали «эффектом подмены».

Этот эффект наряду с «эффектом наложения» нашел отражение и в системе социально-экономических отношений, прежде всего отношений собственности. Собственность в СССР была общественной в той мере, в какой все члены общества относились к ней как к своей. Прежде всего это собственность, служившая основой общественных фондов потребления, обеспечивавших население благами общего и коллективного пользования: услугами дошкольного воспитания, образования, здравоохранения, культуры, отдыха. Что касается собственности на средства производства, то она по своей сути была государственная, которой назначенные государством руководители распоряжались подобно управляющим или менеджерам. Для людей, работавших на предприятиях, государственная собственность выступала как общественная опосредованно. Эта опосредованность проявлялась в основном через возможность для рабочих, используя в процессе производства средства производства, определять размеры своих доходов в форме заработной платы. Введение в 30-х гг. «сверхвысоких стахановских зарплаток» по существу снимало ограничения на пути роста зарплаты рабочих и создавало для них возможность через свой вклад в результаты общественного производства участвовать в присвоении этих результатов. Была и прямая связь между работниками предприятий и собственностью на них в форме рабочих собраний, на которых решались производственные проблемы, так или иначе затрагивавшие вопросы распоряжения собственностью на средства производства, но значительного развития эта практика не получила.

Опосредованность общественного характера собственности на средства производства дает основание говорить о том, что, несмотря на официальную трактовку системы экономических отношений как социалистических, на деле они представляли собой отношения, характерные для переходной экономики.

Отмеченное смещение целей само по себе таило опасность для устойчивости экономики и общества как системы. Идея коммунизма, кото-

рый должен наступить после социализма, содержала обещание «хорошей жизни». Но содержание «хорошей жизни» понималось людьми, долгое время находившимися в мобилизационном состоянии, как жизнь спокойная и размеренная, сытая и богатая, когда необходимые блага поступают каждому действительно «полным потоком». Положение о том, что коммунистическое общество – это общество материального изобилия, которого а priori не могла обеспечить мобилизационная экономика, оказалось губительным. Население не могло бесконечно ждать наступления коммунизма. С течением времени у людей неизбежно должны были возникнуть разочарование и апатия. Появившаяся в 70-х гг. идея построения «развитого социализма» могла лишь на некоторое время оттянуть эти опасные для общества явления. Поскольку большинство людей изобилие представляло не иначе, как обилие разнообразных товаров на прилавках магазинов, то неудивительно, что такой «коммунизм» многие увидели в странах с рыночной экономикой.

В политической жизни подмена социализма мобилизационностью отразилась в неразвитости демократических институтов, ограниченности политических свобод. Такая подмена стала объективной основой двух казалось бы разных, но взаимосвязанных явлений: бюрократического формализма и роста диссидентских настроений. Формализм проявлялся в подмене социалистического дела отчетами, ритуалами, лозунгами, юбилеями и т.д. А это, в свою очередь, служило питательной почвой для диссидентства. Написание опусов с «разоблачениями» советского строя и их продажа на Западе стала для многих из них довольно выгодным бизнесом.

Таким образом, возникло основное противоречие советского общества – противоречие между мобилизационностью и социализмом, суть которого заключалась в том, что в силу «эффекта подмены» не социализм подчинил себе мобилизационность, а мобилизационность социализм. С точки зрения экономической теории факт такого противоречия можно как раз объяснить тем, что организационно-экономические отношения не находятся в пассивной зависимости от социально-экономических отношений. Они более динамичны и при определенных условиях могут обладать значительной автономией и даже приобретать доминирующее значение. Ранее мы говорили, что нечто подобное можно наблюдать и в капиталистических странах, где на частных предприятиях система организационно-экономических отношений может включать в себя отношения партнерства между собственником предприятия и наемными работниками, «человеческие отношения», систему отношений по поводу функционирования на предприятиях «рабочих советов» и т.п.

Указанное противоречие обусловило нелинейное движение СССР на его последнем этапе, а затем и в постсоветской России – не к социализму,

а к капитализму, причем в его наиболее чистом виде – «дикому капитализму». Между тем это противоречие могло быть разрешено с момента появления у СССР ядерного, а затем ракетного оружия. Его наличие делало нападение на СССР опасным для жизни агрессора и можно было кардинально изменить соотношение между социализмом и мобилизационностью в пользу первого и, соответственно, изменить приоритеты экономического развития в пользу гражданских отраслей. Это было бы адекватной реакцией на политику США и его союзников, развернувших против СССР «холодную войну», требовавшую иных, невоенных методов борьбы.

Но здесь решающую роль сыграла такая особенность мобилизационной экономики, как консервативность. Эта особенность обусловлена прежде всего жесткостью построения самой экономики и системы народнохозяйственного управления, относившейся к типу иерархичных систем. Именно иерархичный тип управления оказывается наиболее эффективным в условиях чрезвычайных обстоятельств, но в отличие от сетевого управления характеризуется отсутствием гибкости. Напомним те элементы сложившейся в 30-х гг. хозяйственной системы, которые способствовали ее консервативности:

- 1) планирование из центра производства продукции и фондовое распределение материальных ресурсов с прикреплением потребителей к поставщикам;
- 2) многоуровневая структура управления с иерархическим административным подчинением «низов» «верхам»;
- 3) хозрасчет предприятий, предполагающий учет затрат и результатов их деятельности;
- 4) основанное на учете себестоимости ценообразование, выполняющее главным образом учетную функцию;
- 5) адресное планирование фондов оплаты труда и объемных финансовых показателей;
- 6) оценка деятельности предприятий по выполнению плановых заказов (по объему, ассортименту, номенклатуре и т.д.).

Отмеченные элементы обуславливали то, что в советской экономике едва ли не каждое предприятие выступало своеобразным технологическим монолитом, которое нельзя было оторвать от других предприятий без ущерба для всей экономики.

Консервативность советской экономики закрепила формирование довольно стабильной системы институтов, о которых мы уже говорили. Это институт «вождя», институт одной партии как мобилизующей силы общества, это устоявшаяся идеология, наконец – институт директивного планирования.

Последний институт играл исключительную роль в советской экономике. Планирование было директивным и не менялось десятки лет, хотя с ростом масштабов экономики план уже не мог охватить все экономическое пространство. В 70-х гг. Госплан утверждал плановые задания по 70 тыс. видов товаров. При этом ежегодно приходилось устанавливать цены на 200 тыс. товаров. Поддерживать столь невероятно большое число натурально-вещественных и стоимостных пропорций можно было лишь исключая сколько-нибудь значительные изменения в номенклатуре производимых товаров, а следовательно, и в отраслевой и технологической структуре экономики. С одной стороны, это обуславливало трудности с внесением оперативных изменений в производственные планы, а с другой – определяло хронический дефицит товаров. На этом основании экономику СССР стали характеризовать как «экономику дефицита».

Причем товарный дефицит, традиционно рассматриваемый как показатель неэффективности командной экономики, на деле наряду с законом стоимости играл регулирующую роль в системе планомерного использования ресурсов – очереди не хуже цен показывали, каких товаров не хватает, а каких достаточно. Тем самым происходило тиражирование принципа «основного звена». В то же время дефицит факторных товаров заставлял предприятия всегда иметь запас таких товаров. В СССР к концу 80-х гг. материальные запасы на предприятиях достигли 500 млрд р.¹ Этот запас представлял собой стратегический резерв, который мог использоваться при чрезвычайных обстоятельствах.

Жизнь вносила и иные поправки в жесткую систему иерархического управления. Наряду с ней спонтанно возникла более гибкая сетевая структура управления, но она носила теневой характер и была скрыта от поверхностного взгляда. Нередко именно она решала наиболее важные практические задачи. Эта структура охватывала как отдельные предприятия и учреждения, так и верхние этажи системы управления. Вступая в неформальные отношения друг с другом, руководители предприятий и их представители решали многие хозяйственные вопросы, от которых зависело выполнение планов и их собственное положение.

Гибкая неформальная система управления существовала и на различных уровнях государственной власти. Например, выдвижение руководителей формально происходило на партийных собраниях. На деле это выдвижение осуществлялось определенным, не всегда формально оформленным кругом лиц, а на собрании шло утверждение предлагаемых этим кругом кандидатур. Именно таким неформальным кругом лиц было принято решение о ликвидации СССР в декабре 1991 г.

¹ См.: Нуреев Р.М. Указ. соч. С. 207.

Оборотной стороной консерватизма стал «теневой» сектор экономики, который включал в себя неформальную экономику, фиктивную экономику, «вторую», а также «черную», близкую к криминальной экономику. По оценкам, доля теневого сектора в общем объеме ВВП составляла не менее 25%¹. Так как основой существования «теневого» сектора была официальная советская экономика, на которой строилось благополучие «теневиков», то этот сектор не отрицал легальную экономику как свою основу, являясь дополнительным и достаточно мощным фактором ее консервации, в том числе и консервации ее пороков, прежде всего дефицита.

Поскольку в товарном дефиците оказались заинтересованными не только дельцы теневого бизнеса, но и работники сферы торговли и обслуживания, то это явление стало приобретать устойчивый и все более раздражающий остальное население характер – в принципе, можно было купить любой товар и получить любую услугу, но за дополнительные деньги. Сильная зависимость мобилизационной экономики от субъективного фактора способствовала искусственному созданию дефицита тех товаров, на продаже которых в теневом секторе можно было делать крупные состояния. На завершающем этапе «перестройки» эта возможность стала использоваться для сколачивания капиталов «теневиков» и для дискредитации социализма как общественной системы. Впоследствии с началом «радикальных реформ», когда стало возможным легализовать этот капитал, именно теневой сектор стал экономической основой капитализации общества, питаясь и в новых условиях, но еще более щедро, через отбросившую социалистичность государственную систему управления.

Консервативность как свойство мобилизационной экономики не обошла стороной и экономическую науку. В ней это свойство подпитывалось настороженным отношением руководителей страны к зарубежным изданиям, многие из которых рассматривались как подрывные. Соответственно, сама наука имела либо сугубо прикладной, либо апологетический характер. Последнее относилось практически ко всем общественным наукам. Важной их функцией было сокрытие существа происходивших в обществе явлений и дезинформация «потенциального противника». Однако с помощью «дешифровальщиков» из числа диссидентов на Западе шла успешная расшифровка информации, дававшая западным «генералам холодной войны» достаточно точное представление о состоянии советской экономики и общества. Вот почему аналитики отмечают, что до 90% необходимой информации о состоянии СССР американские разведывательные органы получали из открытых источников².

¹ См.: Нуреев Р.М. Указ. соч. С.209.

² См.: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Указ. соч. С.167.

Несомненно, подобное положение сдерживало развитие общественных, в том числе экономических наук и способствовало возникновению у людей, прежде всего у представителей интеллигенции, недоверия к официально распространяемой информации. И хотя СМИ действительно являлись средствами массовой информации, а не орудием борьбы за интересы отдельных кланов, классов и социальных групп, было ощущение недостатка информации, который «компенсировался» потоками направленного информационного воздействия со стороны пропагандистских центров стран НАТО, не без успеха использовавших услуги советских диссидентов.

Этот столь своеобразный «феномен секретности» также можно рассматривать как одну из особенностей мобилизационного общества. Она предполагала не только сокрытие от потенциальных противников секретов военно-политического характера и ранжирование людей по их доступу к информации, но и общее ограничение доступа к информации жителей страны, в том числе информации, дающей представление как о жизни внутри страны, так и за ее рубежами. Западный мир на этом фоне представлялся как «открытый», тем самым ослаблялся важнейший принцип мобилизационной экономики – принцип сознательности и усиливался очень опасный для ее существования принцип дискретности.

«Феномен секретности» в немалой мере обусловил то, что достижения советского общества оказывались секретом для самих жителей и даже руководителей СССР, а недостатки становились очевидными для всех. Ограничения с выездом за рубеж для многих граждан, особенно в западные страны, усиливали видимость значительного отставания СССР по уровню и качеству жизни от этих стран. В отличие от СССР там достоинства, проявлявшиеся в виде ярких витрин, заполненности прилавков разнообразными товарами, наводненности улиц автомобилями, были видны, открыты для всех, тогда как недостатки в виде безработицы, преступности, наркомании, неуверенности в будущем, бедности части населения были видны не всем. Человек, побывавший в какой-либо западной стране, отмечался печатью «посвященного», то есть посвященного в «тщательно скрываемую от народа тайну» – коммунизм как общество изобилия уже существует на Западе.

Весьма характерно то, что основными носителями этой «тайны» считали себя представители номенклатуры, что стало одной из причин такой опасной болезни, получившей наиболее значительное распространение среди последнего поколения советской номенклатуры, как цинизм. Впоследствии во времена «гласности и открытости» представители номенклатуры откровенно признавались в том, что они «думали одно, говорили другое, делали третье». Нет ничего удивительного в том, что в период «демократических реформ» такой цинизм превратился в свою крайнюю

форму – «ельцинизм», характеризовавшийся тем, что растаскивание государственной собственности, сдача завоеванных предками позиций России в мире, разрушение страны и геноцид собственного народа осуществлялись под лозунгом «возрождения России».

Безусловно, бóльшая открытость советского общества позволяла бы людям лучше узнать его, увидеть недостатки подлинные и мнимые как своего общества, так и западного. В конце концов, стало бы ясно, что богатство людей не определяется обилием товаров на прилавках магазинов, что Запад открыт лишь на первый взгляд, что демократии для простых людей там не больше, чем в СССР.

Наличие «феномена секретности» делает понятным то, почему политика «гласности и открытости» в период «перестройки» стала мощным фактором разрушения общества. Причем наиболее разрушительную роль сыграли представители общественных наук, выполняя, по существу, роль «пятой колонны» стран НАТО. Сам факт возникновения подобной «колонны», основу которой составили представители номенклатуры, было неизбежным следствием мобилизационного характера советского общества.

3.3. Антикризисная сущность экономических реформ в СССР

Рассмотрение особенностей мобилизационной экономики помогает нам лучше понять ее противоречия и причины кризиса, приведшего в конечном итоге к разрушению СССР. Главная причина, безусловно, связана с нараставшим несоответствием между производительными силами и экономическими, прежде всего производственными отношениями. Во многом это несоответствие было обусловлено основным противоречием советской экономики, которое затрудняло функционирование механизма взаимодействия производственных отношений с производительными силами общества. В экономике СССР изменения в производительных силах в ходе технологической эволюции слабо отражались в системе экономических, прежде всего организационно-экономических отношений. Мы видели, что мобилизационный характер экономики обеспечивался иерархической системой управления и директивным планированием, тогда как производительные силы требовали большей самостоятельности, самоуправления в рамках гибкого народнохозяйственного управления и планирования. Но сложившаяся еще в 30-х гг. система управления и планирования рассматривалась руководством страны как один из ключевых признаков социализма и не подвергалась кардинальным изменениям, что сдерживало поступательное развитие производительных сил общества.

Несмотря на внешнюю устойчивость, советская экономика оказывалась «беременной» кризисом, что вытекало из затянувшейся во времени

тотальной мобилизованности, которая по природе своей является дискретной. «Беременность» кризисом проявлялась в хронической несбалансированности экономики, снижении ее эффективности, затухании темпов экономического роста.

Заметим, что сама по себе «беременность» кризисами не есть явление опасное для общества как системы. Как известно, кризисы – закономерное явление в рыночной экономике на индустриальной стадии ее развития. Но в отличие от мобилизационной экономики СССР она имеет встроенные механизмы вхождения в кризис и выхода из него. У советской экономики такого встроенного механизма не было, поэтому вхождение в кризис не обязательно предполагало выход из него – кризис мог привести к разрушению всей общественной системы. Вот почему в экономике СССР особую роль играли экономические реформы, которые начали активно проводиться с середины 50-х гг. По своему назначению они представляли собой попытки через изменения в хозяйственном механизме общества перевести экономику в немобилизационный режим функционирования. Но фактически их роль сводилась к тому, чтобы не допустить перехода нарастающих противоречий в кризис, который грозил стать структурным, охватывающим основные «блоки» общества: производительные силы, экономические отношения, надстройку – и непредсказуемым.

Реформы обычно вели к оживлению экономики, но затем их позитив угасал и возникала необходимость в новых реформах. Действовала определенная закономерность. В рамках проводимых реформ сначала предпринимались довольно радикальные меры, объективно направленные на переход от мобилизационной к немобилизационной, более либеральной экономике. Однако отмеченные нами особенности мобилизационной экономики, прежде всего ее консерватизм, не устранялись. Предпринимавшиеся на первых этапах реформ меры кардинального характера не без воздействия внешних факторов в виде разного рода угроз со стороны США и стран НАТО постепенно сводились к явно паллиативным средствам в виде пропаганды, кампаний по «наведению порядка», подготовки к юбилейным датам и тому подобным вещам, всей своей сутью призванным усилить дух мобилизованности, а значит, закладывающим необходимость новых реформ.

Наиболее отчетливо эта закономерность проявилась в периоды, когда высшие партийные и, соответственно, государственные посты занимали Н.С. Хрущев (1953 – 1964 гг.) и Л.И. Брежнев (1964 – 1982 гг.).

Необходимость реформ стала осознаваться вскоре после окончания войны. Уже тогда было ясно, что экономика не может бесконечно долго использовать скрытый в «духе мобилизованности» сверхресурс, что необходимы изменения в целевых приоритетах экономического развития.

В ответ на эту необходимость с начала 50-х гг. стала происходить некоторая либерализация экономики. Она была обусловлена; во-первых, общим настроением на поворот от военной к мирной жизни. Во-вторых, денежной реформой 1947 г., обеспечившей заметное оживление товарно-денежных отношений при стабильности рубля и розничных цен. Подобная стабильность усиливала стимулирующую роль «сверхвысоких заработков», политика поддержания которых сохранялась до конца 50-х гг. В-третьих, развернувшейся после смерти Сталина борьбой за место «вождя», несколько ослабившей давление сидевших в министерствах «командиров» на предприятия, которые смогли проявить больше инициативы. В-четвертых, политикой тогдашнего главы правительства Г.М. Маленкова. Он предложил отказаться от традиционных приоритетов в развитии экономики с тем, чтобы большую часть капиталовложений направить в сельское хозяйство и в легкую промышленность (группа «Б»), а не в тяжелую (группа «А»), как это практиковалось прежде.

В сентябре 1953 г. было принято постановление «О неотложных мерах по подъему сельского хозяйства». В соответствии с ним были существенно повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Так, в сентябре 1953 г. были вдвое повышены закупочные цены на молоко, в 5 раз – на скот и птицу. Произошло снижение сельскохозяйственных налогов, увеличение государственных ассигнований в сельское хозяйство, в том числе капиталовложения, колхозам и совхозам оказывалась помощь квалифицированными кадрами.

Заметим, что при некоторой либерализации советской экономики сохранялся достаточно высокий духовный подъем народа, обусловленный победой в войне, верой в новые победы на «мирном фронте», возросшим международным авторитетом СССР. На волне подобного подъема с 1954 г. началось массовое освоение целинных и залежных земель с использованием в основном мобилизационных методов. К середине 1956 г. было распахано 33 млн га новых земель в Оренбургской области, Северном Казахстане, Западной Сибири, Алтае и других районах страны. Уже в 1960 г. из 125,5 млн т собранного в стране зерна 58,7 млн дали целинные земли¹.

Столь удачное сочетание мобилизационного духа и определенной либерализации экономической и общественной жизни не замедлило вызвать положительный эффект – 50-е гг. оказались в экономическом плане наиболее успешными за весь послевоенный период. В 1951 – 1955 гг. промышленное производство увеличилось на 85%, сельскохозяйственное – на 20,5%, в 1956 – 1960 гг. – соответственно на 64,3% и 30%. Подобные

¹ См.: Тимошина Т.М. Указ соч. С.308.

темпы дали основание некоторым ученым назвать 50-е гг. «десятилетием триумфа советской экономики»¹.

Встревоженные подобным «триумфом» экономические советники президента США Д. Кеннеди дали прогноз, согласно которому к 1980 г. экономика СССР должна была обогнать экономику США по всем показателям. Как отмечают исследователи, «Кеннеди разделял взгляды экономистов и аналитиков ЦРУ, что СССР развивается быстрее, чем США, и превзойдет по валовому национальному продукту (ВВП) США, ибо плановый социализм эффективнее, чем рыночный капитализм»². Прогноз не сбился. Одна из причин этого – сохранение целевой направленности советской экономики на обеспечение военно-политической безопасности страны. С этой функцией экономика успешно справилась – в начале 70-х гг. СССР достиг военного паритета с США. Но перераспределение ресурсов в пользу военного сектора не могло не сдерживать общее развитие экономики.

Уже в начале 60-х гг. темпы экономического роста стали снижаться. Это было вполне закономерно, поскольку политика Н.С. Хрущева, утвердившегося в середине 50-х гг. у власти, была крайне противоречива. С одной стороны, делались шаги в сторону ослабления мобилизованности и большей либерализации всей общественной жизни, включая экономическую, с другой – предпринимались меры противоположного характера, призванные усилить мобилизованность.

Определенная либерализация во многом была связана с изменениями во внешней политике. С середины 50-х гг. был взят курс на мирное сосуществование, в рамках которого стала пропагандироваться идея возможности избежать новой войны. В стране возникло то, что впоследствии получило название «оттепель» – явление, отражающее попытку советского руководства в одностороннем порядке покончить с «холодной войной». Впервые Запад стал преподноситься не как военный противник, а как идеологический оппонент, не понимающий того, что будущее за социализмом. Было осуществлено одностороннее сокращение армии с 5,8 млн человек в 1955 г. до 2,5 млн в 1960 г. Сам этот факт ослаблял мобилизованность как стержневую основу хозяйственного механизма командной экономики. И это было обоснованно, так как после появления у СССР ракетно-ядерного оружия открытая война на поражение стала невозможной. Тем самым объективно отпадала необходимость в тотальной мобилизованности.

Либерализация политики Хрущева связывается также с развернувшейся во второй половине 50-х гг. кампании «разоблачения культа личности Сталина». Эта кампания, инициированная руководящей верхушкой партии, означала официальный отказ от мобилизационных методов обеспечения ответственности руководителей разного ранга за свою деятельность, составной частью которых, как отмечалось ранее, были репрессии, и переход к иным, более либеральным методам. Не менее существенно и то, что она подрывала идеократизм советской экономики и подавляла мобилизационный дух народа.

Происходили и чисто экономические изменения, говорившие о движении в сторону либерализма. Так, вполне объяснимой реакцией на чрезмерную централизацию государственного управления экономикой было создание в 1957 г. совнархозов. Кроме того, предпринимались попытки сократить число спускаемых сверху директивных показателей.

Но проводимые преобразования в экономике не вели к созданию нового хозяйственного механизма и, соответственно, возникновению новых организационно-экономических отношений взамен прежних. Развитие производственных технологий предъявляло такие требования к управлению, которые предполагали делегирование полномочий нижним звеньям системы управления, сокращение числа самих управленческих уровней, стимулирование инициативы и самостоятельности предприятий. Очень слабо внедрялись эффективные формы управления на самих предприятиях. Словом, механизм, способный заменить систему детального планирования, так и не возник, что привело к усилению диспропорций в сферах производства, материально-технического снабжения и торговли.

Даже создание совнархозов в значительной мере оказалось административной мерой, не сопровождавшейся внедрением экономических рычагов в систему управления экономикой. К тому же в результате создания совнархозов возникло такое отрицательное явление, как местничество. Оно проявлялось в том, что совнархозы стремились выполнять плановые задания по выпуску той продукции, которая требовалась для потребления на собственной территории, и не очень охотно выполнялись задания по производству продукции для других совнархозов.

Весьма ощутимый удар по мобилизованности был нанесен политической ограничением личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Существование таких хозяйств не только на селе, но и в городах также было одним из проявлений мобилизованности. Они были связаны с общественными хозяйствами, в том числе с промышленными предприятиями, руководство которых обычно оказывало помощь своим работникам в ведении ЛПХ, выделяя транспорт, материалы, специально предоставляло отпуска на период сельскохозяйственных работ, например сенокоса. Личные подсобные

¹ Ханин Г.И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 11. С. 166 – 168.

² Цит. по: Кудинов В.П. Указ. соч. С.9.

хозяйства являлись дополнительным источником ресурсов государства и играли важную роль в воспроизводстве населения и его рабочей силы. Политика, направленная на их ограничение, а точнее, свертывание, была типичной либерально-рыночной мерой, предполагавшей увеличение совокупного спроса на сельскохозяйственную продукцию и через него стимулирование работы общественных хозяйств на рынок. Однако из-за непродуманности такого рода ограничительной политики ожидаемого эффекта не произошло. Общественные хозяйства не смогли своевременно компенсировать сократившееся в ЛПХ производство, прежде всего мяса.

В условиях нарастания противоречий руководство страны было вынуждено обратиться к испытанным мерам мобилизационного характера. В соответствии с принципом основного звена провозглашалась то химизация всей страны как главный фактор развития ее производительных сил, то организовывалась кампания по распространению посевов кукурузы на всей территории страны, то объявлялась «война» травополюю в целях ускорения развития сельского хозяйства. Наиболее яркой попыткой оживить мобилизационный дух было появление девиза «догнать и перегнать США», а затем выдвижение на XXII съезде КПСС курса на «развернутое строительство коммунизма» в СССР и провозглашение лозунга «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

Провозглашение курса на строительство коммунизма было призвано через оживление «мобилизационного духа» стимулировать работу предприятий и отдельных людей. Тем самым мобилизационность как бы подчинялась социализму, а не наоборот, что было до сих пор. На самом деле военно-политические задачи оставались на первом месте и лишь после них ставились вопросы развития материально-технической базы коммунизма и подъема жизненного уровня людей. В этих условиях в официально провозглашенном курсе на строительство коммунизма скрывалась серьезная опасность для общества. В первую очередь, она таилась в потребительском аспекте коммунизма как общества будущего, о чем мы уже говорили ранее. Не менее опасным для общества было и то, что идеология как важный элемент хозяйственного механизма мобилизационной экономики стала подчиняться хозяйственным задачам, а не наоборот, как это было раньше, когда хозяйство мобилизовалось ради идеи.

Обострившаяся в начале 60-х гг. международная обстановка, достигшая пика остроты во время «Карибского кризиса» 1962 г., потребовала дополнительных военных расходов. Армия и флот начали оснащаться межконтинентальными ракетами с ядерными боеголовками, были развернуты крупномасштабные программы по строительству атомных подводных лодок. Все это не только отвлекало средства от развития гражд-

данских отраслей, но и подталкивало руководство страны к использованию мобилизационных рычагов.

Не без воздействия внешних угроз с начала 60-х гг. значительные средства стали направляться на развитие науки, особенно ее фундаментальных направлений – физики, химии, биологии, кибернетики, космических исследований. По команде сверху возникли целые «наукограды», в которых тесно взаимодействовали научные и производственные коллективы. Здесь начали применяться самые современные не только производственные, но и управленческие технологии. В результате этого были заложены основы превращения науки в непосредственную производительную силу, что является основой постиндустриального общества, к которому начали движение наиболее развитые страны Запада. Но если в этих странах такое развитие обеспечивалось необходимыми изменениями в хозяйственном механизме, то в СССР кардинальных изменений в нем не происходило и производственные комплексы в «наукоградах» оставались как бы оторванными от материка отдельными островами научнотехнического прогресса.

Необходимые для развития экономики страны ресурсы стала отвлекать и проводимая Хрущевым внешняя политика. Во многом это было обусловлено тем, что развернувшееся во второй половине 50-х гг. национально-освободительное движение против колониализма привело к возникновению десятков независимых государств, лидеры которых с целью получения экономической помощи от СССР объявляли курс на создание у себя социализма. Эта помощь в довольно больших размерах стала им поступать, хотя страна сама испытывала недостаток средств для собственного развития.

Между тем порожденная лозунгом построения коммунизма как общества изобилия установка на то, что материальная жизнь людей должна только улучшаться, приводила к тому, что любое, даже незначительное покушение на уровень жизни вызывало у людей негативную реакцию. Чаще всего она была скрытой, проявляясь, например, в виде снижения интенсивности труда в ответ на покушение на реальную заработную плату. Но иногда реакция людей принимала опасные для общества формы, например в виде уличных демонстраций, имевших место в 1962 г. в Новочеркасске в ответ на повышение государственных цен на мясо.

Возникновению подобных событий в немалой мере способствовало введение на предприятиях практики пересмотра расценок в сторону понижения без согласования с рабочими коллективами и фактическая отмена «сверхвысоких заработков», которые отдельные рабочие получали в результате кратного перевыполнения норм. Тем самым вводились своеобразные «потолки» зарплат. Подобная политика в области оплаты труда

не только ослабляла принцип материальной заинтересованности, столь органично до сих пор дополнявший мобилизационность, но и подрывала общественный характер собственности на средства производства, превращая ее в сугубо государственную. Прежде рабочие знали, что, внося повышенный вклад в результаты производства в процессе использования средств производства, они могут присваивать в виде зарплаты соответствующую долю дохода предприятия. Теперь их доход оказывался в сильной зависимости от «начальства» как распорядителя государственной собственности.

В целом хрущевский период развития советской экономики, лишенный системности, полный противоречий, вполне справедливо названный волонтаристским, ознаменовался ослаблением мобилизационности экономики, но без необходимых изменений в хозяйственном механизме и соответствующего институционального оформления. Происходила чреватая серьезными последствиями деформация хозяйственного механизма экономической системы, в результате чего мобилизационные рычаги переставали играть прежнюю роль, адекватной же замены их новыми – немобилизационными рычагами – не было. Все это вело к ослаблению системы управления экономикой, падению дисциплины, снижению общей эффективности экономики.

Следующая реформа, получившая название по имени тогдашнего главы Правительства СССР «косыгинской», началась в 1965 г. после принятия Сентябрьским Пленумом ЦК КПСС постановления «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Само название постановления свидетельствовало о достаточно четком понимании тогдашним руководством СССР необходимости изменений в системе управления и планирования, в методах стимулирования субъектов экономики.

В ходе реформы были ликвидированы совнархозы и восстановлен отраслевой принцип управления экономикой, что заметно усилило управляемость ею. Одновременно расширялась самостоятельность предприятий вместе с расширением сферы действия товарно-денежных отношений. В отличие от прежней системы, когда деятельность предприятий оценивалась по объему производства валовой продукции, теперь на роль главного показателя был выдвинут объем реализованной продукции предприятия. Эффективность работы предприятий стала оцениваться по полученной прибыли (рентабельности производства) и выполнению заданий по поставкам важнейших видов продукции.

В состав обязательных показателей были включены: основная номенклатура продукции, фонд заработной платы, платежи в бюджет и ас-

сигнования из бюджета, показатели по объему централизованных капиталовложений и вводу в действие производственных мощностей и основных фондов, по внедрению новой техники и материально-техническому снабжению. Все остальные показатели хозяйственной деятельности устанавливались предприятиями и организациями самостоятельно, без утверждения в министерствах и ведомствах.

В соответствии с постановлением было решено расширять экономические права предприятий, развивать прямые связи между производителями и потребителями на принципах взаимной материальной ответственности и заинтересованности. На предприятиях за счет прибыли разрешалось создавать фонды экономического стимулирования: фонд материального поощрения, социально-культурных мероприятий, жилищного строительства, фонд развития производства.

Тем самым предприятиям предоставлялась оперативно-хозяйственная самостоятельность, они должны были работать на принципах окупаемости, рентабельности, материальной заинтересованности и материальной ответственности за достигнутые результаты в условиях денежного контроля со стороны государства за использованием ими материальных, финансовых и трудовых ресурсов.

Все это свидетельствовало о курсе на ослабление мобилизационных рычагов и движении в сторону экономического либерализма. Однако сохранялась директивность народнохозяйственного планирования и оставался главный принцип мобилизационности – «план любой ценой». В итоге реформа оказалась противоречивой. Одним из проявлений такой противоречивости явилось действие затратного механизма. Выдвижение в качестве основного показателя объема реализованной продукции в рублях побуждало предприятия не столько увеличивать объем производства и разнообразить номенклатуру производимых товаров, сколько производить более дорогостоящую продукцию. Делалось это либо путем осуществления выгодных для предприятия ассортиментных сдвигов, выбора соответствующей номенклатуры изделий, требовавшей больших затрат, либо путем удорожания производимой продукции. И то и другое вело к разбалансированию стоимостных и материально-вещественных потоков, к усложнению и без того сложной проблемы планирования.

Сложности с планированием проявлялись и в том, что ликвидация совнархозов стимулировала не территориальную специализацию, а специализацию внутри отраслей. Благодаря этому на одной и той же территории могли существовать однотипные предприятия, производящие одну и ту же продукцию, но относящиеся к разным отраслям и работающие на разные отрасли. В результате существенно возросли объемы встречных перевозок, когда одна и та же продукция шла навстречу друг другу из

разных концов страны. Соответственно, возросла нагрузка на транспорт и транспортные расходы. Но эти расходы включались в себестоимость производимой продукции, позволяя более «успешно» выполнять плановые задания по объему реализованной продукции в рублях. К подобному поведению подталкивало и сохранение принципа планирования «от достигнутого». В тех условиях это стимулировало производство ради производства, что, в свою очередь, ослабляло требования к людям как к производителям, тогда как требования людей как потребителей росли.

Предпринимавшиеся на местах попытки применения новых организационно-экономических форм труда, передовых по мировым меркам управленческих технологий, нацеленных на эффективное производство конечного, нужного обществу продукта, несмотря на блестящие результаты, не получили распространения в силу того, что вели к значительному ослаблению контроля из центра и им отвергались. Новые методы хозяйствования, например, не без успеха применялись на Щекинском химкомбинате, в аграрном хозяйстве, возглавляемом Н.Н. Худенко, и ряде других хозяйств. Между тем в это же время наиболее развитые страны Запада предприняли качественный рывок в области организации труда и управления, благодаря чему стали обгонять экономику СССР в мировой конкурентной гонке. Наметилось и отмеченное ранее отставание СССР в динамике роста производительности труда.

Ситуацию в экономике осложняло то, что на предприятиях в ходе реформы возникли фонды материального поощрения, непосредственно не связанные с товарной массой потребительского назначения. Поскольку цены на продукцию по-прежнему устанавливал не рынок, а комитеты по ценам, то они стали отрываться от стоимости товаров. Эмиссия денег вне связи со стоимостью производимых товаров привела к тому, что постепенно денежная масса стала превышать товарную и возникал дефицит товаров. Отрыв выдаваемой на руки заработной платы от объема продукции второго подразделения общественного производства происходил и потому, что в объеме производства преобладала продукция первого подразделения. С 1965 по 1970 г. доля фонда потребления в национальном доходе сократилась с 73,7% до 70,5% при росте денежных выплат на 20%¹. В 70-х гг. несбалансированность между денежной и товарной массой стала увеличиваться и за счет развития платежного кредита, особенно в строительстве, где кредит способствовал незавершенному строительству, обеспеченному денежными выплатами.

Отмеченная несбалансированность усиливалась также ростом объема военного производства. Политика обеспечения национальной обороны

стала строиться на концепции «симметричной реакции» на действия США и НАТО «по всем азимутам», что предполагало возможность присутствия советских вооруженных сил в различных точках мира. Соответственно, реализовывались все новые и более дорогостоящие военные программы. Если Брежнев принял от Хрущева армию, состоявшую примерно из 3,3 млн человек личного состава, включавшую наземные войска из 140 дивизий и 35 тыс. танков, то Брежнев к концу своей жизни довел армию до 5,5 млн человек с 208 дивизиями, из которых 40 дислоцировались за рубежом, и 50 тыс. танками¹.

Предпринимались весьма дорогостоящие попытки советского руководства во внешней политике от обороны перейти в наступление путем распространения влияния СССР на страны, не только географически отдаленные, но и те, связь с которыми никак не способствовала укреплению СССР и предполагала лишь дополнительные расходы. Эта политика явно выходила за рамки мер, необходимых для укрепления «третьего пояса» национальной безопасности СССР.

В отличие от экономики США советская экономическая система была ориентирована на оборону, а не на экспансию. Причем, как уже отмечалось, для США внешняя экспансия выступает источником дополнительных ресурсов, так что политика экспансионизма предстает своеобразной формой государственного бизнеса, весьма выгодного, многократно перекрывающего расходы на него, включая военные. Хотя, как и всякий бизнес, она не лишена риска. Что касается СССР, то никаких корней империализма у него не было. Здесь действовала хрестоматийная альтернатива «пушки или масло», тогда как у США такой альтернативы нет — действует империалистический принцип «пушки ради масла». Поэтому попытки советского руководства активизировать внешнеполитическую, тем более военную деятельность вели к неоправданной растрате ресурсов, столь необходимых для внутреннего развития. Неудивительно, что при сохранении военно-политических приоритетов и отсутствии условий для действия принципа «пушки ради масла» принимавшиеся советским правительством программы повышения жизненного уровня населения полностью не реализовывались.

В известной мере это объясняется и тем, что именно в ВПК в силу его специфики мобилизационность давала наибольший эффект. Поэтому вместо того, чтобы ограничивать масштабы ВПК, перебрасывать ресурсы из него в отрасли гражданского назначения, в него направлялись дополнительные ресурсы. В результате до 75% экономики СССР было сконцентрировано в ВПК. Со всей очевидностью действовал принцип «поис-

¹ См.: Кургиян С. Седьмой сценарий. Постперестройка. М., 1992. С.102 – 103.

¹ См.: Кудинов В.П. Указ. соч. С. 21.

ка иголки там, где светло». Между тем из общего числа занятых в отраслях ВПК лишь около 10% непосредственно занимались производством оружия. Остальные были заняты производством материалов, энергоносителей, компонентов, которые могли широко применяться в гражданских отраслях. Вот почему вполне реальной была структурная перестройка отраслей ВПК и их ориентация на производство наукоемких продуктов гражданского назначения. Вместо этого происходило ослабление механизма мобилизационности при сохранении военных приоритетов. Так или иначе это вело к тому, что впоследствии стали называть «имперским перенапряжением».

Сказанное во многом объясняет, почему позитивный потенциал «косыгинской реформы» был исчерпан еще в брежневский период. В 1979 г. была объявлена новая реформа. 12 июня 1979 г. появилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качество работы». Постановление нацеливало на обеспечение сочетания перспективных и текущих планов, натуральных и стоимостных показателей, координации отраслевых и территориальных планов, капитального строительства и НТП. Предполагалось усиление комплексности планирования, его ориентации на достижение конечных целей. Главным плановым показателем становился объем нормативно-чистой продукции, по которому предприятия должны учитывать только вновь созданную стоимость без затрат на сырье, материалы и т.п. Предусматривалось, что это будет стимулировать ресурсосбережение, внедрение новой техники, повышение качества продукции, заставит предприятия отказаться от деления продукции на выгодную и невыгодную. Но постановление не затрагивало главного принципа народнохозяйственного планирования – его директивности.

Между тем было ясно, что директивное планирование может быть эффективным, если охватывает дефицитные ресурсы и предполагает относительно небольшое число показателей. Неудивительно, что оно дало большой эффект на тех этапах, когда создавалась тяжелая промышленность, когда решался вопрос о производстве необходимого для экономики металла, проката, электроэнергии, угля, зерна и т.д. Очевидно, что можно спланировать производство этих стратегически важных продуктов, обеспечить его ресурсами. Однако директивное планирование не может охватить все то, что необходимо для удовлетворения потребностей людей, в силу разнообразия и изменчивости этих потребностей, способности взаимозамещения одних благ другими. К тому же происходили изменения и в возможностях ресурсного обеспечения производства. Так что по всем производимым в обществе продуктам поддерживать сбалан-

сированность было невозможно, поэтому в экономике неизбежно возникали диспропорции. В самом деле, в начале 80-х гг. Госплан составлял более 2 тыс. балансов, имевших около 50 тыс. позиций. Число ежегодно составлявшихся по стране показателей оценивалось в величину 2,7 – 3,6 млрд, в том числе в центре утверждалось порядка 2,7 – 3,5 млрд. Большая часть этих показателей (до 70%) приходилась на распределение материалов и планирование поставок¹. Тем самым масштабы, рост номенклатуры производимых товаров явно превосходили критические возможности планирования. Поэтому производство не могло адекватно реагировать на изменения в общественных потребностях.

Предпринимавшиеся в 70-х гг. попытки создавать крупные производственные объединения и превращать их в основные производственные звенья для того, чтобы уменьшить численность субъектов планирования, успеха не принесли, так как нередко в эти объединения входили предприятия, не имеющие друг с другом ни производственных, ни хозяйственных связей. В результате балансы приобретали все более обобщенный характер, происходило понижение качества согласования производства и распределения продуктов. К этому добавилось противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решал и межотраслевой баланс. При планировании «от достигнутого» он фактически основывался на нормах затрат предыдущих лет. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составленный Госпланом, оказывался хронически консервативным.

Попытки перейти к комплексному многовариантному планированию не получили поддержки. Между тем здесь заключалась возможность совершенствования планирования с двух концов: повышение точности планирования и создание ситуации выбора у предприятий как непосредственных исполнителей плана. Появлялась возможность охвата реформами системы организационно-экономических отношений, до которых они никак не доходили.

В целом же «косыгинские реформы» привели к заметному расширению товарно-денежных отношений и к тому, что экономика все более становилась немобилизационной. Однако без необходимых изменений в отношениях собственности и соответствующего институционального обеспечения эти отношения носили квазирыночный характер. Это вело к усилению несбалансированности экономики, ослаблению ее эффективности. Такая экономика на самом деле стала требовать компенсационную систему, способную давать дополнительные ресурсы для того, чтобы обеспечивать необходимую для непрерывного производства сбалансированность.

¹ См.: Нуреев В.М. Указ. соч. С.203.

Ведущую роль в такой системе все больше стала играть опять же мобилизационность. Прежде всего она проявлялась в мобилизационных формах организации труда: сверхурочных, в субботниках, предполагавших выход на работу в нерабочие дни, в оказании «шефской помощи» селу в виде посылки на сельскохозяйственные работы жителей городов, в провозглашении «пятилеток качества» и «пятилеток эффективности», в принятии повышенных обязательств по случаю различных юбилеев, особых дат и т.п. Возможность использования мобилизационных форм организации труда и производства во многом обеспечивалась сохранением в прежнем виде политической системы – системы «мобилизационного социализма».

Значение подобной мобилизационности усилилось во второй половине 70-х гг., когда на мировом рынке произошло повышение цен на нефть. Экспорт нефти стал давать стране высокие доходы, позволяя в значительных объемах импортировать многие необходимые стране товары, том числе потребительские. Это, в свою очередь, предполагало увеличение объема добычи и экспорта нефти. Между тем неблагоприятные условия добычи нефти в Западной Сибири требовали использования мобилизационного механизма. Тем самым макромобилизационность консервировалась, но при этом положение страны ставилось в зависимость от конъюнктуры на мировом рынке нефти. Это означало, что военно-политическая безопасность страны стала обеспечиваться за счет ослабления ее экономической безопасности.

В итоге экономика страны оказалась в своеобразной «мобилизационной ловушке», когда благодаря мобилизационным методам воспроизводилась вся экономическая система, все более становившаяся квазирыночной и все менее мобилизационной. Так что из экономики «мобилизационного социализма» она переходила в рыночно-бюрократическую экономику с постепенно распространяющимся «ползучим либерализмом». Этот либерализм проявлялся в легальном и нелегальном распространении товарно-денежных отношений, усилении индивидуализма, подмене на многих предприятиях хозяйственного расчета коммерческим, ослаблении системы централизованного планирования и управления. Плановость все больше уступала место стихийности. Развитие товарно-денежных отношений вело к усилению товарного характера рабочей силы, общественная собственность на средства производства превращалась в государственную, отчуждаясь от трудящихся. Неудивительно в этих условиях, что работа по осуществлению положений Постановления от 12 июня 1979 г., по существу не начавшись, была сведена «на нет». Тем более, что поток нефтедолларов позволял насыщать потребительский рынок и отодвигал необходимость реформ как антикризисного средства.

После смерти Брежнева в 1982 г. разговоры о новой реформе возобновились. Впервые Ю.В. Андропов в этой связи заявил о недостаточном знании учеными и тогдашним руководством страны советского общества. «Если говорить откровенно, – отмечал он, – мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся»¹. Таким образом, был указан важнейший принцип реформирования – принцип понимания общества, которое подвергается реформированию. В соответствии с ним прежде чем начинать реформы, необходимо сначала разобраться с сущностью существовавшей в СССР общественной системы.

В статье Ю.В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» ставились вопросы развития демократии в стране, прежде всего производственной и самоуправленческой, возможности существования при социализме разнообразных форм собственности, применения новых методов хозяйствования и тому подобные вопросы, решение которых позволяло устранить подмену социализма мобилизационностью. Тем самым указывалось на необходимость и возможность кардинального обновления страны без ее разрушения.

Однако замыслы обновления были отложены со сменой руководства в 1984 г. Новый Генеральный секретарь К.У. Черненко представлял то крыло руководящей элиты, которое видело негативы проводимых экономических реформ и полагало, что «лучше ничего не трогать». У подобного консерватизма было серьезное основание: опасно реформировать общество, о котором нет необходимых для этого знаний. Тем не менее состояние советского общества, прежде всего экономики, требовало преобразований. Ответом на это требование стала начавшаяся во второй половине 80-х гг. «перестройка».

Глава 4. МОБИЛИЗАЦИОННОСТЬ В СТРАТЕГИИ РАЗРУШЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СССР В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»

4.1. Внутренние предпосылки и внешние факторы разрушения советской экономики

Анализ существовавших в экономике СССР противоречий и попыток их разрешения в ходе экономических реформ указывает на два возможных варианта путей кардинального преобразования советского общества.

¹ Андропов Ю.В. Избранные статьи и речи. М., 1983. С.294.

Первый вариант предполагал усиление мобилизованности, ее распространение на всю хозяйственную систему, то есть своеобразный возврат к экономике 30-х гг., но со сменой приоритетов. Общество должно было мобилизоваться на обеспечение не военно-политической, а технологической, следовательно, и экономической безопасности страны. Было уже достаточно очевидным, что страна уступает в технологической гонке развитым странам Запада, прежде всего США, что было чревато ослаблением национальной безопасности. Необходимость в таком варианте подспудно проявлялась, с одной стороны, через усиление технократических тенденций в обществе, а с другой – через требования «наведения порядка» в стране, в растущей ностальгии по «сильной руке», в своеобразной «моде» на портреты Сталина, которая распространилась в конце 70-х – первой половине 80-х гг.

Второй вариант исходил из необходимости постепенного устранения противоречия между мобилизованностью и социализмом на пути укрепления социалистического начала. Здесь должно было происходить не свертывание, а развитие по-настоящему рыночных отношений в экономике и на этой основе формирование нового хозяйственного механизма, в котором экономические рычаги становились бы доминирующими. Органам централизованного управления и планирования должны были остаться функции прогнозирования, определения задач экономического развития, обеспечения общих условий их решения, включая поддержание стратегически важных народнохозяйственных пропорций.

Коллективы предприятий должны были получить реальную возможность участвовать в использовании средств производства, почти утраченных к моменту «перестройки» общественный характер и ставших государственными, в распределении и присвоении получаемых с их помощью результатов. В том числе должны были быть сняты ограничения роста доходов при значительном вкладе работников в результаты производства. Наряду с государственной собственностью, которая должна была постепенно превращаться в общественную, предполагалось существование кооперативной, акционерной, частной индивидуальной и смешанной форм собственности на средства производства. На этой основе была возможной кардинальная перестройка хозяйственного механизма общества с соответствующими изменениями в организационно-экономических и надстроечных отношениях, закрепляемых усилением социалистического характера социально-экономических отношений.

Следует отметить, что оба варианта не противоречили друг другу. Общее состояние экономики накануне «перестройки» действительно требовало наведения порядка, укрепления проверенных историей институтов: КПСС и ВЛКСМ, административно-правовых органов, включая ор-

ганы правопорядка, социалистической и национально-патриотической идеологии. Только таким образом можно было без разрушения страны перейти к реализации второго варианта, при котором рыночные отношения могли бы развиваться в достаточно жестких институциональных рамках, направляющих их в сторону социализма, а не капитализма. В этом случае мобилизованность могла бы сочетаться с экономическим либерализмом.

Казалось, что именно по этому сценарию и стала осуществляться начавшаяся с середины 80-х гг. «перестройка», которая обещала нечто большее, чем реформа, – настоящий капитальный ремонт общественного здания без его разрушения. На первом ее этапе проявлялись явные попытки реализации первого варианта, затем со второй половины 1987 г. был сделан переход ко второму варианту. Однако в ходе его реализации возник третий вариант, предполагавший разрушение всей общественной системы и на ее обломках создание аналога западного общества, который, как казалось его сторонникам, хорошо изучен и познан, а главное, «хорошо себя показал» и его можно было взять за образец. Победа этого варианта произошла под воздействием не только внутренних, но и внешних факторов.

При рассмотрении данного варианта следует особое внимание обратить на сильную зависимость общества «мобилизационного социализма» от субъективного фактора, в первую очередь от лица, находящегося во главе государства. Мы уже отмечали, что по своей природе мобилизационное общество требует талантливого полководца. Таким был И.В. Сталин – подлинный создатель «мобилизационного социализма». Не менее талантливым должен быть и полководец, выводящий такое общество из «боя» через проведение необходимых реформ.

К сожалению, в отличие от Китая, где был Дэн Сяопин, указавший выход на новый путь развития страны, в СССР после смерти Сталина другого столь же талантливого «вождя», способного видеть проблемы страны и находить пути их решения, уже не было и существовавшие в ней противоречия не находили разрешения. Как мы отмечали, у послесталинских «вождей» не было адекватного представления об обществе и проводимые ими с середины 50-х гг. реформы советской экономики не устраняли «эффекта подмены» и неизбежно возвращались к мобилизованности при неуклонном угасании самого ее «духа». В результате возникло и получило развитие такое явление, как «ползучий либерализм», разъедавший экономические и идейно-политические основы общества.

Подобное явление не могло не найти отражение в системе социально-экономических отношений. Долгое время партийно-хозяйственная элита, именовавшаяся номенклатурой, выполняла роль управляющего

общественной собственностью, не представляя собой отдельного класса подобно рабочему классу или крестьянству. Но мы видели, что «ползучий либерализм» характеризовался постепенным превращением общественной собственности в государственную при ослаблении общенародного характера самого государства. Это являлось объективной основой обособления распоряжавшейся ей номенклатуры от трудящихся и появления у нее признаков господствующего класса с соответствующими экономическими интересами. Для окончательного ее формирования как класса было необходимо превращение государственной собственности в частную. Подобное превращение требовало отказа от социалистической идеологии как государственной и установление идеологии буржуазной. Соответственно, возникала необходимость определенного переворота в сознании той же номенклатуры.

Благодаря «ползучей либерализации» у партийно-хозяйственной элиты созревала готовность к подобному перевороту. Социалистическая форма мобилизационного общества становилась ей в тягость, так как требовала от нее самоограничения и бескорыстного служения народу. Между тем, когда объективно отпадала необходимость в тотальной мобилизованности, систему управления начал разъедать обыкновенный бюрократизм и формализм, явившиеся обратной стороной либерализма. И поскольку родовым признаком бюрократии является стремление избегать ответственности, которая в мобилизационном обществе имеет повышенное значение, то и в верхах стало зреть недовольство существующей системой.

Частично высокая ответственность номенклатуры, особенно ее высших представителей, компенсировалась большой властью. Но эта власть не могла воплотиться в личном материальном богатстве, как это происходит в западных странах. Правда, власть давала привилегии, являвшиеся формой вознаграждения за повышенную ответственность. Но мера ответственности у советской правящей элиты намного превышала меру вознаграждения. Ее привилегии не шли ни в какое сравнение с теми благами, которые имели их «коллеги» в странах Запада. На фоне того, что имели правящие круги западных стран, «привилегии» советской номенклатуры многим ее представителям казались жалкими и ничего, кроме горечи и обиды на существовавшую в СССР общественную систему, не вызывали. В самом деле, если уровень жизни большей части населения СССР был вполне сравнимым с уровнем жизни такой же части населения западных стран, то уровень жизни советской элиты, по оценкам, уступал уровню жизни элиты западных стран более чем в 10 раз. Для нее это был уровень «настоящей нищеты». К тому же и этот уровень приходилось скрывать. Последнее создавало у простых людей впечатление, усиливаемое «фено-

меном секретности», о наличии у номенклатуры каких-то необыкновенных, поистине «царских» привилегий.

Немаловажным было и то, что имевшиеся у высшей элиты привилегии опять же не могли стать объектом частной собственности и быть переданы по наследству. Дети номенклатуры были вынуждены не без труда карабкаться по номенклатурной лестнице пусть даже и с помощью родителей. Привилегии могли быть легко утрачены, особенно после выхода на пенсию, хотя добывались большим трудом. И это также рождало экономический интерес в обладании собственностью через ее превращение из государственной в свою – частную. На этом пути социализм становился помехой, которую следовало устранить. Идеалом общественного устройства для номенклатуры стало западное буржуазное общество, которое его идеологи характеризовали как «цивилизованное».

В устремленности к этому идеалу партийно-хозяйственная номенклатура нашла поддержку у творческой элиты, вынужденной «творить» в довольно строгих морально-нравственных рамках «социалистического реализма». Наличие таких рамок она рассматривала как отсутствие «свободы творчества». Определенные рамки накладывались и на поведение элиты. Если за рубежом ее представители могли свои пороки не скрывать, а наоборот, их открыто демонстрировать, то в СССР им приходилось если не быть, то казаться людьми, близкими по своему содержанию к требованиям библейских заповедей, воспроизведенных в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Скрывать пороки, особенно те, которые в буржуазном обществе не скрывают, а выставляют напоказ, было для значительной части советской элиты поистине адской мукой.

Особенно тяжело переносили мобилизованность те, кто время от времени выезжал за границу, где имел возможность «расслабиться», «вкусить» того, чего не было у себя в стране. Многих деятелей искусства и спорта будоражили казавшиеся фантастическими гонорары, которые получали нередко менее талантливые, чем они, заграничные звезды. В результате таких поездок росла привлекательность Запада, а по отношению к собственному государству накапливалось недовольство, а у определенной части элиты и враждебность. Возникновение того, что в постперестроечный период получило название «пятой колонны», в этих условиях было неизбежным. Опасность для существования мобилизационного общества такой «колонны» заключалась в том, что она возникла в его «верхах».

При анализе причин возникновения подобной «колонны» именно среди верхушки советского общества нельзя также не учитывать противоречие между обусловленной мобилизованностью определенной замкнутостью советского общества и начавшимся в 70-х гг. процессом неолиберальной глобализации. Этот процесс, происходивший под диктовку сильных эконо-

мически и вооруженных мощным информационно-пропагандистским оружием транснациональных сил Запада, охватил практически все стороны жизни, включая экономику, науку, культуру, искусство, моду. Противопоставить этому процессу что-то адекватное СССР не мог, и нахождение советской элиты за его пределами создавало у нее впечатление отрыва своей страны от «общецивилизационного мэйнстрима».

Между тем глобализация привела к формированию мировой элиты, в которую входили не только крупные бизнесмены и политики с мировым именем, но и представители средств массовой информации, спорта, культуры, искусства, моды. Советская партийная, хозяйственная, научная, культурная, спортивная и прочая элита оказывалась в стороне от этого процесса и не могла не испытывать определенного комплекса неполноценности. Ее представителям тоже хотелось быть «цивилизованными», иметь на банковских счетах и в акциях миллионы и даже миллиарды и не скрывать этого, играть по-крупному на биржах, испытывать азарт политических игр, участвовать во «встречах без галстуков», организовывать «презентации», «брифинги» и т.п.

У такого рода устремлений были и исторические корни, обусловленные опять же традиционной российской мобилизованностью, которая не могла не отразиться на отношении русских к иностранцам, особенно к европейцам. С одной стороны, она стимулировала настороженность к ним – уж очень часто с западными странами приходилось воевать, с другой – повышенный интерес, переходящий в зависть. Жизнь на Западе казалась более комфортной, свободной, не обремененной грузом традиций и запретов, характерных для российского общества. Отсюда произрастала упоминавшаяся ранее «смердяковщина» и такие далеко не красящие российскую историю явления, как сдача боярами Москвы полякам и провозглашение царем польского ставленника Лжедмитрия I в 1605 г., бирюзовщина в послепетровские времена, фактическая подчиненность Временного правительства в 1917 г. финансовым кругам стран Антанты.

Советская элита стала тяготиться мобилизованностью и тянуться к либерализму еще в большей степени, чем элита дореволюционная, так как, став по существу высшим сословием мощнейшего государства, она не имела соответствующего институционально-правового закрепления своего статуса, по сравнению со своими западными «коллегами» была весьма стеснена необходимостью соблюдать истинно пуританские принципы социализма. Становится объяснимым в этой связи стремление как космополитической, так и националистической ее части радикально изменить свое положение даже ценой развала государства. Более того, разделение единого советского государства на десятки отдельных независимых государств позволяло ей более успешно институционально закреп-

пить свое положение с учетом национальной специфики этих государств.

Тем самым в СССР сложилась ситуация, при которой «верхи не хотели управлять по-старому». Это нежелание особенно усилилось в относительно благополучный «застойный период» правления Брежнева, когда ослабла система отбора номенклатурных кадров, в КПСС начали вступать ради более легкой жизни, когда началось перерождение номенклатуры. Будущие «радикальные реформаторы», начиная с Ельцина и кончая Гайдаром, – продукт брежневских времен.

Таким образом, внутренние и внешние условия, в которых находилась страна, вели к тому, что у советской номенклатуры зрела готовность к имевшейся власти добавить капитал либо обменять эту власть на капитал. В результате возникло казалось бы необычное родство потомков «красных комиссаров», воевавших за рабочее дело, с «поручиками Голицыными и корнетами Оболенскими» как представителями класса господ. Лишь сохранение принципов социализма не давало номенклатуре окончательно оторваться от народа и стать господами.

Разумеется, не все представители номенклатуры и творческой элиты жаждали реализации подобного сценария. Были и те, кто оставался верен социалистическим идеалам, гражданскому и патриотическому долгу. Но традиционная зависимость общества и его субъектов от «вождя», на роль которого в 1985 г. был выдвинут Горбачев, обусловила то, что такие люди в период «перестройки» стали объявляться «консерваторами», устранившись с руководящих постов и превращаясь в настоящих изгоев.

Начавшийся в доперестроечный период классовобразующий процесс находил отражение в экономике, в системе социально-экономических отношений, в том числе в отношениях номенклатуры и остального населения страны. Мы видели, что по мере того, как экономика утрачивала как мобилизованность, так и социалистичность в силу расширения сферы товарно-денежных отношений, происходило все большее отчуждение трудящихся от собственности на средства производства. При этом, однако, незыблемой оставалась политическая система «мобилизационного социализма» в силу его консерватизма со всеми институтами, ритуалами, с продолжавшейся гонкой вооружений, то и дело возникавшим дефицитом различных товаров. У населения в этих условиях накапливалась усталость, напоминая усталость воинов, которые после длительной защиты своей крепости утратили понимание необходимости ее защиты и мечтающие о спокойной мирной жизни. Рано или поздно в обществе должна была возникнуть ситуация, когда «низы не могли жить по-старому». В такой ситуации тем, кто стремился к изменению общественного строя, оставалось «подбросить» этим «низам» идею, за которую те были готовы ухватиться как утопающий за соломинку и тем самым «по-

лучить поддержку масс». Этой идеей под внешней оболочкой лозунга «Так жить нельзя!» стала идея разрушения существующей в стране общественной системы. Как видим, ее возникновение – результат совсем не классической ситуации, при которой «верхи не хотели управлять, а низы не могли жить по-старому».

В первую очередь идея охватила умы «верхов», включая Генерального секретаря КПСС Горбачева, давшего команду сначала на критику «недостатков», а затем на «разоблачение преступлений сталинизма» и, наконец, на опорочивание всего советского строя. «...Именно руками номенклатурных вельмож, у которых возобладали узкоэгоистические интересы и властные побуждения, разрушались СССР и КПСС», – пишет В.Т. Рязанов¹.

После мощной пропагандистской обработки населения в ходе развернувшейся кампании «гласности и открытости» идея разрушения охватила и значительную часть «низов». Уже на выборах народных депутатов СССР в 1989 г. многие кандидаты открыто шли под лозунгами «разрушения системы». Типичной в этом плане была программа Г. Бурбулиса. Во время предвыборной кампании на встречах с избирателями г. Свердловска в ответ на вопрос, какую систему он предлагает взамен разрушаемой, откровенно отвечал: «Не знаю, главное разрушить, а там видно будет»². Однако непровинциальные «демократы» уже взяли за образец западное общество, которое им хотелось создать на развалинах советского общества. Во-первых, именно оно в наибольшей степени отвечало субъективным устремлениям элиты, требовавшей завершения своего оформления как господствующего класса. Во-вторых, в отличие от советского общества оно казалось достаточно понятным.

Отсутствие знания советского общества было заполнено сначала его критикой, а затем разного рода «разоблачениями», переходящими в какое-то садистское бичевание прошлого и настоящего советского общества, так что к концу «перестройки» на нем не осталось ни одного сколько-нибудь светлого пятнышка. Идея разрушения породила идею «нелигитимности» СССР, отрицание всего, что с ним связано: политических институтов, государственной собственности, планирования, социальных гарантий, самой идеи социализма.

Несомненно то, что в основании столь разрушительных тенденций было отмеченное нами противоречивое переплетение мобилизационности и социализма. Объективная необходимость ухода от тотальной моби-

лизационности «радикалами» воспринималась как необходимость ухода от социализма вообще. Неудивительно, что партийные идеологи, «уставшие» выдавать форму за содержание, в период капиталистической реставрации стали особенно яркими антикоммунистами, «непримиримыми» критиками социализма и советского строя. Во многом по той же причине «специалисты» в области политэкономии социализма превратились в ярых либералов-рыночников.

Несмотря на возникновение в СССР внутренних сил разрушения, импульсы этого разрушения все-таки исходили извне. Мы видели, что экономика СССР была мобилизационной прежде всего в силу необходимости противодействовать внешней угрозе стране. В послевоенный период она в большей мере реагировала на военно-политические действия США и других стран НАТО, чем на внутренние факторы. Уже отмечалось, что реформы 50-х, 60-х и 70-х гг., по существу, сворачивались при осложнении международной обстановки, которая требовала усиления мобилизационности. Данное обстоятельство позволило правящим кругам Запада инициировать внутренние факторы разрушения советской экономики, стимулировать их и дополнить внешними факторами.

Подрыву советской экономики извне способствовало то, что в силу своей консервативности она не смогла должным образом перестроиться на противодействие «холодной войне» и по-прежнему была ориентирована на угрозу возникновения войны «горячей». Главным оружием в этой войне стало информационно-пропагандистское, которое, как показал исход войны, обладает не менее разрушительным эффектом, чем ядерное оружие¹. Однако долгое время достоинства социализма считались столь очевидными, а приверженность населения к идеям социального равенства и справедливости столь прочной, что усилия западных идеологов по внедрению в умы советских людей буржуазных ценностей казались советскому руководству «пустыми хлопотами». Настоящая опасность для страны виделась в войне «горячей». Но, как мы уже отмечали, затянувшаяся мобилизационность рождала у населения определенную «усталость», а подмена социализма мобилизационностью подтачивала веру людей в социализм.

Положение усугублялось проводимой руководством СССР в 60 – 70-х гг. политикой мирного сосуществования и разрядки международных отношений. Такая политика скрывала от населения существование реальных угроз стране извне. Не зная этих угроз, население все более тяготилось мобилизационностью. Попытки правящих кругов оживить мобилизационность путем проведения разного рода парадных мероприятий в

¹ Рязанов В.Т. Указ. соч. С. 230.

² Г. Бурбулис получил в г. Свердловске известность благодаря созданному в 1989 г. горкомом КПСС дискуссионному клубу «Свободная трибуна». Как искусственному преподавателю научного коммунизма горком поручил ему вести заседания этой «Трибуны».

¹ Подробно о применении этого оружия см.: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003.

виде подготовок к юбилеям, съездам и т.д. лишь усиливали апатию и усталость как «верхов», так и «низов».

Совершенно очевидно, что «холодная война» требовала более четкого понимания исходящих от нее угроз и проведения другой политики, прежде всего политики, направленной на слом воздвигнутого Западом вокруг СССР «железного занавеса». Большая открытость советского общества при его готовности к отпору в случае угрозы «горячей» войны способствовала бы разрешению многих возникших в СССР противоречий. Однако отсутствие у руководства страны необходимых знаний о советском обществе препятствовало переходу к такой политике.

Между тем если в СССР, по существу, не было достаточно четкого представления о советском обществе, то этого нельзя сказать о западной науке, прежде всего американской. В США официально существовали такие науки, как советология и кремленология, представители которых неплохо видели слабые и сильные стороны советского общества и хорошо представляли пути и способы его разрушения. Знали они и последствия такого разрушения.

В этой связи сошлемся на книгу корреспондента американской газеты «Вашингтон пост» в Москве Р. Кайзера «Россия», изданную в 1979 г.¹ В книге можно найти весьма упрощенную, но в главном довольно точную модель советского общества.

На рис. 6 мы видим, что модель общества предстает в виде шара, находящегося в углублении платформы, представляющей собой систему ценностей советского общества. Положение шара характеризуется как устойчивое. Но его устойчивость обеспечивается неподвижностью платформы, на которой он находится. В случае, если платформа придет в движение либо на шар будет оказано внешнее воздействие, то он покажется, навсегда утратив устойчивость.

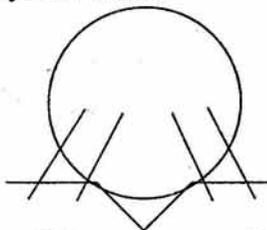

Рис. 6. Модель советского общества

Для того, чтобы этого не произошло, шар жестко привязан к платформе соответствующими креплениями. В советском обществе, указывал

Р. Кайзер, роль таких креплений играли КПСС, КГБ, система идеологической работы с населением и армия. Значит, разрушение советского общества возможно путем расшатывания платформы, определяемой состоянием экономической, социальной и политической сфер общества, и одновременно путем ослабления КПСС, КГБ, идеологии и армии вплоть до их «обрыва». Если к этому добавить внешние удары, тогда устойчивость общества будет утрачена и оно подобно шару, выпавшему из углубления, покатится вниз и будет катиться до тех пор, пока не рассыпется на отдельные части. Модель указывала также на относительную простоту советского общества и на возможность просчитывания реакции его руководителей в ответ на те или иные действия западных спецслужб.

Имея стратегически точное представление о положении СССР и будучи способными моделировать поведение его руководителей и различных слоев населения в тех или иных ситуациях, США с середины 70-х гг. вкуче с другими странами НАТО стали проводить свою антисоветскую политику по двум основным направлениям.

Первое направление предполагало проведение мер, заставляющих СССР значительную часть своих ресурсов направлять на нужды обороны. В этой связи США и весь блок НАТО непрерывно наращивали военные расходы. В основном они направлялись на производство наступательного оружия, создавая тем самым необходимость принятия симметричных мер со стороны СССР. Кроме того, провоцировались международные конфликты в регионах, где затрагивались интересы СССР (Восточно-Африканский Рог, Карибский бассейн, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и т.д.), в том числе создавались условия для крупномасштабного вовлечения советских войск в локальные конфликты на территории зарубежных государств, как это произошло в Афганистане.

Так, с начала 80-х гг. США и страны НАТО в расчете на истощение экономики СССР заметно усилили гонку вооружений. Особенно опасной для СССР считалась объявленная США стратегическая оборонная инициатива (СОИ), предполагавшая перенос гонки вооружений в космос и требовавшая от СССР для адекватного ответа огромных средств. В это же время США, спровоцировавшие в 1979 г. ввод советских войск в Афганистан, оказывали массированную поддержку афганским моджахедам, заставляя советское руководство тратить значительные средства на борьбу с ними.

Наконец, осуществлялись прямые провокации на границах и на самой территории СССР. «Есть объективный факт: за всю историю СССР ни один его боевой самолет не вторгся в воздушное пространство США, не совершал облетов территории этой страны, не вел в ее воздушном пространстве боев. Но за пятьдесят лет противостояния над террито-

¹ Keiser R. Russia. N.Y., 1979.

рией СССР было сбито более тридцати боевых разведывательных самолетов США. В воздушных боях над нашей территорией мы потеряли 5 боевых самолетов, американцами было сбито несколько наших транспортно-пассажирских бортов. А всего было зафиксировано более пяти тысяч нарушений нашей государственной границы американскими самолетами. То есть почти по сто в год. За это же время на территории СССР было выявлено и задержано больше ста сорока парашютистов-диверсантов, имеющих вполне конкретные задания по ведению диверсий на нашей территории»¹.

Второе направление антисоветской политики США заключается в проведении тайных операций против СССР. Согласно определению одного из ведущих американских специалистов по вопросам разведывательной деятельности США Д. Ричельсона, к тайным операциям относятся: 1) оказание влияния на политических, государственных и общественных деятелей зарубежных стран; 2) создание выгодной для США ориентации общественного мнения в зарубежных странах; 3) оказание финансовой поддержки и материально-технической помощи (включая снабжение оружием и боеприпасами) политическим партиям, группам, фирмам, организациям и отдельным лицам, деятельность которых отвечает государственным интересам США; 4) пропагандистские мероприятия; 5) политические и полувойенные акции с целью поддержки или свержения существующих в зарубежных странах режимов; 6) физическая ликвидация отдельных лиц².

Цель этих операций была обозначена в упомянутом нами меморандуме Совета национальной безопасности США, где прямо сказано: «Наша первая цель в отношении России – поощрять и активно содействовать путем применения средств, граничащих с войной, уничтожению советского влияния в Восточной Европе и превращению этого региона в сферу нашего влияния. Вторая цель – изменение границ Советского Союза и отделение от него в первую очередь балтийских стран и Украины. Для этой цели надлежит поощрять и инициировать любые сепаратистские движения, правильно организованные, они являются самым лучшим средством для уничтожения советской военной мощи и расчленения СССР»³.

В соответствии с этой целью в начале 80-х гг., когда у американских советологов и кремленологов появилось достаточно точное представление о советском обществе и обнаружилась возможность его быстрого разрушения, Рейганом вместе с несколькими особо доверенными советниками был разработан конкретный план развала социалистического лагеря, ослабления экономической мощи и влияния СССР с последующим

разрушением не только существовавшего в нем общественного строя, но и разрушения СССР как страны. По признанию К. Уайнбергера, «была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Это была супертайная операция, проводимая не в содействии с союзниками, а с использованием других средств»¹.

Основные пункты программы системного разрушения СССР хорошо изложены в книге польского автора П. Швейцера с названием «Победа», примечательным образом перекликающимся с названием ранее упомянутой книги Р. Кайзера. Они включали в себя:

«- тайную финансовую, разведывательную помощь движению «Солідарность» в Польше, что гарантировало сохранение оппозиции в центре Советской империи;

- значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, дающие им возможность распространения войны на территорию Советского Союза;

- кампании по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также ограничения экспорта советского природного газа на Запад;

- всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства;

- комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям;

- широко организованную техническую дезинформацию с целью разрушения советской экономики;

- рост вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов»².

Завершающий этап «перестройки» показывает, насколько пунктуально выполнялся этот план.

4.2. Перестроечный механизм разрушения экономики СССР

Мобилизационность явилась фактором строительства второй по экономической и военной мощи державы мира. Она же стала катализатором действия как внутренних, так и внешних сил разрушения СССР.

Зависимость состояния мобилизационной экономики от лица, стоя-

¹ Завтра. 2002. № 8. С. 5.

² См.: Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 73.

³ Цит. по: Кудинов В.П. Указ. соч. С. 15.

¹ См.: Швейцер П. Победа: Пер. с пол. Минск, 1995. С. 13.

² Там же. С. 18 – 19.

щего во главе государства, создавала возможность осуществления так называемой «революции сверху», в том числе «революции» с гибельным для страны исходом. Поэтому судьба СССР во многом была предрешена приходом в 1985 г. к власти М.С. Горбачева.

В самом деле, Горбачев оказался фигурой, наиболее пригодной к манипулированию со стороны. Есть свидетельства того, что его приход к власти произошел не без помощи извне¹. Анализируя его политику, исследователи отмечают: «Горбачев фактически следовал директивам руководства Запада»². Именно с его помощью удалось успешно реализовать два основных направления разрушения советской экономики и общества. Первое – расшатывание «платформы», на которой держалось общество, и второе – обрыв «креплений», привязывавших общество к «платформе». Следует признать, что оба направления были блестяще реализованы в ходе «перестройки»³.

Расшатывание началось с политики «ускорения». Официально она предполагала рост инвестиционной активности путем направления значительной части национального дохода на накопление и модернизацию производственного аппарата страны. Это было объективно необходимо. Но поскольку под давлением США западные страны ограничивали поставки в СССР новейшего оборудования и технологий, значительные средства пришлось направлять на развитие машиностроительной промышленности и в итоге усугубилась проблема обеспечения населения потребительскими товарами, так как инвестиции пошли на развитие отраслей первого подразделения. Между тем была совершенно очевидной необходимость увеличения производства товаров народного потребления, особенно дорогостоящих: автомобилей, телевизоров, видеомагнитофонов, персональных компьютеров, мебели, квартир, стройматериалов. Рост их производства не требовал столь больших капиталовложений. К тому же сохранялась возможность импорта в насыщении внутреннего рынка потребительских товаров.

На период «перестройки» пришла авария на Чернобыльской АЭС, потребовавшая огромных средств на ее ликвидацию и усугубившая ситуацию и с инвестициями, и с производством товаров народного потреб-

¹ См.: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Указ. соч. С.170 – 171.

² Кудинов В.П. Указ. соч. С. 27.

³ Впоследствии сам Горбачев заявлял о том, что он едва ли не с юности поставил перед собой задачу – разрушить советскую систему. Однако к этому заявлению нельзя относиться серьезно. Оно было сделано тогда, когда он оказался полководцем без армии, т.е. экс-президентом официально упраздненной его политическим противником страны. Ему как субъекту весьма недалекому, но честолюбивому для поддержания своего политического реноме и доказательства того, что как политик он все-таки оказался «на высоте», пришлось во всеуслышание заявить о том, что главной целью для него была не власть, а «пожарение коммунизма» и что этой цели он достиг.

ления. Причем сама авария, первоначальные попытки создать завесу секретности вокруг нее, ход устранения ее последствий путем ярко выраженной мобилиционности далеко не лучшего ее варианта – все это сеяло семена недовольства самой государственной системой среди различных слоев населения.

Весьма ощутимый удар по «платформе» был нанесен печально знаменитой «антиалкогольной кампанией». Эта кампания имела многоцелевое назначение, хотя и не совсем осознанное ее авторами. Во-первых, она наносила удар по традиции русского застолья, в какой-то мере связанной с мобилиционностью. Мобилиционность, требовавшая периодического сверхнапряжения, предполагала соответствующую «разрядку», «снятие напряжения». Способы подобного «снятия» могут быть разными. Но в основном преобладают формы группового или массового веселья. Для России такой формой стали застолья. В отличие от западных карнавалов, где веселятся все вместе, но каждый при этом остается сам по себе, в русском застолье каждый открыт и хорошо видно, «друг он или враг», ведь, как известно, «то, что у трезвого на уме, у пьяного на языке». Трезвые застолья, практиковавшиеся в период «антиалкогольной кампании», противоречили укоренившейся традиции, столь своеобразно связанной с мобилиционностью, и в этом смысле давали скорее отрицательный, чем положительный эффект.

Во-вторых, «антиалкогольная кампания» способствовала росту неотovarенных денег и тем самым усиливала проблему товарного дефицита.

В-третьих, она наносила мощный удар по госбюджету, значительная часть которого формировалась за счет средств от продажи виноводочных изделий. За три года антиалкогольной кампании бюджет недополучил не менее 67 млрд р.¹

В-четвертых, эта «кампания» должна была вызвать открытое недовольство народа политикой государства. В этой связи в винных магазинах создавались огромные очереди, в некоторых городах власти всенародно демонстрировали разбивание бутылок, осуществлялась вырубка элитных виноградников. Одновременно появилась токсикомания, возросло самогонварение, стал исчезать сахар из продажи. В конечном итоге «антиалкогольная кампания» способствовала тому, что население страивалось не столько против местных чересчур ретивых властей, сколько против самой общественной системы.

В-пятых, «кампания» привела к возникновению мафии, из которой стал рекрутироваться наиболее состоятельный и влиятельный класс предпринимателей с соответствующими экономическими интересами и

¹ См.: Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 2001. С. 101.

политическими устремлениями, направленными на слом господствовавшей общественной системы. Возникновение нового класса сопровождалось его сращиванием с хозяйственно-партийной номенклатурой, обеспечившей необходимые организационные и идеологические условия для разрушения системы. Далеко не случайно, что в 1988 г. было принято закрытое постановление Секретариата ЦК КПСС о разрешении номенклатурным работникам делать покупки стоимостью до 10 тыс. долл. без объяснения источников возникновения валюты. По существу это означало негласное разрешение коррупции и работы на иностранные органы в качестве «агентов влияния» или просто агентов. Тогда же была ликвидирована выездная комиссия ЦК КПСС, которая следила за выездами чиновников за рубеж и ограничивала эти выезды.

Определенные проблемы рождала начавшаяся в 1986 г. борьба с «нетрудовыми доходами», направленная на преследование продажи продукции, производимой в личных подсобных хозяйствах, и на ограничение индивидуально-трудовой деятельности.

Важную роль в разрушении экономики сыграла введенная в 1987 г. на предприятиях госприемка производимой продукции. Официально она должна была повысить качество последней. В результате часть произведенной продукции не доходила до потребителей. В первую очередь это касалось товаров народного потребления – телевизоров, радиотехники, бытовой техники и т.п. Впоследствии «бракованная» при госприемке продукция стала объектом экспорта нарождавшихся частных собственников и одним из источников первоначального накопления их капитала.

В целом на первом этапе «перестройки» (с 1985 г. до середины 1987 г.) руководством СССР был сделан резкий крен в сторону усиления мобилизационности. В этот период советская экономика предстала как командная экономика в явно утрированном виде, близкой к той, которую рисовали западные «эксперты» по советской экономике. Это не может не наводить на мысль о сознательных действиях, направленных на окончательную дискредитацию экономики СССР в глазах населения с ее последующей заменой другой экономической системой. Примечательно, что общее направление «перестройки» на этом этапе шло под лозунгом «Больше социализма!».

В самом деле, этот лозунг отражал необходимость ухода от подмены социализма мобилизационностью, укрепление и развитие социалистического начала в обществе. На деле происходило противоположное – под этим лозунгом усиливался не социализм, а мобилизационность в ее довольно вульгарном виде. Именно настоящего социализма более всего боялась тяготившаяся социалистическими ограничениями «радикальная» часть номенклатуры и ее внешние союзники. Для того чтобы успешно осуществить оконча-

тельный отход от социализма, номенклатуре был необходим достаточно влиятельный внутренний союзник, способный материально обеспечить кампанию по реставрации капитализма. По существу речь шла о формировании класса капиталистов, рядом с которым и над которым бронировала себе место номенклатура. Эта задача была решена на следующем этапе «перестройки», который начался во второй половине 1987 г. Крен влево был заменен креном вправо, означавшим поворот в сторону развития рыночных отношений и демократической перестройки политической системы общества.

В этом году был принят «Закон о государственном предприятии», по которому руководителям предприятий предоставлялись исключительно широкие полномочия, включая право самостоятельного выхода на внешний рынок, осуществления совместной деятельности с иностранными партнерами и т.п. Предоставлялась большая свобода распоряжаться прибылью, в том числе ее можно было вкладывать в производство или в повышение заработной платы.

Данное направление «перестройки», с одной стороны, вело к усилению дезорганизации экономики, а с другой – создавало возможность возникновения при государственных предприятиях частнособственнических структур в виде кооперативов. С 1988 г. началось форсированное формирование кооперативного сектора в экономике, что расширяло социально-классовую базу будущих «радикальных рыночных реформ» за счет кооператоров. Это облегчало возможность легализации капитала криминалитета и сращивания последнего с партийно-хозяйственной номенклатурой, поскольку появившиеся реальные собственники распространили среди нее настоящую «эпидемию» обладания собственностью.

Таким образом, «перестройка» вместо того, чтобы менять хозяйственный механизм на основе соответствующих изменений в организационно-экономических отношениях и через это развивать социалистические социально-экономические отношения, оказалась направленной на их замену другими – капиталистическими отношениями. Но эта замена должна была произойти в результате полной дезорганизации хозяйственного механизма общества. По мере углубления «перестройки» происходило открытое разрушение системы управления АПК, машиностроения и строительства – стержневых отраслей экономики СССР, а затем и всей системы народнохозяйственного управления. Экономика искусственно подталкивалась к кризису. Если прежние реформы были направлены на то, чтобы не допустить кризиса экономики, и обеспечивали это, то «перестройка» всем своим ходом вела к кризису, который изначально нес разрушительные для экономики и страны следствия.

На состояние экономики особенно губительно действовало наращивание денежной массы в обороте. Так, за один только 1988 г. денежная масса в

обращении удвоилась при незначительном росте объема продаваемых товаров. Если ежегодный прирост денежных доходов населения в СССР в 1981 – 1987 гг. составлял в среднем 15,7 млрд р., то в 1988 – 1990 гг. он возрос до 66,7 млрд р.¹ Ситуацию усугубляли появившиеся совместные предприятия, создаваемые представителями нарождающегося класса отечественной буржуазии вместе с иностранными фирмами, основным занятием которых был вывоз товаров за рубеж по ценам, определяемым соотношением курсов валют на «черном рынке». Например, товары продавались из расчета соотношения доллара к рублю 1:20, а затем валютная выручка менялась на рубли в соотношении 1:40. Таким образом сколачивались капиталы для будущей приватизации государственных предприятий.

Между тем массовый вывоз потребительских товаров за рубеж вел к обеднению и без того небогатого внутреннего рынка. В 1991 г. вывоз особо дефицитных потребительских товаров за рубеж стал превышать объем их продаж внутри страны (табл. 9).

Таблица 9

Объем продаж товаров народного потребления в стране и объем их вывоза за рубеж в 1991 г. (млн шт.)

Наименование товара	Продано в СССР	Вывезено за рубеж
Холодильники	3,448	3,152
Магнитофоны	4,085	2,516
Пылесосы	3,363	2,631
Мясорубки	0,350	0,650
Магнитолы	0,450	0,750
Радиоприемники	5,310	3,589
Швейные машины	0,976	0,624
Стиральные машины	3,876	3,724
Фотоаппараты	1,400	1,600
Часы	20	56
Автомобили	0,200	0,720
Телевизоры	2,500	7,420

Источник: Советская Россия. 2003. 25 янв.; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001. Кн. 2. С.279.

В 1990 – 1991 гг. объем товаров, оставшихся в стране и направлявшихся на потребительские рынки, сократился почти вдвое по сравнению с доперестроечным периодом². Значительная часть произведенного откладывалась в товарных запасах в ожидании либерализации цен. Товарный дефицит перешел все допустимые границы. Появились талоны, в том числе на товары, еще недавно в изобилии лежавшие на прилавках магазинов.

¹ См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 2. С. 279.

² Там же. С. 376.

В ходе «перестройки» в СССР возникла проблема дефицита союзного бюджета и государственного долга. Дефицит в 13,9 млрд р., возникший уже в 1985 г., в 1990 г. достиг 41,4 млрд, а за 9 месяцев 1991 г. – 89 млрд. За это же время в десять раз сократился золотой запас страны – с 2000 т в 1985 г. до 200 т в 1991 г. Если в 1985 г. внешний долг у СССР практически отсутствовал, то в 1991 г. он составил почти 120 млрд р.¹ Немаловажную роль в этом сыграло инициированное США понижение в конце 80-х гг. цен на нефть на мировых рынках, доходы от экспорта которой весьма существенно подпитывали бюджет СССР. Достаточно наглядно нарастание финансовых проблем в стране показано в табл. 10. Тем самым по экономической безопасности страны был нанесен довольно мощный удар.

Таблица 10

Основные финансовые показатели СССР в 1986 – 1990 гг. и России в 1991 г.

Показатели	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Темпы роста розничных цен (%)	1,3	1,5	0,8	2,8	6,8	168,0
Дефицит госбюджета:						
млрд р.	49,6	69,2	80,8	80,2	75,5	415,1
% к ВВП	6,2	8,4	9,2	8,5	7,9	31,9
Темпы роста наличных денег (%)	6,1	7,8	13,6	19,5	24,3	120,3

Источник: Артемова О.В. Стабилизация и экономический рост в условиях цикличности (макроэкономический подход). Челябинск: Челяб. Дом печати, 2002. С. 102.

С провозглашением в 1990 г. «суверенитета» Российской Федерации стало происходить обособление бюджета РСФСР от бюджета СССР. Это нарушило единство финансов СССР и в конечном итоге привело к развалу всей финансовой системы СССР.

Попытки советского руководства обратиться за кредитами, необходимыми для структурной перестройки экономики, к финансовым кругам США наталкивались на открытое противодействие госдепартамента этой страны. «Становилось ясно, – писал последний глава советского правительства В.С. Павлов, – что Белый дом и Конгресс ведут с нами сугубо политическую игру, не испытывая ни малейшего желания всерьез способствовать рыночным преобразованиям советской экономики. Призывы к рынку были лишь камуфляжем, декларативными заявлениями...»²

Наряду с дезорганизацией экономики на втором этапе «перестройки» началось разрушение институтов мобилизационной экономики. С точки

¹ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. С.772.

² Павлов В. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995. С.300.

зрения модели Р. Кайзера это означало, что одновременно с расшатыванием «платформы» происходил обрыв «креплений» общественной системы. Сигналом к этому послужило выступление Ельцина на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 г. с критикой сложившихся в руководстве КПСС порядков. Кампания по «обрыву креплений» привела к проведению в 1989 г. первых «свободных», «демократических» выборов в Верховный Совет СССР. В этих выборах КПСС участвовала не как «руководящая и направляющая» сила, а как одна из сил. Сам этот факт говорил о подрыве важнейшего столпа государственной системы. Но этим дело не ограничилось. КПСС стала представляться как «оплот консервативных сил», а затем и как «узурпировавшая власть антинародная сила».

Большую роль в этой связи сыграли средства массовой информации страны, все большая часть которых попадала под контроль сил разрушения. Благодаря им политика «гласности и открытости» приобрела ярко выраженный антисоветский и антисоциалистический характер. По степени злобности к СССР, к его истории и уровню активности в пропаганде западного образа жизни отечественные СМИ намного превзошли западные информационно-пропагандистские центры, созданные в годы «холодной войны» в целях борьбы с СССР. С их помощью наряду с КПСС удалось подрубить и другие опоры – органы национальной безопасности, армию, социалистическую и национально-патриотическую идеологию. С крушением этих основополагающих столпов, особенно с подрывом прежних идеологических установок, почти автоматически шло разрушение экономики и страны.

Наиболее разрушительный эффект дало внушение населению СССР идеи об отсутствии внешних угроз для страны, что-де это Советский Союз представляет угрозу для «цивилизованного» мира. На исходе периода «перестройки» в конце 80-х гг. идея отсутствия внешних угроз открыто пропагандировалась даже с трибуны съезда народных депутатов СССР. Например, устами одного авторитетного в области медицины академика было сказано, что завоевывать СССР «ни один дурак» не будет, так как в плену окажутся почти 300 млн жителей страны, которых победителям надо будет кормить. Параллельно телевидение демонстрировало условия содержания заключенных в тюрьмах западных стран, подробно расписывался рацион их питания, давался входящий в него перечень блюд, экзотических фруктов и напитков, подсчитывались квадратные метры площади камер, в которых содержались заключенные, число каналов, которые принимали их телевизоры, и т.д. Далее упоминались конвенции, подписанные этими странами, согласно которым условия содержания пленных должны быть не хуже условий заключенных в этих странах.

Поскольку все же нельзя было отрицать тот факт, что Запад вел против СССР «холодную войну», то появились идеи добровольной сдачи на ми-

лость победителя, с тем чтобы автоматически оказаться в тех «райских» условиях, в которых пребывают заключенные «цивилизованных» стран. Некоторые депутаты доходили до того, что с трибуны во всеулышание высказывали сожаление о том, что в свое время немцам не удалось победить СССР, так как в этом случае советские люди имели бы жизненный уровень «как в Германии». Рвавшиеся к власти смердяковы на этот раз хотели не ошибиться и сдать страну самой богатой стране мира, чтобы жизнь в стране была «как в Америке». То, что такие предложения многими воспринимались не в виде глупой шутки, а вполне серьезно, говорит о том, что у людей был не только сломлен «дух мобилизованности», но и нарушена способность разумно мыслить. Сама по себе идея о том, что СССР никто не угрожал и не угрожает, что это-де он за все время своего существования угрожал «цивилизованному миру», оказалась наиболее разрушительной. Она отрицала историческую необходимость мобилизационной экономики в СССР, превращая историю страны из «героической» в «преступную». С внедрением подобных идей в умы людей кризис советской экономики и общества стал переходить в катастрофу.

Для окончательного поражения СССР планировалось создание в стране голода и на волне «голодных бунтов» проведение смены власти. Были определены лица, которым отводилась роль «реформаторов» и которые должны были приступить к «реформам» в условиях, когда умами людей завладела мысль о том, что «так жить нельзя» и «хуже, чем было, не будет». Создание атмосферы голода должно было оправдать любые, самые бесчеловечные действия «реформаторов».

Однако угроза голода была предотвращена созданием в августе 1991 г. Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). ГКЧП сорвал первую часть плана, но ускорил и значительно упростил выполнение второй – приход к власти правительства «демократов». С этим приходом голод уже был не нужен, так как вина за него легла бы уже на новое правительство. Так что ГКЧП даже своим поражением оказал народу большую услугу. Запрограммированность голода в СССР осталась лишь в сознании жителей западных стран, которые летом, еще до августа 1991 г., организовывали посылки с продовольствием для отправки в СССР. До сих пор многие из них уверены, что голод в СССР все-таки был и только «победа демократии» помогла его устранить.

«Победа демократии» подвела окончательную черту под мобилизационной экономикой и самим СССР как государством. 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще произошла официальная «сдача крепости» – СССР прекратил свое существование и был разделен на отдельные части.

Тот факт, что экономика и общество длительное время сохраняли мобилизационный характер, объясняет причины столь быстрого крушения

СССР. Точно так же распадается разбитая и деморализованная армия.

П. Швейцер, говоря о победе над СССР, совершенно обоснованно выделяет роль внешних факторов. «Советский Союз, – пишет он, – развалился не в результате стечения обстоятельств, не благодаря тому, что нам благоприятствовало время... Советский коммунизм не был организмом, способным на самопожирание, ни в какой международной обстановке... Он был вынужден терять живую кровь в гонке с более подготовленным противником»¹.

Очевидно, что при всей значимости роли США и других стран НАТО в разгроме СССР, корни этого процесса все-таки находились внутри страны. Но ясно и то, что без управления и координации внутренних сил разрушения, в том числе с помощью западных агентов, открыто действовавших в стране в конце 80-х – начале 90-х гг., сделать это было невозможно. Так что роль США и их соответствующих служб – исключительная.

Крушение потерпели и страны Восточной Европы, где мобилизованность под видом социалистичности была заимствована у СССР. Но в отличие от СССР у них не было объективной необходимости в тотальной мобилизованности и потому было тяготение сложившейся в послевоенный период общественной системой. Краха избежали те страны, в которых мобилизованность сохранилась в силу объективной необходимости (Куба, Северная Корея), и те, где переход к рыночным отношениям произошел без отказа от социализма (Китай, Вьетнам). Опыт последних стран подтверждает возможность эволюционного варианта перехода экономики СССР на немобилизационный путь.

4.3. Альтернативные пути реформирования экономики СССР

В годы «перестройки» в ходе идеологической обработки населения широкое распространение получила идея отклонения России от цивилизованного пути развития. До сих пор бытуют различные версии относительно сроков «отклонения», но большинство сходятся во мнении, что это произошло в связи с формированием с конца 20-х гг. «административно-командной системы». Прделанный нами анализ показывает, что в тех конкретно-исторических условиях у экономики мобилизационного типа альтернативы не было. В ином случае страна перестала бы существовать, распавшись под воздействием извне на отдельные части при любом исходе Второй мировой войны. Не исключено, что часть оставшегося населения некоторых из этих частей вполне могла бы иметь уровень и образ жизни, близкие к образцам западных государств, как это мы видим в границах Садового кольца современной Москвы. С точки зрения либе-

¹ Швейцер П. Указ. соч. С.460 – 461.

ралов, это было бы свидетельством «нормального, цивилизованного» развития, ведь им неважно, где отдельному индивиду «жить хорошо».

Советское руководство в свое время избрало другой – мобилизационный путь. Этот путь себя оправдал, свидетельством чему являются победа в Великой Отечественной войне, сохранение единства и целостности огромной страны, выход Советского государства на уровень сверхдержавы, окружение страны десятком государств-союзников, стабильная и обеспеченная жизнь всего населения, а не отдельных его классов и социальных групп.

Мы видели, что с созданием ракетно-ядерного щита международное положение страны изменилось и возникла возможность выхода из тотального мобилизационного состояния. Сама структура производительных сил советской экономики и характер экономических отношений требовали постепенного перехода на новый путь развития в течение особого и достаточно длительного переходного периода. За этот период могли быть проведены изменения в отношениях собственности, в системе управления народным хозяйством и отдельными предприятиями, проведена структурная перестройка экономики и технологическая модернизация. Все это можно было сделать на основе долгосрочной программы вывода экономики из мобилизационного состояния.

Следует отметить, что годы «перестройки» были далеко не бесплодными в научном отношении. В экономической науке появилось немало идей преобразования экономики. В том числе были предложены и необходимые программы. Близкая к требуемой была программа, разработанная Институтом экономики АН СССР под руководством акад. Л.И. Абалкина. Она была заложена в основу политики последнего советского правительства, возглавлявшегося В.С. Павловым. Были и другие предложения.

Одним из ключевых моментов большинства предложений был отказ от директивного планирования всей экономики. Действительно, анализ показывает, что директивность – главный признак мобилизационной, а не социалистической, как долгое время считали советские экономисты, экономики. Именно директивное планирование позволяло взять на учет важнейшие ресурсы общества и в централизованном порядке их использовать для достижения плановых задач. Но оно может охватывать лишь ограниченный круг ресурсов и конечных продуктов. Охватить всю номенклатуру необходимых людям благ оно не может по определению. Ориентация социалистической экономики на более полное удовлетворение потребностей людей требовала перейти к индикативному, рекомендательному планированию, оставив директивное планирование в ресурсодобывающих отраслях и ВПК. Кстати, новый подход к планированию уже давно имел научное обоснование в теории оптимального планирования Л.В. Канторовича. Соответственно, предполагалось более широкое

распространение рыночных отношений в рамках индикативных планов. Были предложения В.С. Немчинова о хозрасчетном планировании, при котором план составлялся не «сверху», а «снизу». Тем самым план становился не заданием, а заказом, весьма выгодным для предприятий.

Преобразования в экономике требовали изменений и в отношениях собственности. Здесь также имелись необходимые теоретические наработки, реализация которых позволяла реформировать экономику без особых потрясений уже в годы «перестройки». Определились два подхода к собственности. Первый предполагал индивидуализацию государственной собственности путем передачи права распоряжения и присвоения доходов от собственности на определенных условиях трудовым коллективам и частным лицам. Предлагалось это делать не келейно, а открыто, на конкурсной основе. В том числе автор данных строк предлагал ставить выбор формы разгосударствления и приватизации собственности в зависимость от ее секторной принадлежности. При этом предусматривалась возможность возврата всех прав собственности государству вместе с залогом в случае неэффективного использования государственной собственности¹.

Второй подход, напоминающий шведский вариант, был основан на социализации частной собственности, при которой право владения передается частным лицам, а права пользования, распоряжения и присвоения доходов обобществляются и используются в интересах общества через систему налогов, рабочий контроль и т.п.

Были объективные и субъективные факторы, позволявшие выполнить и обеспечить переход на иной тип экономики.

Во-первых, большие возможности скрывались в самой мобилизационности. Мы уже говорили, что мобилизационность может проявляться не только в связи с военной угрозой. Ситуация чрезвычайности возникала и в связи с необходимостью выхода из тотального мобилизационного состояния. Важно было донести до самых широких слоев населения смысл настоящей необходимости перевода экономики на новый – немобилизационный режим функционирования, что от этого зависит судьба страны с его почти 300-миллионным населением.

Решению этой задачи могли способствовать институты мобилизационной экономики: КПСС, ВЛКСМ, социалистическая идеология. Несмотря на то, что они уже подверглись эрозии, тем не менее в руководстве КПСС – как в верхних звеньях, так и в средних и низовых, среди крупных хозяйственников, руководителей предприятий сохранились те, кого можно было отнести к «солдатам партии», готовым к исполнению «особых партийных заданий». Характерный пример такого типа людей – бывший

глава правительства СССР Н.И. Рыжков, который отчетливо понимал губительность курса Горбачева, но как «солдат партии» до конца следовал за ним. Однако партийная дисциплина здесь была использована не на реформирование страны, а на ее разрушение.

Большие мобилизационные возможности скрывались в социалистической форме общества. Как мы уже отмечали, «перестройка» началась под лозунгом «Больше социализма!». Лозунг был встречен с энтузиазмом большинством населения, жаждавшего перемен. Такого энтузиазма в обществе не было, наверное, со времен 30-х гг., и он давал возможность столь же радикального изменения общества, как это произошло в 30-е гг. Был отмечен творческий подъем в научной среде. Это свидетельствовало об огромном духовном потенциале, заложенном в идее социализма. Очень важно то, что лозунг «Больше социализма!» позволял сохранить и использовать многие существовавшие в обществе институты, тем самым обеспечивая принцип преемственности – необходимое условие успеха любой реформы. Можно сказать, что в начале «перестройки» СССР стоял перед порогом новой эры.

Во-вторых, уже было достаточно отчетливым понимание необходимости развития рыночных отношений на основе разнообразных форм собственности, включая частную. Это приводило в действие предпринимательскую инициативу и не противоречило лозунгу «Больше социализма!», поскольку речь шла о предпринимательской инициативе, реализуемой в рамках общенародных задач. Опыт стран с социальной рыночной экономикой показывает возможность совмещения социалистических задач с капиталистическими по своему содержанию мерами. Все зависит от того, что в рамках чего действует – капитализм в рамках социализма или наоборот.

В-третьих, возможности реформирования заключались и в ВПК, который мог бы стать основой технической модернизации всей экономики. СССР был способен создавать особый товар – технологические принципы, имея для этого необходимый научный, кадровый и ресурсный потенциал. На основе этих принципов можно было осуществить техническую и управленческую модернизацию экономики. Были научные проработки подобной модернизации. В стране имелись крупные идеи, опережавшие уровень мирового развития. Все это создавало возможность производить высококонкурентный технологический продукт, особо ценимый на мировом рынке. Но как раз это пугало Запад, прежде всего США, которые знали возможности советского ВПК. После его разрушения США стали единственными в мире производителями технологических принципов.

В-четвертых, имелся практический опыт хозяйствования по-новому. Мы уже упоминали Щекинский метод хозяйствования, который хорошо себя показал в промышленности, метод И.Н. Худенко, и это были лишь некоторые примеры эффективного хозяйствования. У СССР были воз-

¹ См.: Седов В.В. Разгосударствление собственности: посекторный подход // ЭКО. 1991. № 6.

возможности проведения экономических экспериментов с новыми методами хозяйствования на отдельных территориях страны и даже в республиках. К такого рода экспериментам, например, была готова Прибалтика.

Наконец, в-пятых, был опыт прошлого и настоящего. Опыт прошлого уходил в новую экономическую политику СССР 20-х гг. Не случайно о нэпе стали много писать в период «перестройки». Его опыт тщательно изучался учеными Китая в 70-х гг. во время выбора своей модели реформирования. У советских руководителей была возможность синтезировать в своей экономической политике и опыт нэпа, и опыт современного Китая. Тем более, что реформы в Китае шли с конца 70-х гг. и к моменту «перестройки» в СССР было достаточно материала для его осмысления и адаптации к конкретным условиям.

Уже тогда было видно, что руководство КНР поняло теоретическую бесплодность и практическую вредность прямолинейного противопоставления капитализма и социализма, предполагавшего устранение любых признаков капитализма ради обеспечения «чистоты» социализма. Исходя из этого, в основу китайских реформ были заложены две основные методологические предпосылки: первая – учет объективной необходимости рыночных отношений и содействие их развитию; вторая – учет неизбежности возникновения на их основе капиталистических отношений и возможности установления над ними контроля со стороны социалистического государства и компартии. Поэтому реформа в Китае идет при уважении к своей истории, включая послереволюционный период, и при сохранении институциональных основ социально-экономической системы, к которым можно отнести: руководящую роль КПК, идею социализма, авторитет и влияние армии, органов внутренней безопасности. Исходя из указанных предпосылок, в Китае была разработана и успешно проведена программа перехода на новый путь развития. Основным принципом программы был принцип «переходить реку, нащупывая камни».

В результате в Китае без внутренних потрясений произошел поистине революционный поворот экономики. При этом сохранились основные социалистические принципы ее развития:

1. Доминирование общественной собственности в государственной и коллективной формах. Причем негосударственный сектор растет не за счет государственного, а рядом с ним. Попытки перекачки средств из государственного сектора в частный наталкиваются на строгие санкции, начиная от выговоров по партийной линии и кончая смертными приговорами суда.

2. Превазирование распределения по труду, которое дополняется распределением по факторам производства.

3. Ориентация экономики на удовлетворение потребностей населения и его социальную защиту.

4. Регулирование доходов для предотвращения поляризации общества, его деления на бедных и богатых, что не исключает, однако, возможность превращения отдельных лиц в миллионеров и даже миллиардеров¹ при условии использования их средств в интересах страны.

5. Сохранение социалистических институтов и их приспособление к решению новых задач в условиях развития рыночных отношений. Делая упор на использовании преимущественно экономических методов воздействия на экономику, государство сохраняет директивное установление заданий по производству наиболее значимых для страны продуктов. Важную организующую и контролирующую роль в экономике играет КПК. Сохранение социалистических институтов позволило руководству Китая не бояться экономической либерализации – в жестких институциональных рамках либерализация экономики в Китае в отличие от современной России направлена на поддержание высокой экономической динамики.

Уже более 20 лет экономика Китая обеспечивает устойчивые темпы роста, неуклонное повышение жизненного уровня населения, социально-экономическую и политическую стабильность. Так, с 1979 по 1998 г. ВВП страны возрос в 5 раз. Немаловажную роль в этом сыграли иностранные инвестиции, которые за это время возросли с 51 млн долл. до 200 млрд, то есть в 4 тыс. раз.

Китайский опыт с успехом использует Вьетнам. Во Вьетнаме в конце 80-х гг. также был сделан переход к либерализации экономики при сохранении социалистических институтов и господствующего положения государственной собственности. Так, в 2002 г. 57,3% ВВП страны давали государственные предприятия, а частные – всего 12,6%¹. Остальное приходится на домашние хозяйства. Либерализация «по-вьетнамски» проявилась в замене директивного планирования косвенным, предполагающим установление государством экономических ориентиров при выходе предприятий на рынок, корректировку их рыночной и всей хозяйственной стратегии, производственных планов, государственный контроль над ценами и качеством товаров. Как и в Китае, даже на начальном этапе этого перехода никакого спада не произошло – в течение 90-х гг. темпы экономического роста удерживались на довольно высоком уровне.

Применению китайского опыта в СССР благоприятствовали и внешние условия. Западноевропейские страны, тяготившиеся диктатом США, были готовы принять «перестроившийся» СССР в круг своих партнеров. Готов к этому был Восток, в том числе Китай, Япония, Индия.

Единственной страной, по понятным причинам не заинтересованной в обновленном СССР, были США. Но именно они сумели взять «перестроеч-

¹ См.: Порунов А.Н. Станет ли Вьетнам «тигром»? // ЭКО. 2003. № 5. С. 182.

ные процессы» в свои руки. В результате ни внутренние, ни внешние условия для перехода в новую эру не были использованы и был упущен шанс выйти в лидеры мирового развития. «Перестройка» на ее завершающем этапе перешла в «катастрофику» – распад СССР и его экономики.

Глава 5. «РАДИКАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ» В РОССИИ КАК ПЛОД ЭКОНОМИКИ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ТИПА

5.1. Демобилизация – сущностная основа российских реформ

Август 1991 г. явился своеобразным итогом горбачевской «перестройки» и началом того, что получило официальное название «радикальные реформы».

Положение в формально еще существовавшем СССР в то время во многом напоминало ситуацию в Германии после 2-й мировой войны. По словам директора Института проблем глобализации М.Г. Делягина, население СССР оказалось «в условиях сокрушительного поражения в третьей мировой войне»¹. Оставалось лишь оформить капитуляцию. В декабре руководство «новой России» доложило из Беловежья президенту США Дж. Бушу о том, что СССР уже не существует.

Началось одностороннее разоружение армии, резкое сокращение вооружений, особенно стратегического назначения, свертывание производства на предприятиях ВПК. Приступили к уходу с отвоеванных предками территорий, к отказу от бывших ближних и дальних по географическому положению союзников. Были брошены, а по существу, отданы НАТО расположенные на территории стран Варшавского Договора полигоны и базы, стоимость которых оценивалась в десятки и даже сотни миллиардов долларов. (Только в Германии было 770 благоустроенных военных городков.) На многих из них с комфортом устроились натовские солдаты. Были демонтированы и брошены дорогостоящие радиолокационные станции.

На севере Россия, потеряв Прибалтику, почти возвращалась к положению до Ливонской войны (1558 – 1583 гг.). Страна лишилась незамерзающих портов прежнего СССР (Вентпилс, Лиепая, Клайпеда на Балтийском море, Одесса, Ильичевск – на Черном.

Для тех, кто в меру сил и возможностей содействовал этому поражению, конец СССР представлялся как начало перехода ее отдельной части – России – на западный, «цивилизованный» путь развития. При этом был расчет на новый «план Маршалла» и повторение «немецкого чуда». Наивно полагалось, что США и другие страны НАТО, «потеряв врага» в лице

СССР, пойдут на резкое сокращение военных расходов и часть экономии от этого предоставят «новой России». Щедрая иностранная помощь, избавление от «нахлебников» в лице союзных республик, резкое сокращение военных расходов плюс чудодейственная сила рынка – все это обещало быстрый выход России в ранг «процветающих» государств.

Вера в подобное «чудо» и желание на его волне войти в историю «новой России» породила стремление «реформаторов» предстать перед народом в качестве «героев-революционеров с дореволюционным стажем». Срочно стали создаваться мифы о том, как они «в подполье», «тайно» боролись с Советской властью. Было обнародовано, например, что Ельцин поклялся бороться с Советской властью еще в детстве «в ответ на раскулачивание его отца», что Чубайс создавал в Ленинграде «подпольные кружки» по изучению рыночной экономики. «Революционеры» поскромнее в газетах, на радио, по телевидению рассказывали о том, что с Советской властью они боролись с помощью «кукиша в кармане». Мы уже отмечали, что в стан подобных «борцов» задним числом поспешил записаться и М. Горбачев.

Расчет на «российское чудо» и на возможность войти в историю «новой России» в качестве «героев» показывает, что в основе поведения «радикальных реформаторов» лежал не только злой умысел и корыстный интерес, но и элементарное непонимание как сущности советской экономики и происходивших в ней процессов, так и истинных целей США и их союзников, то есть обыкновенная глупость. США, в общей сложности истратившие около 11 трлн долл. на разрушение СССР, стремились, по словам бывшего государственного секретаря США Кристофера, «извлечь для американцев максимальные выгоды»¹ и в плане финансовой поддержки России оказались совсем не щедрыми. Администрация Буша и Клинтона предоставила России всего 4 млрд долл. финансовой помощи, а также оказали поддержку в предоставлении еще 48 млрд долл. на базе многосторонней помощи в виде кредитов МВФ, Мирового Банка и Семерки индустриальных государств². Между тем, по данным Минэкономразвития РФ инвестиционные потребности России до 2025 г. составляют 2,5 трлн долл., то есть по 100 млрд в год³.

Если же обратиться к настроению и общему состоянию большинства населения СССР, то оно было таким, каким и должно было быть у защитников крепости, которую ее командиры сдали на милость победителя. У рядовых граждан была растерянность и уныние, а у определенной части «командного состава» различного ранга – желание воспользоваться возможностью прибрать к собственным рукам ставшее вдруг бесхозным иму-

¹ Кудинов В.П. Указ. соч. С. 33.

² См.: Арин О.А. Указ. соч. С.110.

³ Литвинцева Г.П. Кризис инвестиций углубляется: где выход? // ЭКО. 2003. № 5. С. 22.

¹ Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. М., 2001. С.59.

щество «крепости». Это желание подогревалось всплывшим на поверхность криминалитетом. Проще говоря, было вполне объяснимое в тех условиях настроение мародерства. Таковой по своей сути и стала приватизация государственной собственности, которую в народе метко окрестили «прихватизацией». «Огромное богатство, накопленное в СССР, растаскивалось или продавалось за бесценок нужным людям»¹. Причем, как показывают расчеты Аналитического центра РАН, 55% капитала и 80% голосующих акций при приватизации перешли в руки отечественного и иностранного криминального капитала. Благодаря подобной раздаче государственной собственности удалось в кратчайшие сроки создать небольшой, но довольно активный социальный слой (наверху которого оказались лица, ставшие олигархами) в качестве внутренней опоры власти «реформаторов».

Не осталась в накладе и поднявшая голову бюрократия, вдруг обнаружившая, что более питательной средой для нее является рыночная, а не командная экономика. Расширение масштабов приватизации увеличивало бюрократическую ренту, которая была весьма скромной в прежней экономике. Приватизация тем самым совпала и с устремлениями бюрократии.

По праву победителя США предложили свой либеральный вариант реформирования экономики России, ход реализации которого до сих пор курируется МВФ. Надо заметить, что, в отличие от советских экономистов, предлагавших программы постепенного реформирования экономики с учетом ее специфики, западная наука вообще была не готова предложить что-то реально отвечающее национальным интересам России. Практическая деятельность российских «реформаторов» согласно их рекомендациям должна была свестись к тому, чтобы «выпустить на свободу» рыночные силы, предварительно передав государственную собственность в частные руки.

Речь идет о варианте, основанном на небезызвестных принципах «Вашингтонского консенсуса», который, как отмечает А.И. Уткин, «родился в Вашингтоне – столице победоносной империи»². Если обратиться к основным положениям этого «консенсуса», можно увидеть в их содержании то, что образует суть того «крючка либерализации», на который ловятся развивающиеся страны. Эти положения сводятся к следующему:

1. Сокращение бюджетного дефицита, а затем и его ликвидация, главным образом путем поддержания налоговой дисциплины и сведения к минимуму бюджетных расходов. При этом должен поддерживаться достаточно низкий уровень ставок налогов, прежде всего подоходных. Следование этому принципу должно противодействовать инфляции.

2. Развитие финансовых рынков, которые должны определять такую процентную ставку, которая стимулирует вклады в банки и сдерживает

бегство капиталов за рубеж.

3. Обеспечение внешнеторгового либерализма путем поддержания минимальных таможенных тарифов, а также свободного обмена национальной валюты на иностранные. Тарифы и обменный курс должны способствовать конкурентоспособности товаров и соответственно содействовать экспорту товаров.

4. Проведение политики привлечения иностранного капитала и технологий, прежде всего путем поддержания политической стабильности в стране, предоставления необходимых гарантий иностранному капиталу, расширения приватизации государственных предприятий и законодательного обеспечения прав частной собственности.

5. Наконец, проведение политики дерегулирования экономики, предполагающей минимальное вмешательство государства в экономику, особенно в промышленность.

Если мы соотнесем эти пункты «Вашингтонского консенсуса» с политикой правительств Гайдара и Черномырдина, то увидим строгое следование этим принципам. По мнению Г.А. Арбатова, проводимая российскими реформаторами программа – это программа «структурного приспособления» и «режима экономии», разработанная Международным Валютным Фондом для стран третьего мира, главным образом с целью выколотить из них долги. Эта модель применяется уже более 20 лет. Но только с 1982 по 1990 г. (к началу «радикальных реформ») западные банки и только в виде процентов получили от стран третьего мира более 700 миллиардов долларов. Следование такой модели сделало еще более безнадёжным положение практически всех стран, последовавших предписаниям этого фонда»¹.

В соответствии с этой программой специалистами Гарвардского института международного развития были разработаны 100 наиболее «радикальных» указа Президента РФ, которые стали приниматься, начиная с 1992 г. Тем самым вместо постепенных преобразований экономики был предложен вариант «шоковой терапии», исполнителем которого явилось правительство Е.Гайдара. Каналом влияния США на политику «реформаторов» стал Российский центр приватизации. Его финансировало напрямую через Гарвардский институт Агентство международного развития США. При этом гарвардские советники как подлинные «рыночники» не забывали и свои личные интересы. В сентябре 2001 г. американское правительство предъявило иск на 120 млн долл. сотрудникам Гарварда, обвиняемым в личном обогащении под прикрытием программы помощи российским реформам. Обладая необходимой информацией и предостав-

¹ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Указ. соч. С. 247.

² Уткин А.И. Указ. соч. С.17.

¹ См.: Финансовые известия. 1996. Апр.

ленными полномочиями, они не без успеха спекулировали выпускаемыми российским правительством ГКО¹.

О влиянии США в «новой России» говорят и другие факты. На некоторые из них указывают и политики, относящиеся к «первому эшелону» российской демократии. «В РФ обнаружили, – пишет, например, М.Г. Делягин, – что лоббировать ключевые вопросы внутренней российской политики следует в Конгрессе и в администрации США»². Не удивительно, что, когда летом 2003 г. последовало официальное заявление о проведении прокурорского расследования по делу компании ЮКОС, ее глава М. Ходорковский тотчас же поспешил обратиться к послу США в России с просьбой «уладить» это дело.

Между тем общество в целом было явно не готово к новым реалиям, когда нет оккупационных войск, а есть вполне мирная «идеологическая оккупация» и с ее помощью проводятся необходимые победителю «реформы». В результате «страны-победители», прежде всего США, получают плоды «победы», не выводя войска за пределы своей страны. Это оказывается намного эффективнее и гуманнее.

Характерно в этой связи выступление бывшего президента США Б. Клинтона на закрытом совещании начальников штабов США в 1995 г.: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирався сделать президент США Трумен с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать. Да, мы затратили не это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью»³. Это заявление убедительно подтверждает отмеченный ранее тезис о том, что внешнеполитическая деятельность американского правительства помимо прочего – одна из форм бизнеса.

На другом подобном совещании были определены стратегические цели США в отношении России. В обобщенном виде их можно сгруппировать в следующие пункты:

- сохранение той или иной степени влияния на внутреннюю и внешнюю политику российского руководства:

- недопущение существенного экономического и в особенности военно-политического усиления России:

- предотвращение восстановления бывшего Союза или укрепления СНГ или его части под эгидой России до параметров реального военно-политического союза;

- недопущение восстановления сфер влияния России в Прибалтике, Финляндии, Восточной Европе, на Ближнем Востоке или в каких-либо других регионах мира;

- ослабление и подрыв связей России с режимами в Иране, Ираке, Ливии, Сирии, КНДР, которые США считают представляющими региональную угрозу им или их ближайшим союзникам;

- ядерное разоружение России до максимально возможной степени;

- полная ликвидация химического и бактериологического (биологического) оружия в России;

- установление тех или иных форм контроля за передовыми в научно-техническом отношении отраслями военно-промышленного комплекса России;

- сохранение и расширение российского рынка для потребительских и сельскохозяйственных товаров США и закрепление роли России в качестве важнейшего поставщика сырья, в первую очередь энергоресурсов;

- предотвращение слишком большого сближения России с Германией, Китаем или Японией;

- сохранение и укрепление военно-политического «страховочного механизма» на случай неблагоприятного для США развития событий в России.

Ситуация поражения отразилась и в общественных науках – произошло послушное заимствование американских концепций, терминологии, а в описании «ужасов» советского периода отечественные историки сумели переплюнуть зарубежных, выпускавших свои описания во времена «холодной войны». В известной мере здесь сказались не только условия «идеологической оккупации» страны, но синдром мобилизованности. Многие обществоведы, привыкшие следовать руководящим указаниям, приняв смену общественного строя просто как смену «генеральной линии», по привычке взяли «под козырек». Ругать СССР и социализм начали не только получавшие за это гранты из фондов Сороса и Форда, но и те, кто и обычную весьма низкую зарплату получал не регулярно.

Низкая оплата труда ученых обусловлена резким сокращением государственного финансирования науки – с 27 млрд долл. в 1990 г. до 7 млрд долл. в 1997 г. Еще более уменьшилась доля расходов на НИОКР в ВВП при общем сокращении его размеров. Если в 1980 г. она составляла 3%, то в 1995 г. 0,75% при пороговом значении этого показателя с точки зре-

¹ См.: Горшков А.В. Российские реформы и западные экономисты. Челябинск, 2001. С.4.

² Распад долларовой системы. С.140.

³ Цит. по: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Указ. соч. С.221 – 222.

ния обеспечения национальной безопасности в 2%¹. Численность занятых в сфере научных исследований и разработок сократилась с 1532 тыс. человек в 1992 г. до 990 тыс. в 1997 г.²

Между тем экономическая наука и практика западных стран уже давно и убедительно показали, что ставка на рыночные силы как на рычаг перестройки экономики требует сознательного и довольно активного управления ими со стороны государства. Но мы видели, что в России параллельно с переходом к рыночной экономике в ее либеральном варианте шел процесс полной ликвидации институтов мобилизационной экономики: КПСС, Госплана, советского законодательства, социалистической и национально-патриотической идеологии, которые, как видно из практики Китая и Вьетнама, вполне применимы для придания экономической либерализации не разрушительной, а созидательной энергии. Другой – противоположный опыт России еще раз показал, что без необходимого институционального обрамления либерализация экономики ведет не к экономическому росту, а к упадку.

Причем вхождение в «свободный рынок» влечет разрушение наиболее передовых отраслей, остаются лишь те, которые помогают вписываться российской экономике в мировое хозяйство в качестве сырьевого придатка развитых стран. В условиях открытости национальной экономики оказываются загруженными в основном отрасли первичного сектора, способные заниматься добычей сырья и его экспортом в обмен на импорт готовой продукции. Это, в свою очередь, через рост торговых и посреднических услуг обеспечивает развитие соответствующих сфер третичного сектора экономики, прежде всего торговли. Вторичный сектор, производящий готовую технику и предметы потребления, оказывается почти не нужным. К примеру, доля торговли вместе с финансами, кредитом и управлением в ВВП составила в 1999 г. 38,7%, тогда как доля машиностроения – 4,75%³.

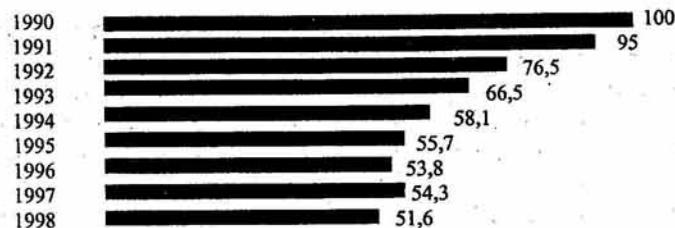
Так что и теория, и практика убеждают в том, что рынок есть инструмент, требующий сознательного использования. С его помощью можно как разрушать экономику, что не без успеха сделано в России, так и созидать, что в настоящее время демонстрирует тот же Китай.

Интегральным показателем разрушения, которому подверглась экономика России, может служить отрицательная динамика ВВП. Как показывает приведенная ниже диаграмма, составленная на основе данных официальной статистики, за восьмилетний период «реформирования» экономики, завершившийся дефолтом в августе 1998 г., его объем практически сократился вдвое.

¹ См.: Комлева Н. Геополитическое сжатие // МЭМО. 2003. № 2. С. 70.

² Виноградов В.В. Указ соч. С. 42.

³ Литвинцева Г.П. Указ. соч. С. 37.

Динамика ВВП России с 1990 по 1998 г. (%)

Официально ситуацию в экономике России назвали трансформационным спадом. «Трансформационный спад – это глубокий кризис переходной экономики, вызванный тем, что прежние, плановые механизмы организации хозяйственной деятельности уже разрушены, а новые, рыночные механизмы еще слабы или отсутствуют вообще»¹. В действительности это результат того, что сущностной основой «реформ» явилась демобилизация экономики, предполагающая приоритетность задач разрушения того, что может обеспечить мобилизацию ресурсов на решение жизненно важных для страны задач. Но, как справедливо пишет В.В. Куликов, «акцент на разрушение “по определению” не может быть полезен экономике; наоборот, он становится причиной ее распада, ее системного кризиса»².

5.2. Итоги «демобилизации» экономики России

90-е годы в России завершились приходом к власти «новой команды», что означало окончание первого и, по мнению «реформаторов», наиболее важного этапа «реформирования» экономики. У экономистов разного толка появилось желание подвести некоторые итоги прошедшего десятилетия. Это желание подогревала и некоторая стабилизация экономики, наметившаяся после дефолта в августе 1998 г., о чем свидетельствуют данные табл. 10.

Таблица 10

Основные показатели экономического развития России в 1998 – 2001 гг. (%)

Показатель	1998	1999	2000	2001	2002
ВВП	-4,9	5,4	9,0	5,0	4,3
Промышленное производство	-5,2	11,0	11,9	4,9	3,7
Инвестиции в основной капитал	-12,0	5,3	17,4	8,7	2,9

Источник: Обзор экономики России. Основные тенденции развития. М., 2002. С. 17; 2003. С. 18.

¹ Виноградов В.В. Указ соч. С. 53.

² Куликов В.В. Становление новой экономической системы // Рос. экон. журн. 2003. № 1. С. 6.

Вместе с тем из таблицы видно, что после пика экономического роста в 2000 г. темпы роста снизились до весьма скромных значений. Тем не менее стабилизация налицо. Но она характеризует качественно иной мировой уровень экономики. Если доля СССР в 80-е гг. достигала 21% мирового ВВП, у России в 2001 г. она составляет всего 2,4%¹. Стабилизация сложилась при достижении довольно глубокого «дна» падения производства. Об этом довольно красноречиво говорят данные табл. 11. Она показывает, что произошло падение производства как промежуточного продукта, так и конечного. Причем наиболее сильно спад затронул передовые отрасли, особенно наукоемкие. В них производственные мощности в авиапроме загружены всего на 15%, в промышленности средств связи – на 17,6%, в ракетно-космической индустрии – на 21,3%, в электронной промышленности – на 20,5%².

Таблица 11

Промышленная продукция в РСФСР в 1990 г. и в России в 2001 г.

Вид продукции	Единица измерения	1990	2001
Производство электроэнергии	Млрд квт.ч	1100	886
Добыча нефти	Млн т	516	337
Добыча угля	Млн т	400	263
Сталь	Млн т	90	59,0
Прокат черных металлов	Млн т	64	47,1
Трубы стальные	Млн т	12	5,4
Цемент	Млн т	80	35,1
Пиломатериалы	Млн м ³	75	17,3
Синтетические смолы и пластмассы	Тыс. т	58	16,6
Синтетические моющие средства	Тыс. шт.	900	454
Дизели и дизельные генераторы	Тыс. шт.	23	4,3
Электромашин (крупные)	Тыс. шт.	18	4,1
Башенные краны (большие)	Шт.	2500	77
Грузовые вагоны	Тыс. шт.	25	6,5
Пассажирские вагоны	Шт.	1200	856
Кузнечно-прессовые машины	Тыс. шт.	27	1,3
Металлорежущие станки	Тыс. шт.	75	8,3
Грузовые автомобили	Тыс. шт.	660	173
Станки ткацкие	Тыс. шт.	17	0,2
Машины стиральные	Тыс. шт.	5500	1037
Телевизоры	Тыс. шт.	4500	1037

Источник: Винслав Ю. Итоги и уроки народнохозяйственной динамики на рубеже двух столетий // Рос. экон. журн. 2003. № 2. С. 5.

Сами «реформаторы» своим главным достижением считают то, что

¹ См.: Комлева Н. Указ. соч. № 3. С. 68.

² Экономический рост в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Рос. экон. журн. 2003. 3 №. С. 14.

страна «радикально изменилась». Частная собственность на предприятия стала доминирующей. Появился предпринимательский и так называемый средний класс, заметно уменьшилось число людей, зависимых от заработной платы. Если в 1990 г. 75% доходов населения СССР составляла заработная плата и жалование, 21% – социальные выплаты и всего 4% предпринимательские доходы, включая доходы от собственности и спекулятивной деятельности, то в 2002 г. доля зарплаты составляла 64,4%, доля предпринимательских доходов – 12,4%, доходы от собственности – 4,7%, доля социальных выплат – 16,2%, прочие доходы – 2,3%¹.

В 2002 г. США и страны Евросоюза признали Россию страной с рыночной экономикой. Правда, перед этим в ежегодно публикуемом в США рейтинге степени экономической свободы в разных странах мира, определяемой по таким критериям, как состояние рынков, финансов, юридических институтов, свободы торговли, стабильности валюты и цен, коррумпированности властных структур, России было отведено 117 место из 123 стран мира, охваченных рейтингом².

Под воздействием такого рода рейтингов ученые до сих пор спорят о том, перешла экономика России на рыночный путь развития или нет. Вопрос на самом деле не простой. Для нас же бесспорно одно – произошло разрушение экономики мобилизационного типа.

Разрушены институты мобилизационной экономики, утрачен дух мобилизационности, с распадом СССР распался ВПК как единая система – соответственно оказался разрушенным военно-стратегический потенциал страны. Объем производства в оборонных отраслях упал до 8,7% от прежнего уровня. Оборонный бюджет страны в 2001 г. составил 1/10 часть китайского оборонного бюджета, 1/6 часть – японского, 1/4 – германского и 1/40 часть американского³. Россия утратила более 300 технологий производства вооружений и военной техники.

Стала распадаться и армия. По данным Института национальных стратегических исследований США, то, что осталось от советской армии на территории России, слабо напоминает армию. Отмечается, в частности, что не более 20% военного персонала боеспособны; в сухопутных войсках только восемь маневренных дивизий способны выполнять свои задачи; 70 – 75% танков нуждаются в замене, а современные танки составляют только 2 – 5% вооруженных сил⁴. Личный состав армии сокращен до 1 млн 200 тыс. человек. И при этой численности армия недоукомплектована офицерами.

Однако советская экономика оставила столь богатое наследство, что

¹ См.: Зименкова Е.Р. Политика перераспределения доходов в России // ЭКО. 2003. № 6. С. 35.

² См.: Экономическая газета. 2001. № 10.

³ См.: Комлева Н. Указ. соч. С. 71.

⁴ См.: Арин О.А. Указ. соч. С. 37.

его до сих пор хватает на собственное проедание и на выплату той дани, которую развитые страны взимают со слаборазвитых стран. Ведь накануне распада СССР реальная стоимость всей его народнохозяйственной системы оценивалась в 55 – 60% стоимости американской экономики¹.

Свидетельством «проедания» накопленного капитала является резкое – в 10 раз за 10 лет сокращение реальных капиталовложений в экономику. В 1999 – 2000 гг. основные фонды обновлялись лишь на 3% предприятий, главным образом в добывающей и пищевой промышленности. Ввод в действие новых основных производственных фондов в 5 раз ниже их выбытия². Официальная норма амортизации в стране составляет 3,5% ВВП, вместо 9 – 12%, необходимых для нормального воспроизводства основных фондов. Но и эта норма не соблюдается. Фонд амортизации используется как источник валовой прибыли, доходов государства и даже как фонд потребления. В некоторых отраслях из него платят зарплату. Норма накопления в 2002 г. составляла всего 15% вместо необходимых для вывода экономики из разлухи 30%. В 90-е гг. капитальные вложения в основной капитал упали на 80%, а ввод в действие основных фондов – на 85%. Особенно значительно сократились инвестиции в производственную сферу, прежде всего в наукоемкие отрасли, через которые в основном и реализуются инновации.

При всей скудости инвестиционных потоков основная их часть направляется в сферу обращения и в добывающую промышленность, ориентированную на экспорт, а не в производство конечной продукции. На отрасли, производящие конечный продукт, приходится всего 10% всех инвестиций. Но и в экспортоориентированных отраслях инвестиции не столь велики, какими должны и могли бы быть. Например, нефтяные компании России превращают в инвестиции лишь 6% получаемых от продажи нефти весьма внушительных доходов. По существу, происходит почти безвозвратное выкачивание нефти из недр. Не только нефть, газ, но и цветные и черные металлы, золото, драгоценные камни, лес и т.д. мощными потоками идут на Запад, олицетворяя как своеобразную дань победителям, так и паразитирование отечественных олигархов на экспортно-сырьевой ориентации страны. В результате происходит увеличение экспортных квот ряда важнейших товаров. С начала 90-х гг. по сырой нефти она возросла с 35,4% до 43%, по нефтепродуктам – с 14,8 до 33%, природному газу – с 30,2 до 36,5%, минеральным удобрениям – с 69,3 до 74,4%, целлюлозе – с 40,8% до 83%³. Экспортные потоки ставят под угро-

зу ресурсное обеспечение будущих поколений россиян, поскольку речь идет о невозобновимых ресурсах.

Если в СССР выбывание запасов природных ресурсов компенсировалось открытиями новых месторождений благодаря затратам в геологоразведку (до 1% ВВП в год), то теперь финансирование геологоразведки в основном передано предприятиям горнодобывающей промышленности, заинтересованным только в тех месторождениях, которые можно немедленно и без больших затрат эксплуатировать. Если Канада вкладывает в развитие сырьевой базы 12 долл. с каждой добытой и проданной тонны углеводородов в нефтяном эквиваленте, США – 10 долл., Китай – 7 долл., страны Ближнего Востока – по 5,5 долл., то Россия вкладывает всего 1,6 долл. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, без освоения ресурсов которых, стране не просто выжить в ближайшие 20 лет, осталось всего семь буровых бригад глубокого бурового бурения на нефть и газ, а нужно не меньше сорока. В целом положение с сырьевой базой, а значит, и с сырьевой безопасностью страны оценивается как близкое к критическому¹. В результате свертывания геолого-разведочных работ прирост запасов основных полезных ископаемых не восполняет объемов добычи.

Ситуация истощения характерна для сферы производства в целом. Выбытие основных производственных фондов в этой сфере более чем втрое превышает ввод новых. По данным Института макроэкономических исследований, Госкомстата РФ и института народно-хозяйственного прогнозирования, износ парка промышленного оборудования в среднем по стране к 2003 г. составил 70%. Коэффициент обновления основных фондов упал с 6,3% в 1990 г. до 1,5% в 2000 г. Средний возраст отечественных основных фондов составляет 16 – 20 лет (для сравнения: в 1990 г. – 10,8 лет), в то время как в промышленно развитых странах приемлемым считается возраст 6 – 6,5 лет².

Дряхлеющая отечественная инфраструктура стала источником роста техногенных аварий, в том числе с кризисными экологическими последствиями. В 1993 – 1997 гг. по сравнению с 1988 – 1992 гг. число чрезвычайных ситуаций увеличилось в 3 раза, причем 70% ситуаций носит техногенный характер. Так, средний возраст трубопроводов составляет 35 лет при сроке их эксплуатации в 20 лет. В результате аварий ежегодно теряется 3 млн т нефти³.

Отсутствие необходимых инвестиций привело к тому, что под молот разрушения попал не только военный, но и гражданский сектор экономи-

¹ См.: Распад долларовой системы. С. 221.

² См.: Вальтук К.К. Необходима мобилизационная экономическая стратегия // ЭКО. 2000. № 11. С. 10.

³ См.: Виноградов В.В. Указ соч. С. 77.

¹ См.: РФ сегодня. 2002. № 8.

² См.: Экономика и жизнь. 2003. № 5; Литвинцева Г.П. Указ. соч. С. 22.

³ Там же; Клюев Н.Н. Экологический итог реформирования России // Вестн. РАН. 2001. № 3. С. 235.

ки. Он также оказался не приспособленным к современным рыночным отношениям, при которых противостоять натиску импорта возможно лишь при целенаправленной поддержке государства. Очевидна необходимость в специальной инвестиционной программе, позволяющей существенно повысить конкурентоспособность товаров потребительского назначения. Однако самоустранение государства от таких вопросов привело к тому, что по общей конкурентоспособности из 59 обследованных государств Россия оказалась на последнем месте¹.

Государство почти самоустранилось и от поддержания науки, в том числе фундаментальной, что не могло не сказаться на потенциале страны. В 2000 г. реальный объем бюджетного финансирования науки и технического развития в РФ составил 13,8% от уровня 1991 г. Десятикратное сокращение расходов на науку привело к тому, что и здесь произошел откат назад. Из России ежегодно уезжает до 250 тыс. высококвалифицированных специалистов: инженеров, программистов, деятелей культуры, ученых. Лишь за счет утечки мозгов потеряно 1/3 научного потенциала страны – примерно столько российских ученых работает за рубежом². Только за 1999 – 2001 гг. из России уехало за рубеж 15% специалистов. Ущерб от «утечки мозгов» составляет около 50 – 60 млрд долл. ежегодно³. Миграция – обычное явление в современном обществе. Но в данном случае западные страны, в основном США, на правах победителей забирают у России наиболее квалифицированные научные и творческие кадры.

Формой выплаты дани является и утечка капитала в развитые страны при его нехватке на развитие собственной экономики. По разным оценкам, за рубеж вывезено капитала от 250 млрд до 1 трлн долл. Даже официальные данные указывают на ежегодный вывоз капитала не менее чем на 20 млрд долл. При этом около 80% капитала уходит в США, где нет проверки происхождения депонированных в банках средств, что позволяет США ежегодно отмывать до одного трлн долл. Во многом это связано с передачей отраслей добывающей промышленности в частные руки. Во всем мире из 20 самых успешных нефтегазовых компаний 12 являются собственностью государства. В РФ 88% предприятий нефтяной отрасли – частные. Именно в них значительная часть доходов утаивается и вывозится за границу.

К концу 90-х годов Россия по производству некоторых товаров оказалась отброшенной к уровню 1913 г., например по грузовым вагонам,

производству тканей. В целом производственный потенциал оказался на уровне 60-х гг., а производство – на уровне середины 50-х гг.¹

Об общем регрессе отраслевой структуры российской экономики свидетельствуют данные таблицы.

Таблица 12

Изменения в отраслевой структуре экономики РФ (%)

Показатель	1990	1999	2000
Промышленность – всего	100	100	100
Электроэнергетика	4,0	16,5	14,2
Топливная промышленность	7,6	16,3	16,4
Черная металлургия	5,5	8,1	9,7
Цветная металлургия	6,0	7,6	6,9
Химия и нефтехимия	7,8	6,9	8,0
Машиностроение и металлообработка	31,5	21,0	18,1
Лесная и ДЦБП	5,8	4,1	5,1
Промышленность строительных материалов	3,8	3,6	3,9
Легкая промышленность	12,3	1,9	2,0
Пищевая промышленность	15,7	14,0	12,0

Источники: Экономист. 2001. №8. С.54; Промышленная политика России: принципы формирования и механизмы реализации: Докл. эксперт. ин-та. М., 1997. С.175; Российский экономический журнал. 2000. № 2. С.10 – 12; Россия в цифрах: Краткий стат. сб. Госкомстат России. М., 2000. С.175.

Из данных таблицы можно видеть, что в 90-е гг. резко возросла доля природоемких сырьевых отраслей промышленности. Так, по данным Минэкономразвития РФ на долю ТЭК приходится 30% всего промышленного производства страны, 54% доходов федерального бюджета, свыше половины экспорта и почти 45% валютных поступлений². Соответственно растет природоемкость и энергоемкость производства. Согласно данным академика Д.С. Львова, только за пять лет (1990 – 1995 гг.) энергоемкость ВВП возросла на 23%³. При этом падает производительность труда. С 1989 по 1999 г. производительность труда в промышленности снизилась с 30 до 19%, а в высокотехнологичных отраслях до 3 – 5% к уровню данного показателя в США⁴.

Одновременно стремительно сокращаются высокотехнологичные, наукоемкие и экологичные производства. Так, выпуск важнейших видов

¹ См.: Воронов Ю.П., Ханин Г.И. Есть ли будущее у российской экономики // ЭКО. 2001. № 10. С.19.

² См.: Россия в глобализирующемся мире: Новые требования к стратегии развития: Аналит. докл. М., 2001. С.19.

³ См.: Труд. 2001. 5 июня; Андрианов В.Д. Россия в мировой экономике. М., 1999. С.38.

¹ Вальтух К.К. Указ. соч. С.8.

² См.: Глазьев С. Об очередной правительственной среднесрочной программе и не только о ней // Рос. экон. журн. 2003. № 3. С. 4.

³ См.: Путь в XXI век / Под ред. Д.С. Львова. М., 1999. С. 120.

⁴ См.: Бляхман Л., Кротов М. Глобализационное измерение реформ и задачи промышленной политики // Рос. экон. журн. 2001. № 3. С.9.

наукоемкой продукции сократился в 90-е гг. в 8 – 20 раз¹. Почти прекратился выпуск ЭВМ, станков с ЧПУ, всех видов высокосортного проката. Произошло существенное снижение производства товаров потребительского назначения. Так, если в 1991 г. производство обуви в России составляло 336,4 млн пар, то в 2001 г. всего 32,2 млн.

Особенно пострадало сельское хозяйство. По существу, произошла не только его деколлективизация, но и деиндустриализация. Износ сельскохозяйственной техники достиг 65 – 70%, производительность труда снизилась более чем на 30%. На 33 млн га, то есть на 25% сократилась посевная площадь сельскохозяйственных культур. На 50% упало поголовье продуктивного скота и птицы.

Капиталовложения в АПК уменьшились в 20 раз, объем мелиоративных работ в 30 раз, парк основных видов сельскохозяйственных машин сократился на 40 – 60%². С 1992 по 2001 г. объем валовой сельскохозяйственной продукции во всех категориях хозяйств уменьшился на 43%. В том числе производство мяса упало в 5 раз, цельномолочной продукции и животного масла – в 3 раза. В результате, согласно данным Министерства сельского хозяйства РФ, потребление мяса в 2001 г. было почти в 2 раза ниже рекомендуемой медицинской нормы. Если в 1990 г. на душу приходилось около 75 кг мяса в год, то в 2001 г. – 44 кг при норме рационального питания 80 кг на человека. Молока и мясопродуктов в РФ потребляли в 2001 г. около 54% от рациональной нормы, яиц – 77%, овощей 58%. Если в 1990 г. общая калорийность питания среднего жителя России составляла 3350 ккал., то в 2001 г. – немногим более 2200 ккал. По уровню питания на душу населения Россия оказалась на 71-м месте в мире, тогда как СССР находился на седьмом. При этом потеряна продовольственная независимость страны, так как 42% потребляемой продукции поступает из-за рубежа. Для сравнения: развитые страны сами производят в среднем около 80% продовольствия, а 20% ввозят из-за рубежа³.

Вопреки утверждениям «реформаторов» обнаружилось, что частные предприятия менее эффективны, чем государственные. Заместитель Председателя Госкомстата России В.Галицкий и С. Попов пишут в этой связи: «История развития рыночных отношений в России свидетельствует о том, что доминирование частной собственности в промышленности не обеспечило повышения эффективности производства в краткосрочной перспективе и не способствовало технологической модернизации произ-

водства»¹. Производительность труда в промышленности России, рассчитанная как средняя годовая выработка добавленной стоимости на одного занятого, снизилась с 13 815 долл. в 1990 г. до 10 250 долл. в 1997 г.²

В июле 2002 г. был опубликован доклад Программы развития ООН, посвященный уровню жизни 173 стран мира. За прошедшие 10 лет более чем в 60 странах индекс человеческого потенциала, определяемый прежде всего по ожидаемой продолжительности жизни, образованию и среднему доходу, оказался ниже, чем он был в 1990 г. В 26 странах уровень жизни был ниже, чем в 1980 г. Среди опустившихся Россия и страны СНГ. Так, Россия опустилась на 60 место, Армения – на 76, Казахстан – на 79, Украина – на 80, Грузия – на 81, Азербайджан – на 88, Узбекистан и Туркмения – на 95, Киргизия – на 102, Молдавия – на 105, Таджикистан – на 112. Десять последних мест занимают африканские республики. На 171 месте находится Бурунди, на 172 – Нигерия, на 173 – Сьерра-Леоне.

По индексу социального развития, учитывающего реальные доходы и продолжительность жизни, место «новой России» в восьмом десятке, а по уровню здравоохранения – в третьем десятке стран мира.

Один из наиболее серьезных результатов демобилизации экономики – утрата практически всех видов национальной безопасности: экономической, продовольственной, технологической, информационной, культурной и т.д. Так, экономическая безопасность зависит от доли импортных товаров в общем объеме товарных ресурсов. Считается, что для крупных стран доля импорта в потреблении какого-либо товара или товарной группы, особенно по продовольствию, не должна превышать 30%. Между тем эта доля в розничной торговле России достигла 50% по сравнению с 12 – 15% в середине 80-х годов.³ Так что по многим видам продукции рубеж безопасности в России в 90-е годы был перейден. По оценкам ряда специалистов, уровень реальной независимости страны колеблется в пределах 30 – 50%⁴. С понижением уровня экономического и военного потенциала ослабевает государственный суверенитет страны. Единственное, благодаря чему Россия еще сохраняет статус самостоятельной державы, это ядерное оружие – наследие мобилизационной экономики. Тем не менее, чрезмерно активное и неконтролируемое включение России в процесс глобализации ведет к усилению ее финансовой, экономической и политической зависимости от более сильных держав, в первую очередь, от США.

Таким образом, мы видим, что к началу «радикальных реформ» было

¹ См.: Виноградов В.В. Указ. соч. С. 47.

² См.: Пальшина Е.Н. Региональные особенности становления и развития предпринимательства в агропромышленном комплексе Урала. Екатеринбург, 2003. С.6.

³ См.: Сельское хозяйство России: Стат. сб. М., 2001. С.144; Путь в XXI век. С.122.

¹ Галицкий В., Попов С. К сравнению эффективности функционирования государственных и частных предприятий // Рос. экон. журн. 2001. № 3. С.95.

² См.: Виноградов В.В. Указ. соч. С.74.

³ Там же. С.78.

⁴ См.: Россия в глобализирующемся мире. С.20.

единое, сильное, независимое государство, хотя и подорванное «перестройкой», но богатое и крепкое настолько, что даже после десятилетия разрушительных реформ страна продолжает считаться богатой, правда, с сильно обедневшим населением.

Экономике нанесен ущерб, оцениваемый в триллионы долларов. Он включает в себя прямые потери, вызванные подписанием неравноправных торговых и военно-политических договоров со странами НАТО, разрушением СССР и разрывом экономических связей, сокращением объемов производства, падением эффективности производства, ростом безработицы, увеличением смертности и снижением рождаемости, падением морали, ростом преступности, утратой жизненных ориентиров.

«Реформы» опровергли любимый тезис либералов: «богатое население – богатое государство». На деле получилось по-другому: «Богатые олигархи и те, кто им служит, и бедное население и государство». Согласно расчетам, коэффициент Джини, указывающий на различия в доходах между богатыми и бедными, в России возрос с 0,26 в 1991 г. до 0,38 в 1989 г.¹ Децильный коэффициент, достигший в СССР в 1991 г. величины 4,1, в «новой России» в 1994 г. подпрыгнул до 15,5, а в 2001 г. составил 13,9 по официальным данным и 25 – по неофициальным, в том числе в Москве он достиг 100!²

Сумев за короткое время «реформ» догнать и перегнать по уровню жизни своих западных коллег в результате разорения и обнищания десятков миллионов россиян, верхушка прежней элиты вынуждена через СМИ, популярную и учебную литературу посылать проклятия в адрес советского прошлого и в настоящее время. Для нее – это один из эффективных способов выживания и сохранения своих «достижений».

Богатство «новых русских» требует не только идеологического и информационного обеспечения, но и физической защиты. Поэтому не удивителен рост состава внутренних войск при сокращении численности всей армии, поскольку внутренний враг оказывается опаснее внешнего.

Налицо явный парадокс разрушения мобилизационной экономики – потребовались дополнительные ресурсы на содержание сил МВД, системы частной безопасности и охраны, намного превосходящие то, что требовалось в прежнем «тоталитарном» государстве. И это не считая дорогостоящих и многолюдных СМИ, основная функция которых также сводится к защите сложившейся в России общественной системы.

Второй парадокс заключается в том, что «рыночные реформы» привели к росту нерыночного сектора экономики. Прежде всего это характерно

¹ См.: Богомолова Т.О., Тапилина В.С. Экономическое неравенство в России в 90-е годы: бедных все больше, богатых все меньше // ЭКО. 2001. №2. С. 83.

² Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 25, 28; Правда. 2002. 26 дек.

ризуется резким возрастанием роли личных подсобных хозяйств в продовольственном обеспечении населения. Если в 1991 г. доля подсобных хозяйств, включая фермерские и крестьянские хозяйства, в производстве сельскохозяйственной продукции составляла 31,2%, то в 2000 г. – 57,3%, не считая доли фермерских и крестьянских хозяйств¹.

Не стала объектом рыночных отношений рабочая сила на многих частных и государственных предприятиях, где зарплата как денежное выражение стоимости рабочей силы выплачивается либо производимой на этих предприятиях продукцией, либо выплачивается с большими задержками и в размерах ниже прожиточного минимума.

Нерыночный сектор в современной России широко представлен криминальными структурами, как правило, действующими не по законам рынка, но отлично вписавшимися в экономику и через рынок эксплуатирующими значительную часть населения. Одна только наркоторговля дает многомиллиардные прибыли.

Третий парадокс демобилизации – международный. Поражение СССР и стран Варшавского Договора поставило США и страны НАТО в «неловкое» положение. Прежде само существование НАТО и наращивание им военных расходов объяснялось «русской угрозой». Однако после устранения этой «угрозы», после ликвидации Варшавского Договора и фактического разоружения России НАТО осталось, а его расходы еще до того, как в него начали вступать восточноевропейские страны, так и не уменьшились сколько-нибудь существенно (табл. 13).

Таблица 13

Военные расходы стран НАТО в «постсоветский» период (млрд долл.)

Страны	1991	1992	1993	1994
Европейские страны	188,211	193,154	172,317	167,756
Северная Америка, в т.ч. США	291,490	315,988	307,941	295,887
	280,292	305,141	297,637	286,366

Источник: Manuel de l'OTAN. Bruxelles: Bureau de l'information et de la presse. 1996. P.393.

Во второй половине 90-х годов военные расходы НАТО стали заметно расти, в том числе и за счет вступающих в него новых стран. Сам же военный блок приблизился вплотную к границам России. Очевидно, что речь идет об неприкрытом гегемонизме, хотя открыто об этом не говорится. Приходится изобретать «международный терроризм», говорить о существовании опасных для цивилизованных стран «стран-изгоев», в том числе создавать мифы о растущей угрозе миру со стороны «новой России». Все это для убедительности подкрепляется созданием или подогреванием конфликтов в

¹ См.: Сельское хозяйство России. С.127.

разных точках земного шара. В 90-е гг. в мире было организовано свыше 200 вооруженных конфликтов, в ходе которых погибло 35 – 40 млн человек¹. Завершив XX век крупномасштабной агрессией против Югославии, США вместе со своими союзниками новое столетие начали с войны против Ирака, ставя под угрозу мир во всем мире.

Проблема сохранения государственности в России усугубляется тем, что в ней осталось менее половины всего населения СССР, на которое приходится 76% территории союзного государства. Проблемой номер один становится дефицит населения вообще и дефицит населения, необходимого для сохранения государственности и целостности страны в частности. Несмотря на то, что Россия по-прежнему входит в число крупнейших по числу жителей стран мира, существует очевидное несоответствие между численностью ее населения, с одной стороны, и размерами территории, наличием огромных пространств, нуждающихся в освоении, – с другой.

Первая проблема обусловлена продолжающимся уже более 10 лет сокращением численности населения России вследствие падения рождаемости. Если в 80-е гг. на 1 тыс. населения рождалось 16,6 ребенка, в начале 2000-х гг. – всего 8,3. При сохранении прежнего уровня рождаемости и смертности в России к моменту переписи населения в 2002 г. могло бы быть 163 млн человек, а не 143 млн, включая 4 млн беженцев и переселенцев.

В повышенной смертности в 90-е гг. некоторые авторы видят «синдром адаптации»². На деле двадцатимиллионные жертвы – это тоже результат демобилизации. Теперь не всем вместе, как традиционно велось на Руси, а каждому в отдельности приходится выживать. Для многих это не просто уже потому, что реальная зарплата отстает от стоимости рабочей силы. Правда, и в советские времена были периоды, когда трудящимся приходилось отдавать государству часть необходимого продукта. Но тогда люди наглядно видели свою нужность государству и было понимание необходимости жертв ради страны, а значит, и собственной жизни и своего будущего, будущего своих детей. Уже благодаря этому происходило не суженное, а расширенное воспроизводство населения. Такого понимания как раз нет у современных «руссиан»³.

При оставшемся в России населении и сокращении его численности удержать все еще остающуюся огромную территорию страны оказывается проблематичным. На начало 2003 г. в федеральной пограничной службе насчитывалось всего 174 тыс. человек на более чем 60 тыс. км границ страны, но и эту явно недостаточную цифру решено сократить. Требуют охраны, в том числе и от иностранных браконьеров, 9 млн кв. км морских

пространств страны. Не только экономически, но и физически это становится невозможным.

Немаловажно с точки зрения сохранения целостности страны и то обстоятельство, что утрата территорий Средней Азии, Кавказа, Украины, Белоруссии, Молдавии привела к тому, что Россия оказалась северной страной с самым холодным климатом. Не удивительно в этой связи появление концепции «сжатия экономического пространства России», которая, по существу, предполагает развитие на территории России «анклавной экономики»¹. К этому подводит и возрастающий разрыв между благополучными и депрессивными регионами страны. По уровню душевого потребления регионы современной России различаются в 15 – 18 раз, по инвестициям на душу населения – в 60 – 80 раз, по уровню межрегиональных связей – в 20 – 30 раз². Это, в свою очередь, чревато регионализацией России, так как многие регионы свою политику начинают проводить по принципу «кто больше даст» – федеральный центр или иностранные субъекты. Таким образом, помимо того, что экономике нанесен урон, возникла угроза распада России как единого государства.

Новое руководство России оказалось в трудном положении. С одной стороны, есть стремление избавиться от комплекса руководителей «побежденной страны» и иметь хотя бы часть былого величия и силы СССР. В этой связи приходится задвигать в тень наиболее одиозные фигуры типа Ельцина, Гайдара, Черномырдина и т.п., откровенно выполнявших роль новых «гаулайтеров», брать на вооружение патриотическую риторику, говорить о любви к России и вере в ее «великое будущее», демонстрировать реликты военной мощи СССР. Дело доходит до восстановления некоторых советских символов. Идет поиск новых, более понятных населению ориентиров общественного развития. С другой стороны, есть фактическое состояние страны, которое не дает оснований для державных претензий российского руководства.

Не удивительно, что американские специалисты в области стратегических исследований, указывая на явное несоответствие претензий России на статус «великой державы» реальному ее статусу в мире, беспартийно заявляют: «Такие требования, исходящие от правительства, которое фактически находится под опекой МВФ и МБ и которое проиграло холодную войну, являются не только не заслуженными, не приемлемыми для Европы и фантастичны сами по себе, они просто не реализуемы»³.

Подобные выводы подтверждают и сами «реформаторы». В секретном письме Е.Г. Ясина в бытность его министром экономики в правительстве Черномырдина откровенно отмечалось: «Реальных условий для роста экономики нет... ситуация с большей вероятностью будет и дальше ухудшаться».

¹ См.: Бляхман Л., Кротов Н. Указ. соч. С. 14.

² Виноградов В.В. Указ. соч. С.32.

³ Подробно об экономических причинах сокращения численности населения в «реформиремой» России см.: Глазьев С.Ю. Геноцид. М., 1998.

¹ См.: Пивоваров Ю. Сжатие «экономической ойкумены» России // МЭМО. 2001. №4. С. 63 – 69.

² См.: Львов Д.С. Какая экономика нужна России? // Рос. экон. журн. 2002. № 12. С. 4.

³ Цит. по: Арин О.А. Указ. соч. С.106.

ся». В документе «О некоторых аспектах формирования нового рынка», подготовленного на основе рекомендаций МВФ, он же отмечал: «...По разным оценкам 50 – 70% нашей промышленности не в состоянии адаптироваться к открытой рыночной экономике. Большинство подотраслей машиностроения, значительная часть химической, легкой промышленности становятся излишними. Их продукция никому ни в мире, ни в стране не нужна». Эти откровения министра подтверждают прогнозы ЦРУ, согласно которым к 2025 г. отставание РФ не только от западных стран, но и от Китая, Бразилии, Мексики и т.п. государств будет необратимым.

Самое драматичное, по мнению уже отечественных специалистов, «за 15 лет реформ не только значительно разрушен накопленный предыдущими поколениями потенциал, но, что для нашей страны даже более существенно, утрачена ориентация в пространстве и времени – ценностные установки и целеполагания»². Это, пожалуй, наиболее опасный для существования любой страны итог «радикальных реформ».

5.3. Россия на распутье: необходимость новой мобилизационной политики

Современная Россия оказалась в условиях и внутренних, и внешних более жестких, чем СССР в конце 20-х гг. И хотя по-прежнему звучат официальные заявления о «неизменности курса реформ», на разных уровнях государственной власти идет осознание всей сложности стоящих перед страной проблем и поиск путей их решения.

Прежде всего речь идет о трех взаимосвязанных проблемах: первая – сохранение территории и населения страны, вторая – обеспечение ее суверенитета и национальной безопасности, третья – модернизация экономики на пути развития высокотехнологичных производств и увода ее от ресурсной направленности. В обществе растет понимание того, что если в ближайшее десятилетие эти проблемы не будут решены, то к середине XXI века Россия может исчезнуть как самостоятельное государство, а ее территория превратится в «кладовую» природных ресурсов, «оприходованную» странами НАТО для содержания «золотого миллиарда».

Первые две проблемы во многом зависят от третьей. Вот почему первоочередного внимания требует проблема обновления производственного аппарата страны. Степень износа основных производственных фондов такова, что на их обновление требуется направлять почти 50% ВВП, что представляется практически невозможным. Одна из причин крайней изношенности оборудования – элементарное проедание капитала через использование фонда амортизации на выплату заработной платы работникам и руководству

предприятий. Возник замкнутый круг: если использовать амортизацию по своему назначению, то есть на обновление основных производственных фондов, то произойдет резкое падение текущего потребления населения. В то же время, если и дальше финансировать текущее потребление за счет амортизации, то в скором времени производственные мощности сократятся, а значит, произойдет падение объемов производства и потребления.

Как ответ на эту жизненно важную для судьбы страны проблему следует рассматривать появление подготовленной в 2001 г. Центром стратегических разработок под руководством нынешнего главы Минэкономразвития Г. Грефа специальной программы, направленной на оживление инвестиционной активности в России и соответствующее ускорение экономического роста¹. Ее продолжением явилась опубликованная в феврале 2003 г. «Программа социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу 2003 – 2005 годы». Общие контуры этой программы представлены на рис. 7.

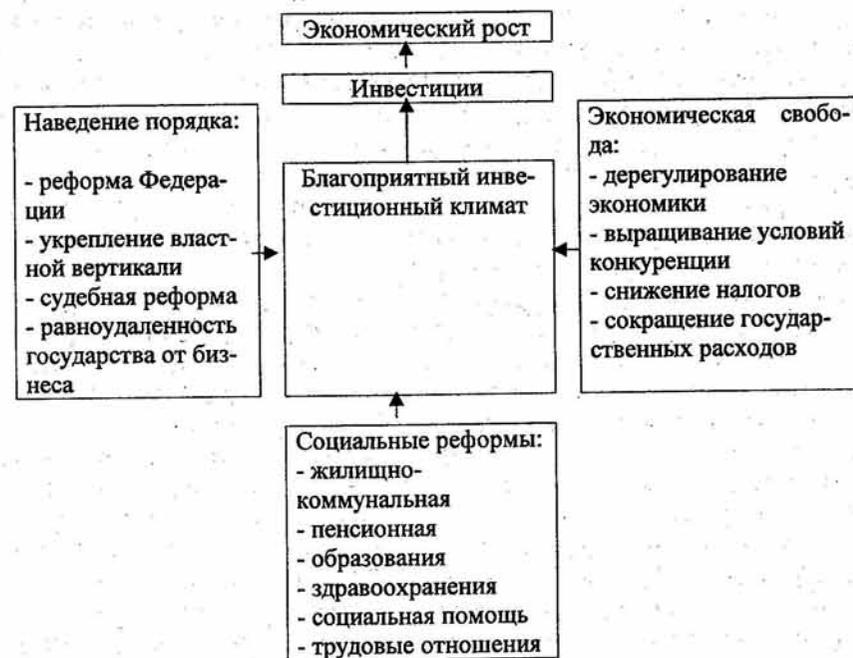

Рис. 7. Либеральный вариант государственной политики экономического роста

¹ См.: Бляхман Л., Кротов Н. Указ. соч. С.13.

² Россия в глобализирующемся мире. С.12.

¹ Подробное изложение содержания программы см.: Ясин Е. Экономический рост как цель и как средство // Вопр. экономики. 2001. № 9.

По своему содержанию программа представляет собой либеральный вариант политики экономического роста. Именно рост предстает как цель политики государства и как средство улучшения положения страны. В рассматриваемом варианте по-прежнему делается ставка на силы рынка. Но поскольку десять лет реформ убедительно показали, что рынок сам по себе не может обеспечить необходимые для обновления экономики инвестиции, программа отводит значительную роль политике государства.

Рис.7 позволяет увидеть три четко обозначенных направления этой политики: расширение экономической свободы хозяйствующих субъектов, проведение реформ в социальной сфере и наведение порядка в стране.

Первое направление предполагает отказ от государственного регулирующего воздействия на экономику, снижение налогов и соответственно сокращение расходов государства, «выращивание» условий конкуренции, в том числе путем демополизации отраслей с естественной монополией, таких, как энергетика и железнодорожный транспорт. Нельзя не обратить внимание на то, что официальное провозглашение, а тем более реализация этих положений программы делает современную Россию, а не США, оплотом либерального фундаментализма, хотя объективных оснований – ни природно-географических, ни политико-экономических – для подобного либерализма в России нет, и даже США, навязывающие его другим странам, далеки от него.

Важную роль в либеральном варианте играет второе направление политики государства, предусматривающее проведение социальных реформ, включая реформы жилищно-коммунального хозяйства, пенсионной системы, системы образования и здравоохранения, социальной поддержки населения. Смысл этих реформ – переложение расходов за услуги обозначенных социальных сфер на само население. Предполагается, что это разгрузит госбюджет, позволит снизить налоги на бизнес и тем самым оставить средства для инвестиций. Однако гарантий того, что эти средства пойдут на инвестиции, нет, а это означает, что уход государства из экономики есть не что иное, как сбрасывание им с себя заботы о бедноте населения и перекладывании на него дополнительного бремени.

Очевидно, что такая политика требует внесения изменений в трудовые отношения. Уже принятый новый КЗОТ урезает права наемных работников, отдавая их в полное распоряжение «работодателей», что, кстати, рассматривается авторами программы в качестве одного из важных факторов создания благоприятного инвестиционного климата в стране. Но, как справедливо пишет А.И. Уткин: «Все это возможно в основном теоретически. А в реальной жизни, для того чтобы, например, привлечь инвесторов, необходимы, как минимум, внутренняя политическая стабильность и способность местной элиты объяснить своему народу план

развития страны, смысл жертв на предлагаемом тяжелом пути. В отсутствие этого минимума увеличивается вероятность того, что возобладает хаос и разразится праведный бунт против модернизационного насилия»¹.

Последнее также учтено в либеральном варианте государственной политики. Третье ее направление предполагает «наведение порядка» в стране через реформирование системы федеративного управления и судебной системы. Действительно, перекладывание бремени социальных расходов на население и урезание его трудовых прав чреваты социальными конфликтами, гасить которые и должна означенная система мер по наведению порядка. Обеспечить необходимую эффективность этой системы призвана реформа Федерации, предполагающая перераспределение полномочий между различными ветвями государственной власти, федеральными и региональными органами при усилении властных функций федерального центра и укреплении судебной системы, на которую в бюджете на 2003 г. выделено в полтора раза больше средств, чем в предыдущем году.

Это представляется необходимым и потому, что программа провозглашает уход государства из экономики и его равноудаленность от бизнеса, но за этим лозунгом скрываются планы очередного перераспределения собственности. В свое время государственная собственность, по существу, была просто передана тем лицам, которые были ближе к власти на момент приватизации. Сейчас персоналии околоставных структур поменялись и возникла необходимость в новом разделе собственности и его законодательном оформлении.

Анализ основных направлений либерального варианта политики экономического роста показывает, что основной расчет ее авторы делают не на иностранные, а на внутренние источники инвестиций. Причем главным источником должен стать не столько прибавочный, сколько необходимый продукт. А это означает, что экономический рост должен быть осуществлен за счет сверхэксплуатации трудящихся, степень которой и так велика. Данные статистики свидетельствуют: на каждый доллар заработной платы среднестатистический российский работник производит валового внутреннего продукта в три раза больше, чем аналогичный американский.

Как возможен рост сверхэксплуатации, показывает пример развития железной дороги после дефолта в августе 1998 г. Здесь в 1998 г. были резко повышены тарифы на железнодорожные услуги, что вполне естественно вызвало падение спроса на эти услуги и соответствующее снижение доходов железной дороги. Под этим предлогом произошло сокращение числа работающих на железнодорожном транспорте на 540 тыс. После чего часть тарифов была понижена, часть заморожена. В условиях общего роста цен спрос

¹ Уткин А.И. Указ. соч. С.37.

на услуги железной дороги стал расти. Занятость же осталась прежней – просто люди стали работать в два-три раза больше, чем прежде. Сейчас после очередного повышения тарифов на услуги железной дороги возникли планы демонополизации железнодорожного транспорта и сокращения рабочей силы еще на 50 тыс. человек. Однако до сих пор не происходит модернизации железной дороги, потребность в которой давно назрела.

Если учесть, что единая энергосистема и железнодорожный транспорт до сих пор выступали как факторы, обеспечивавшие целостность России как государства, то их раздробление под флагом демонополизации чревато нарушением единства страны, поскольку энергопроизводящие регионы и территории со стратегически значимыми железнодорожными путями могут претендовать не только на экономическую, но и политическую автономию.

Таким образом, можно видеть, что либеральный вариант экономической политики не только не решает ни одной из отмеченных проблем современной России, но и усугубляет их. Парадокс «реформирования» заключается в том, что восстановить экономику как основу единого независимого государства до того, как процессы распада примут необратимый характер, вряд ли возможно без наделения ее некоторыми чертами экономики мобилизационного типа.

Весь ход «реформ» ставит страну перед альтернативой: либо ей исчезнуть как целостному и независимому государству, либо перейти к новой мобилизационной политике. «Из разрушительных процессов, охвативших Россию, нет иного выхода, кроме долговременной мобилизации государством усилий общества на осуществление стратегии спасения и постепенного восстановления индустриального потенциала», – вполне обоснованно считает известный экономист К.К. Вальтух¹.

Напомним, что опыт СССР в деле создания экономики мобилизационного типа и опыт других стран, в частности, США времен Великого кризиса, когда Ф.Рузвельтом был принят «новый курс», свидетельствуют о том, что такая политика характеризуется следующими условиями и признаками:

1. Наличие угрозы существованию страны и ее осознание руководством страны.
2. Постановка руководителями государства цели, заключающейся в устранении или противодействии этой угрозы.
3. Разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели.
4. Организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения

¹ Вальтух К.К. Указ. соч. С.20.

плана или программы.

5. Создание особого духовного подъема среди всех слоев населения, обеспечивающего готовность идти на временные лишения и даже жертвы.

Последний пункт имеет особое значение для обеспечения успеха мобилизационной политики. Опыт СССР показывает, что для его возникновения требуется объединяющая все население страны идея. Далеко не случайно вопрос о «национальной идее» то и дело возникает в различных кругах российского общества.

Однако определяющим политику властей либералам сама мысль о национальной идее представляется «химерой». На их взгляд, в России каждым человеком должна владеть идея хорошей жизни лично для себя и такое стремление каждого «жить хорошо» должно привести страну к «процветанию». «Одна из самых созидательных и объединяющих идей на сегодня, – пишется в одном учебном пособии, – это идея личного процветания, материального и духовного благополучия каждого отдельного человека и его семьи. Соединяясь же вместе, в масштабах страны, личные благополучия становятся общим благополучием России»¹. Идея, уходящая корнями во времена А. Смита, тиражируется в учебной и популярной литературе, в средствах массовой информации.

Содержание этой идеи говорит о том, что либералы признают наличие лишь частных интересов, а общественный интерес сводят к сумме частных. Столь грубый механицизм расходится с давно доказанным фактом возможности противоречий между частными интересами, что достаточно наглядно подтверждается нынешней российской действительностью. Личное благополучие в соответствии с постулатом либерализма «каждый за себя и один Бог за всех» уже достигнуто «новыми русскими», но достигнуто за счет разрушения страны и обнищания основной массы населения, то есть за счет интересов других. Вот почему население страны, традиционно ориентированное на социальную защиту, социальную справедливость, отказывается играть по правилам либералов. Такой отказ трактуется как «испорченность» населения социализмом, советской властью. На деле, как отмечает С.В. Тарасова, налицо противоречие «между генетически усвоенной коллективистской этикой и импортируемым с инструментами рыночной экономики индивидуализмом»². Очевидна необходимость того, чтобы хозяйственный механизм общества учитывал давно внедрившиеся в сознание людей установки социальной справедливости и ответственности.

Либералы не приемлют национальную идею и потому, что ее реализация возможна только через усиление экономической роли государства, в котором они, согласно своим доктринам, видят «корень зла» в эконо-

¹ Куликов Л.М. Основы экономической теории. М., 2001. С.345.

² Тарасова С.В. Теория и практика социализации переходной экономики. М., 2002. С.83.

мике. Характерны в этой связи откровения одного из отечественных идеологов либерализма В.Похмелкина. «Мы (либералы), – пишет он, – исходим из того, что государство и власть вообще – это хищник, которого общество может и должно приручить, сделать из него сторожевую собаку»¹. Но если под сторожевой собакой понимать содержащуюся за счет государства армию, то ее плачевное состояние после десяти лет рыночных реформ показывает, что и эту роль либерализм не обеспечивает. Государство, если оно отстранено от экономики, как это показывает нынешняя российская действительность, начинает жить за счет экономики, выступая как один из факторов ее истощения. Тем более, что за счет государства живет и богатеет ненасытный клан олигархов.

Вопрос о национальной идее не так прост в обществе, расколотом на различные классы и социальные группы, каким предстает современная Россия. Тем не менее, несмотря на попытки вытравить в ходе «радикальных реформ» все советское, до сих пор сохранились доставшиеся от СССР богатый духовный и культурный опыт, общественные идеалы, прежде всего идеалы социальной справедливости и патриотизма, не сводимые к частным материальным интересам и способные объединить людей общими целями и установками. Благодаря этому идею сохранения целостности и достижение национального суверенитета России как государства уже сейчас можно считать национальной. Она четко обозначает цель государственной мобилизационной политики, ради достижения которой готовы объединиться самые различные классы, социальные группы и силы российского общества. Для этого необходим такой путь развития, который строится на учете культурно-исторического своеобразия страны и позволяет задействовать духовно-нравственный потенциал общества, утвердившиеся в сознании людей традиции.

Исторический опыт указывает на два возможных пути осуществления мобилизационной политики: советский и американский, или, по определению К.К.Вальтуха, ленинский и рузвельтианский. Сложившаяся в результате 10 лет «радикальных реформ» ситуация в стране говорит в пользу американского пути.

В самом деле, советский путь предполагает наличие объединяющей всех идеи социализма, включающей в себя идею социальной справедливости и патриотизма, а также «партию большевиков» – особого типа людей, готовых ради идеи к самопожертвованию, на принятие жестких мер, вплоть до репрессий. Все это за годы перестройки и реформ опорочено, оболгано и не подлежит быстрому восстановлению, что, кстати, реформаторы считают своим главным достижением.

Американский (рузвельтианский) путь требует умного, энергичного и

национально ориентированного лидера, способного выдвинуть вдохновляющие народ идеи и с его помощью превратить государственный аппарат в движущую силу экономической системы, мобилизовать усилия ученых, способных обеспечить прорывные направления экономического развития, опережающие мировой уровень научно-технические разработки, а также патриотически настроенную предпринимательскую элиту, отчетливо осознающую опасности, грозящие России, и готовую на напряженную и самоотверженную работу по восстановлению и техническому обновлению решающих отраслей экономики. Сложившиеся в современной России условия предполагают именно этот путь. Его реализация требует принятия специальной мобилизационной программы и соответствующую систему мер по ее выполнению. По расчетам, активная мобилизационная политика позволила бы стране уже к 2020 г. восстановить уровень ВВП 1989 – 1990 гг.¹ Это означало бы и восстановление необходимой для суверенного развития России ее экономической и оборонной мощи. «Мобилизационная модель, – считает В. Попов, – проводимая последовательно, жестко и в партнерстве с бизнесом, позволит выйти на среднегодовой рост в 10 – 15%. К 2010 г. Россия будет иметь среднеразвитую самодостаточную экономику, сохранившую высокотехнологичные отрасли, реализованные ноу-хау ВПК, образовательный потенциал и высокую занятость»².

Условия для выполнения такой программы есть. Несмотря на разрушение значительной части производственной сферы, до сих пор осталась не разрушенной единая энергетическая система. В ней в связи со спадом производства существует значительный излишек энергетических мощностей, который мог бы обеспечить быстрый рост производства.

СССР также оставил достаточно мощный научный и интеллектуально-творческий потенциал сравнимый только с потенциалом США. Согласно расчетам Н.П. Федоренко, потенциал НИОКР современной России достигает минимум 400 млрд, а максимум – 800 млрд долл.³ Хотя до сих пор продолжается «утечка мозгов», в стране еще есть ученые, продолжающие плодотворно заниматься проблемами, определяющими возможность технологической модернизации базовых отраслей. Не растрочен их духовно-творческий заряд, без которого выполнение задачи вывода страны в ранг мировых лидеров вряд ли осуществим. Возможно привлечение тех ученых, которые покинули страну, вместе с их приобретенным на Западе опытом, хотя на первых этапах мобилизационной политики важно сохранение имеющихся в России специалистов и творческих коллективов.

Исключительно важную роль могут сыграть технологические достиже-

¹ Демократический выбор. №5. 2001. С.4.

¹ См.: Вальтух К.К. Указ. соч. С.13.

² Завтра. 2003. № 28 – 29.

³ Федоренко Н.П. Россия: Уроки прошлого и лики настоящего. М., 2001. С.99.

ния ряда наукоемких отраслей России, которые определяют стратегические направления мирового прогресса. Все еще существуют наукограды, способные производить интеллектуальную продукцию мирового уровня. Особого внимания в этой связи заслуживают сохранившиеся отрасли ВПК, способные предлагать новейшие технологии, в том числе так называемые макротехнологии. Под ними понимается совокупность всех технологических процессов (НИОКР, подготовка производства, производство, сбыт и послепродажное обслуживание) по созданию определенного вида продукции с заданными параметрами. По оценкам того же Н.П. Федоренко, из 46 макротехнологий, которыми обладают 7 высокоразвитых стран, на долю США приходится 20 – 22, по которым они держат или разделяют лидерство, на долю Германии – 8 – 10; Японии – 7, Великобритании и Франции – 3 – 5. Для России в ближайшее десятилетие основными могли бы быть 6 макротехнологий, по которым наш суммарный уровень знаний сегодня приближается к мировому, если не превосходит его. Речь идет об авиации, космической технике, ядерной энергетике, судостроении, спецметаллургии и энергетическом машиностроении. Если бы перечисленные макротехнологии удалось сделать конкурентоспособными, то Россия на мировом рынке наукоемкой продукции могла бы увеличить свою долю с нынешних 0,3 до 10 – 12%¹.

Ставка на создание и превращение в товарный продукт макротехнологий предполагает соответствующий уровень того, что называется человеческим фактором. Поэтому государству необходимо обеспечить сдвиг в структуре общественного потребления в пользу образования, науки, информационных услуг, здравоохранения и экологии. Это, в свою очередь, требует совершенствования системы управления на всех уровнях и сферах экономики, ориентации на творчество, на поиск нового, на развитие инновационной культуры, поддержку творческого лидерства, финансовую помощь креативным организациям. В этой связи возникает необходимость в создании инфраструктуры инновационной деятельности, включая специальные брокерские фирмы. Именно она призвана обеспечивать продвижение имеющих товарную форму знаний и технологических достижений на мировой рынок, привлекать зарубежных потребителей интеллектуальной продукции в Россию, обеспечивать размещение иностранных заказов на проведение НИОКР российскими научно-техническими организациями.

Таким образом, мобилизационность предстает как необходимый фактор перевода экономики России с ресурсно-сырьевого на инновационный путь развития с перспективой вывода страны в ранг мировых технологических лидеров. Важно при этом отметить, что история нашей страны и существующие в современном мире тенденции свидетельству-

¹ Федоренко Н.П. Указ. соч. С.99.

ют, что закрепление лидирующих позиций России в мировой технологической гонке немыслимо без укрепления оборонного потенциала страны в объеме, достаточном для обеспечения национальной безопасности.

Приведение в действие производственного и научно-творческого потенциалов требует специальной и конкретной инвестиционной программы. Ее составление возможно при точном знании состояния производственного аппарата в самых различных отраслях экономики, что предполагает инвентаризацию основных производственных фондов страны. С учетом этого должны быть определены приоритеты инвестиционной деятельности: что должно быть восстановлено, что обновлено, реконструировано или создано заново.

Необходимым условием реализации программы является определение источников ее финансирования.

Очевидно, что одним из таких источников должен стать государственный бюджет и государственная собственность. Значительную роль здесь призвана сыграть природная рента. Данные, приводимые Д.С. Львовым, указывают на то, что хотя распределение национального дохода по факторам происходит в порядке, при котором 70% приходится на труд, 15% на капитал и 15% за землю, реальная факторная структура чистого продукта России лишь на 5% определяется трудом, на 20% капиталом и на 75% землей¹. Последнее подтверждается тем, что ТЭК и другие сырьевые отрасли дают 2/3 получаемой в стране прибыли. Но, несмотря на это, налоги за недропользование и плата за ресурсы составляют всего около 4% поступлений в госбюджет². Годовой недополученный рентный доход Д.С. Львов оценивает в 40 – 45 млрд долл.

Значительную ренту, не уступающую по своим размерам ренте нефтяной и газовой промышленности, могло бы давать лесное хозяйство, которое за годы реформ оказалось в запущенном состоянии и стало объектом неприкрытого браконьерства. Наведение элементарного порядка в этой отрасли могло бы превратить ее в мощный источник валютных поступлений, причем без угрозы исчерпания леса как природного ресурса.

Огромную прибыль имеет РАО «ЕЭС», которое носит ярко выраженный монопольный характер, несмотря на высокую себестоимость энергии тепловых электростанций и значительный износ энергетического оборудования. При себестоимости одного киловатт-часа на гидроэлектростанциях в 5 копеек, компания берет с населения плату в 34 коп., а с предприятий и того больше.

Не менее значительной является прибыль, получаемая от продажи

¹ См.: Львов Д.С. Экономический манифест. Будущее российской экономики. М., 2000. С.40.

² См.: Пансков В. Налоговый кодекс РФ: работа продолжается, проблемы остаются и множатся // Рос. экон. журн. 2001. № 10. С.27.

вино-водочной продукции, которая в основном идет мимо государственного бюджета.

Так что государство должно проводить активную налогово-бюджетную политику, мобилизуя рентные доходы и монопольную сверхприбыль в свой бюджет и целевым путем распределяя средства на модернизацию производственных мощностей. Мобилизационная политика в случае ее поддержки большей частью населения могла бы рассчитывать и на сбережения граждан, в том числе валютные – их объемы, хранящиеся только в «матрасах» оцениваются в 40 – 60 млрд долл.¹ В рамках специальной программы можно было бы предусмотреть меры, гарантирующие возврат гражданам их рублевых и валютных вкладов. Важное значение в этой связи приобретает государственный контроль над финансовой сферой, прежде всего банками, с тем чтобы нацелить их деятельность на финансирование инвестиционных программ. В том числе государство могло бы использовать накопленные золотовалютные резервы в качестве залога инвестиционных кредитов.

Проведение мобилизационной политики предполагает контроль государства за деятельностью частных предприятий, особенно крупных и определяющих научно-технический прогресс. Одной из действенных форм такого контроля может быть лицензирование инвестиционной деятельности частных предприятий. Не исключен прямой государственный контроль за их воспроизводственными фондами, прежде всего за фондом амортизации, фондом развития производства и фондом заработной платы. Представляется необходимым установление лимитов занятости и заработной платы, включая доходы руководителей частных компаний. Должны быть исключены случаи, когда при средней зарплате в 100 долл. руководители компаний получают «зарплату» в 150 тыс. долл. и более в месяц. Ввиду разрыва в уровнях доходов высшей и низших децильных групп населения, в 2,5 – 3 раза превышающего предельно допустимый для цивилизованных стран уровень, необходим прогрессивный подоходный налог. Его отсутствие в немалой мере способствует тому, что в России уже в течение длительного времени наблюдается высокий уровень валовых сбережений, достигающих трети ВВП, но при этом лишь около половины их превращается в инвестиции². К устранению шокирующего любого нормального человека разрыва в доходах должно вести существенное повышение зарплаты низко- и среднедоходной категории работников. Это, в свою очередь, может способствовать обновлению и росту производительности основного капитала, ведь не секрет, что в

условиях дешевого труда стимулов к его замене капиталом не возникает.

Столь же необходим государственный контроль за внешнеэкономической деятельностью компаний, в том числе валютной выручкой. Известно, что среди стран – членов МВФ в 75 государствах существует практика обязательной продажи экспортной валютной выручки. Причем в 42 странах экспортеры обязаны продавать государству всю валютную выручку. России почему-то среди них нет.

Немаловажным в системе мобилизационных мероприятий является государственный контроль над ценами, как оптовыми, так и розничными. Прежде всего речь идет о потолке цен на продукцию предприятий монополистов и олигополистов. Это создало бы стимул увеличивать доходы не путем повышения цен, а увеличением объемов производства. Поскольку объектом такого контроля должны быть в первую очередь цены на издержкообразующие товары (энергия, тепло, транспортные услуги), то он мог бы способствовать стабилизации общего уровня цен, исключению из числа убыточных наукоемких производств, активизации инвестиционной деятельности и повышению ее эффективности. В известной мере это могло бы содействовать межотраслевому переливу капитала, практическое отсутствие которого в России сдерживает структурную и технологическую модернизацию ее экономики.

Понятно, что переход к новой мобилизационной политике не может не вызвать сопротивления весьма влиятельных сил, паразитирующих на технологической отсталости России и ее колониально-сырьевой ориентации. Так что российский «новый курс» потребует целеустремленного политического обеспечения интересов другой, несравнимо большей части населения, включая интересы национального, а не компрадорского, капитала. Это, в свою очередь, позволило бы получить со стороны населения поддержку и активное участие в российском «новом курсе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В тысячелетней истории России XX век оказался наиболее сложным. Эта сложность нашла отражение в разных подходах к его оценке, особенно советского периода. Материал данной книги говорит о том, что весь период характеризуется достаточно логичным и разумным развитием. То, что у каждого решения есть альтернатива, кажется аксиомой, но у решений, определивших мобилизационный путь развития советской экономики, альтернативы на самом деле не было. История показала, что советский период стал периодом наивысшего подъема тысячелетнего российского государства.

Не все в советской истории было однозначно и просто. Но совер-

¹ См.: Абалкин Л. Современное состояние экономического мышления в России // Рос. экон. журн. 2002. № 12. С. 83.

² См.: Водянов А., Смирнов А. Инвестиционная политика: каким методам госрегулирования отдать предпочтение? // Рос. экон. журн. 2001. № 12. С. 4.

шенно очевидно, что эта история дает богатейший материал для историков, экономистов и политологов. Она таит открытия, если подходить к ней не предвзято, в том числе открытия, способные определить будущее всей цивилизации. Уже сейчас можно вполне определенно сказать, что из-за нарастания глобальных ресурсных и экологических проблем человечеству не выжить без мобилизационности. Раньше всех это поняли США, объявившие богатые природными ресурсами страны зоной своих «жизненных интересов» и, как показали события 2003 г. в Ираке, готовые отстаивать эти интересы военным путем.

История России, прежде всего современная, дает ответ на вопрос, который часто возникает у историков и экономистов: «почему ни одна реформа в России не доводилась до конца?». Мы видели, что почти все реформы носили либеральный характер и это было объективно необходимо для страны. Но либерализация экономики, призванная вызвать к жизни инициативу, предприимчивость, творческий поиск и новаторство, вне необходимого институционального сопровождения становится не созидательной, а разрушительной силой, поскольку всей своей сущностью она направлена на полное устранение мобилизационности из политики государства. А это в тех природно-климатических, географических и геополитических условиях, в которых находится Россия, ведет к ее гибели. Довести такие реформы до конца означает в прямом смысле довести до «конца» Россию как единое, целостное государство. Результаты проводимых ныне «реформ» это достаточно убедительно подтверждают. Но, как показывает история, в особые критические моменты к власти приходили силы, которые, проводя мобилизационную политику, уводили страну от катастрофы.

История каждой страны – это часть памяти народа, ее населяющего. История СССР – часть памяти русского и других народов, живущих в России. Потеря памяти – свидетельство нездоровья, опасного для жизни любого народа. У Черчиллю приписывают такие слова: «Если мы будем сражаться с прошлым, мы потеряем будущее». Недруги России заставляют нас сражаться с советским прошлым для того, чтобы мы потеряли будущее. Библиотеки школ и вузов заполняют учебники по истории и экономике, в которых из множества правд, вырванных из исторического контекста, с разной степенью ловкости делается одна большая неправда о советском периоде.

Но, несмотря на это, отношение к истории СССР начинает меняться. Появляются книги, несущие Правду – правду истории страны, которой можно гордиться. Хотелось бы, чтобы к их числу была отнесена и наша книжка. Как мог убедиться читатель, в ней нет стремления как-то приукрасить советскую историю, оправдать то, что нельзя оправдать, а есть стремление объяснить, почему было так, а не иначе. Если эти объяснения поняты и приняты читателем, значит, поставленная автором задача выполнена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абалкин Л.И. Современное состояние экономического мышления в России // Рос. экон. журн. 2002. № 12.
2. Андрианов В.Д. Россия в мировой экономике. М., 1999.
3. Андропов Ю.В. Избранные статьи и речи. М., 1983.
4. Арин О.А. Мир без России. М., 2002.
5. Артемова О.В. Стабилизация и экономический рост в условиях цикличности (макрэкономический подход). Челябинск, 2002.
6. Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // МЭМО. 2002. № 5.
7. Белокрылова О.С. Теория переходной экономики: Учеб. пособие. Ростов-н/Д., 2002.
8. Бляхман Л., Кротов М. Глобализационное измерение реформ и задачи промышленной политики // Рос. экон. журн. 2001. № 3.
9. Богомолова Т.О., Тапилина В.С. Экономическое неравенство населения России в 90-е годы: бедных все больше, богатых все меньше // ЭКО. 2001. №2.
10. Борисоглебская А.А. Мировой финансовый кризис 1997 – 1998 гг.: причины и последствия // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 5.
11. Вайцзеккер Э., Ловис Э., Ловис Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная: Новый доклад Римскому клубу. М., 2002.
12. Вальтух К.К. Необходима мобилизационная экономическая стратегия // ЭКО. 2000. № 11.
13. Валянский С.И., Каложный Д.В. Третий путь цивилизации, или Спасет ли Россия мир? М., 2002.
14. Виноградов В.В. Экономика России: Учеб. пособие. М., 2002.
15. Водянов А., Смирнов А. Инвестиционная политика: каким методам госрегулирования отдать предпочтение? // Рос. экон. журн. 2001. № 12.
16. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947.
17. Воронов Ю.П., Ханин Г.И. Есть ли будущее у российской экономики? // ЭКО. 2001. № 10.
18. Галицкий В., Попов С. К сравнению эффективности функционирования государственных и частных предприятий // Рос. экон. журн. 2001. № 3.
19. Гитлер А. Моя борьба: Пер. с нем. М., 1992.
20. Глазьев С.Ю. Геноцид. М., 1998.
21. Он же. Об очередной правительственной среднесрочной программе и не только о ней // Рос. экон. журн. 2003. № 3.
22. Горшков А.В. Российские реформы и западные экономисты. Челябинск, 2001: С.4.
23. Градов А.П. Национальная экономика: Курс лекций. СПб., 1997.
24. Гукасян Г.М. Экономическая теория: проблемы «новой экономики». М., 2002.

25. Гумеров Р. Разработка эффективной модели госфинансирования российского АПК: новые подходы к его консолидированному бюджету // Рос. экон. журн. 2003. № 4.
26. Долгов В.Г. и др. Выбор нового курса. М., 1991.
27. Евразийство: теория и практика. М., 2001.
28. Ершов М. Россия и рычаги глобальной политики // МЭМО. 2002. № 5.
29. Ильин И.А. О русской культуре // Собр. соч.: В 10 т. Т.6.
30. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2001.
31. Он же. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.
32. Он же. Манипуляция сознанием. М., 2001.
33. Клюев Н.Н. Экологический итог реформирования России // Вестн. РАН. 2001. № 3.
34. Комлева Н. Геополитическое сжатие // МЭМО. 2003. № 2.
35. Конторов Д.С., Михайлов Н.В., Саврасов Ю.С. Введение в физическую экономику: (Право собственности в XXI веке). М., 2001.
36. Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. М., 2001.
37. Кудинов В.П. Международные позиции России на рубеже XX – XXI веков. Уфа, 1998.
38. Кудров В. Крах советской модели экономики. М., 2000.
39. Куликов В.В. Становление новой экономической системы // Рос. экон. журн. 2003. №1. С.6.
40. Куликов Л.М. Основы экономической теории. М., 2001.
41. Купцов А.Г. Земля-эк, или Столыпинская катастрофа в России. М., 2002.
42. Кургинян С. Седьмой сценарий. Постперестройка. М., 1992.
43. Курс экономической теории: Учеб. пособие // Под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров, 1994.
44. Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться / Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.
45. Леонтьев А. Модернизация по корейскому образцу: применима ли она для России // Альтернативы. 1997. № 4.
46. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. М., 2001.
47. Они же. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003.
48. Литвинцева Г.П. Кризис инвестиций углубляется: где выход? // ЭКО. 2003. № 5.
49. Львов Д.С. Будущее России: гражданский манифест. М., 2003.
50. Он же. Какая экономика нужна России // Рос. экон. журн. 2002. № 12.
51. Он же. Экономический манифест. Будущее российской экономики. М., 2000.
52. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч.П.
53. Мирский Г. Ушел ли тоталитаризм вместе с двадцатым веком? // МЭМО. 2002. № 1. С. 42.

54. Мухин Ю.И. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993.
55. Народное хозяйство СССР за 60 лет: Стат. ежегодник. М., 1977.
56. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник. М., 1987.
57. Нуреев Р. Теории развития: дискуссии о внешних факторах становления рыночной экономики // Вопр. экономики. 2000. № 7.
58. Он же. Экономика развития: Модели становления рыночной экономики. М., 2001.
59. Павлов В.С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995.
60. Пальшина Е.Н. Региональные особенности становления и развития предпринимательства в агропромышленном комплексе Урала. Екатеринбург, 2003.
61. Пансков В. Налоговый кодекс РФ: работа продолжается, проблемы остаются и множатся // Рос. экон. журн. 2001. № 10.
62. Перламутров В. Кто остановит цены? // Неделя. 1993. № 23.
63. Пивоваров Ю. Сжатие «экономической ойкумены» России // МЭМО. 2002. №12.
64. Политическая экономия: Учеб. для вузов. М., 1990.
65. Пороховский А.А. Вектор экономического развития. М., 2002.
66. Путь в XXI век / Под ред. Д.С. Львова. М., 1999.
67. Резников А., Мелентьев А. Нынешняя реформа и НЭП: итоги и уроки аналитического сопоставления // Рос. экон. журн. 2003. № 4.
68. Российский статистический ежегодник. М., 2001.
69. Россия в глобализирующемся мире: Новые требования к стратегии развития. Совет Федерации Федерального собрания РФ: Аналит. докл. М., 2001.
70. Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 2001.
71. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. СПб., 1998.
72. Сажина М.А. Научные основы экономической политики государства. М., 2001.
73. Седов В.В. Экономическая теория. Ч. 1. Введение в экономическую теорию. Челябинск, 2002.
74. Сельское хозяйство России: Стат. сб. М., 2001.
75. Скоров Г. Капитализму XXI века предстоит решить труднейшие задачи // МЭМО. 2003. № 3.
76. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. М., 1997.
77. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
78. Социальное развитие СССР. М., 1991.
79. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952.
80. Он же. Собр. соч. Т. 13. С. 39.
81. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957.

82. Тарасова С.В. Теория и практика социализации переходной экономики. М., 2002.
83. Тимошина Т.М. Экономическая история России: Учеб. пособие. М., 2000.
84. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990.
85. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002.
86. Федоренко Н.П. Россия: Уроки прошлого и лики настоящего. М., 2001.
87. Фонов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
88. Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. СПб., 1998.
89. Он же. Погружение в бездну. СПб., 2000.
90. Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. СПб., 1999.
91. Ханин Г.И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 11.
92. Ханин Г. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль – XXI. 2003. № 7.
93. Чунтулов В.Т. и др. Экономическая история СССР. М., 1987.
94. Швейцер П. Победа: Пер.с пол. Минск, 1995.
95. Шмелев Н., Попов В. На переломе: перестройка экономики СССР. М., 1989.
96. Экономическая теория на пороге XXI века: В 2 кн. Кн. 1. Философия / Под ред. Ю.М. Осипова. М., 2001.
97. Ясин Е. Экономический рост как цель и как средство // Вопр. экономики. 2001. № 9.
98. Baumol W.J., Blinder A.S. Microeconomics: principles and policy. N.Y., 2003.
99. Keiser R. Russia. N.Y., 1979.
100. Manuel de l'OTAN. Bruxelles, 1966.
101. Schiller B.R. The economy Today. N.Y., 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. КОМАНДНАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ТИП . 5	
1.1. Командная экономика: сущность и сравнительные признаки	5
1.2. Мобилизационный тип командной экономики	17
1.3. Мобилизационность – элемент современных «цивилизованных» экономик	28
Глава 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОМАНДНОЙ ЭКОНОМИКИ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ТИПА В СССР	39
2.1. Россия на пути к мобилизационной экономике	39
2.2. Необходимость экономики мобилизационного типа в СССР	50
2.3. Формирование мобилизационной экономики в СССР	58
Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИКИ СССР И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ	70
3.1. Социально-экономический эффект мобилизационной экономики СССР	70
3.2. Особенности и противоречия экономики СССР	84
3.3. Антикризисная сущность экономических реформ в СССР	99
Глава 4. МОБИЛИЗАЦИОННОСТЬ В СТРАТЕГИИ РАЗРУШЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СССР В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»	113
4.1. Внутренние предпосылки и внешние факторы разрушения экономики СССР	113
4.2. Перестроечный механизм разрушения экономики СССР	125
4.3. Альтернативные пути реформирования экономики СССР	134
Глава 5. «РАДИКАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ» В РОССИИ КАК ПЛОД ЭКОНОМИКИ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ТИПА	140
5.1. Демобилизация – сущностная основа российских реформ	140
5.2. Итоги «демобилизации» экономики России	147
5.3. Россия на распутье: необходимость новой мобилизационной политики	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	173

Научное издание

СЕДОВ Валентин Владимирович

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ

Редакторы: Е.А. Иванова, Н.П. Мирдач

Компьютерная верстка Е.А. Ляшевской

Подписано в печать 28.11.03.

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 12,0.

Тираж 150 экз. Заказ 347.

Цена договорная

Челябинский государственный университет
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Полиграфический участок Издательского центра ЧелГУ
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б